
**ОЛЬГА
КРЫШТАНОВСКАЯ**

ЗАХАРОВ

ОЛЬГА
КРЫШТАНОВСКАЯ

АНАТОМИЯ РОССИЙСКОЙ
ЭЛИТЫ

ЗАХАРОВ • МОСКВА

Посвящается АПК

К 85 Крыштановская О. Анатомия российской элиты. — М.: Захаров, 2005. — 384 с.

«Анатомия российской элиты» — не обычная книга. Это плод пятнадцатилетних исследований известного социолога Ольги Крыштановской. Российский правящий класс впервые подвергается анализу столь масштабно и глубоко. Это не досужие размышления автора, а жесткий, беспристрастный взгляд ученого, препарирующего действительность скрупулезно и объективно. За каждым словом стоят факты, цифры, доказательства. Сравниваются четыре поколения элиты: Брежневское, Горбачевское, Ельцинское и Путинское. Перед читателем раскрывается удивительный мир самой закрытой группы нашего общества — элиты, механизмов ее формирования, состава и композиции, внутренних конфликтов, особенностей генезиса и психологии. Особое внимание уделяется политическим реформам В.Путина и тому, какие последствия они будут иметь для правящего класса страны.

Книга рассчитана не только на научных работников, преподавателей, студентов и аспирантов, изучающих социологию и политологию, но и на широкий круг читателей, интересующихся тем, кто правит Россией.

ISBN 5-8159-0457-0

ББК 63.3(2)

© Ольга Крыштановская, автор, 2004
© Игорь Захаров, издатель, 2004

Оглавление

Романтическое предисловие автора	7
<i>От издателя</i>	8
Введение	9
Глава 1. Основы теории элиты	24
1.1. Обзор классических теорий элиты	24
1.2. Политическая стратификация	37
1.3. Государство. Власть и ее ресурсы	43
1.4. Политический рынок и капитал	53
1.5. Структура политического класса	63
1.6. Элита — высшая страта политического класса	73
Глава 2. Вход в элиту (инкорпорация)	99
2.1. Выборы как механизм элитной инкорпорации	102
2.2. Переход к выборной системе формирования региональной элиты	118
2.3. Реформация федеральной элиты	145
2.4. Выборы и партии	154
Глава 3. Выход из элиты (экскорпорация)	174
3.1. Тенденции нисходящей мобильности элиты	174
3.2. Отставки советской элиты	177
3.3. Отставки при М.Горбачеве	182
3.4. «Кадровая мясорубка» Бориса Ельцина	186
3.5. Отставки при Владимире Путине	209
Глава 4. Модернизация верховной власти	217
4.1. Советская политическая система и топ-элита	218
4.2. Изменение верховной власти при Б.Ельцине	228
4.3. Политические реформы В.Путина	236

Глава 5. Российская бизнес-элита	291
5.1. Понятие «бизнес-элита»	292
5.2. «Комсомольская экономика» и генезис бизнес-элиты ...	294
5.3. Латентный этап приватизации и появление крупного бизнеса	307
5.4. Бизнес-элита и олигархия	318
5.5. Социологический портрет бизнес-элиты	338
5.6. Политическая связь бизнеса и власти	346
Заключение. Старый класс, новый конфликт	372
Именной указатель	378

Романтическое предисловие автора

Россия бурлит. Здесь варится густой бульон истории. Здесь никогда не бывает штиля. Исследовать современную Россию — примерно то же, что изучать состав дыма, уносимого порывами ветра. Или рябь на воде во время начинающегося шторма.

Только что-то прояснится, остановится, определится — вот, казалось бы, садись и пиши. Я и сажусь. Открываю компьютер. Называю файл — «Замок.doc». Начинаю набирать слова. Смотрю в окно, чтобы сверить свои ощущения с реальностью. Замок стоит на берегу — величественный, могучий, загадочный. Пишу: «Замок имеет пять башен, пять звезд и пять ворот. Он построен давно и простоит долго».

Уточняющий взгляд в окно: Замок есть. Но ветер усилился. Он отрывает от тела Замка песчинки, и они летят прочь. Быстро надвигается волна с белым гребнем. Мгновение — и она у подножия Замка, подмывает фундамент. А за ней вторая — рушит ворота. А потом третья — и нет ни башен, ни звезд. Секунды — и все ровно, словно здесь ничего и не было. Песок, волны, ветер...

Вот так писать книгу о современной России! Пока задумываешься, подберешь слова — и нет ничего. А глянешь в другой раз — опять он стоит, но только башен стало шесть, а вместо звезд — птицы.

Я, конечно, понимала, садясь за эту книгу, что пока допишу — многое может измениться. Многое и изменилось. Что же с этим поделать? Кто-то все время перестраивает Замок. А кто-то его рушит. Я же смотрю в окно и пытаюсь это описать.

Ольга Крыштановская
Берег Москвы-реки
ноябрь 2004 г.

От издателя

Первое издание монографии Ольги Крыштановской «Анатомия российской элиты» увидело свет в начале 2004 года. Книга была отпечатана на ризографе скромным тиражом в одну тысячу экземпляров, и их быстро раскупили. Поскольку спрос явно превысил предложение, я переиздаю эту книгу массовым тиражом. У вас в руках обновленный вариант книги: автор несколько сократил теоретическую часть, добавил «фактуры» и отредактировал в расчете на более широкий круг читателей. В нем появились также новые фрагменты о последних изменениях политического ландшафта России, связанных с делом ЮКОСа или отменой губернаторских выборов.

Игорь Захаров

Введение

Эта книга — о переменах, которые произошли с российским обществом за последние 20 лет, об элите, которая эти перемены совершила и которая изменилась сама. Кто они — нынешние правители России: старые люди в новом обличье или новое племя, пытающееся вспомнить советское прошлое?

Эта книга — итог моей многолетней работы в качестве руководителя департамента изучения элиты Института социологии РАН. Этот департамент был создан в 1989 году — первое подразделение в стране, специализирующееся на исследованиях столь закрытой группы общества.

До 1989 г. любые вопросы, связанные с изучением правящей группы страны, были тайной за семью печатями. Тогда не только исследования, но и употребление самого слова «элита» были запрещены в СССР. Книга М. Восленского «Номенклатура» имела гриф «совершенно секретно» и хранилась в единственном экземпляре в библиотеке ЦК КПСС. Советские люди не должны были знать о жизни тех, кто управлял страной. Идеологические мифы заменяли правду. «Первые отделы» (эти ячейки КГБ, функционировавшие в каждом трудовом коллективе) неустанно следили за тем, чтобы социологи не спрашивали население об отношении к руководителям партии и правительства. Каждого, кто нарушил бы это требование, ожидали большие неприятности: конец научной карьеры, репрессии или даже тюрьма.

Перестройка, начатая М. Горбачевым, все изменила. Началась либерализация жизни, которая затронула и Академию наук СССР, в которой я тогда работала младшим научным сотрудником. В Институт социологии пришел новый директор, слывший большим либералом — Владимир Ядов. В Институте социологии впервые был объявлен открытый конкурс проектов.

Активность ученых была невысока: все были уверены, что гранты дадут только «красной профессуре» — идеологически выдержанным и морально устойчивым членам

КПСС, которые возглавляли крупные отделы. Но я решила попробовать. Друзья и коллеги удивлялись моей наивности и не верили в успех. Я тоже не особенно надеялась, но все же подала заявку на проект под названием «Административная система СССР и ее субъекты» (термин «элита» все же выглядел слишком рискованно). И каково же было мое ликование, когда проект утвердили и эта тема вошла в реестр государственных тем, финансируемых Академией наук.

Нашей маленькой группе, состоящей из 5 человек, дали комнатку и компьютер. И мы начали работать. Мы горели энтузиазмом — ведь мы были первыми и занимались чем-то почти запрещенным, таким таинственным и важным. Мы проводили на работе по 12 часов, спорили о политике, о номенклатуре, придумывали, как получить доступ к людям, находящимся на самой вершине власти. Все стены нашей каморки были покрыты портретами членов Политбюро и ЦК КПСС.

Конечно, мы знали, что на Западе существуют советологические центры, которые давно и успешно исследуют нашу элиту. Мы чувствовали себя их робкими учениками, с восторгом читая статьи и книги, которые удавалось достать.

Прошел не один год, прежде чем я и мои коллеги почувствовали уверенность в своих силах — ведь мы были в гуще событий, имели значительно лучший доступ к объектам своего изучения, чем западные аналитики, чувствовали атмосферу происходящих перемен. Постепенно был нащупан свой метод, который мы в шутку называли «детективно-социологическим». Стандартные социологические опросы по анкете почти не применимы в исследованиях элиты. Бессмысленно сложить мнение Путина с мнением Явлинского, а затем посчитать среднюю арифметическую. Социология элиты — это особая наука, объектом которой является «штучный товар» — руководители страны. И цена неудач здесь иная: каждая ошибка это захлопнувшаяся дверь, это утрата доступа к информации.

Я написала несколько писем западным советологам, и к нам стали приезжать иностранцы. Это вызвало настороженность наших спецслужб.

Как-то осенью 1990 г. раздался звонок из КГБ. Офицер был очень вежлив, он сказал, что у них есть аспирант, интересующийся проблемами элиты, который хочет проконсультироваться у меня. Могла ли я отказать? На следующий день пришел бледный молодой человек с незапоминающимся лицом. Он сказал, что хочет стажироваться в нашей группе. И стал ходить каждый день на работу. Он приходил, молча садился в углу, и слушал все, что мы говорили, ровно в 17.00 доставал бутылку водки. Поскольку я знала, какая организация его направила «на стажировку», то не раз спрашивала, не занимаемся ли мы чем-то запрещенным. Но он всякий раз отвечал: «Нет-нет, все в порядке. Нас интересуют не вы, а те, кто к вам приезжает». Мы боялись, но интерес к исследованиям элиты был таким всепоглощающим, что мы стерпелись с присутствием «стажера» и стали почти не замечать его. Через полгода он стал появляться все реже, а в 1992 г. этот бесцветный молодой человек бесследно исчез. (Интересно, чем он занимается сейчас?!)

Первое большое исследование, посвященное генеалогии Брежневской элиты, мы провели совместно с британскими учеными Стивеном Уайтом и Эваном Модсли из Глазго университета (Великобритания). Мы взяли на себя обязательства проинтервьюировать всех живых на тот момент членов ЦК КПСС Брежневского времени.

Мы очень хотели это сделать, но еще плохо понимали, как получить доступ к этим людям. Адреса высшей номенклатуры были засекречены, и их не было ни в адресных книгах, ни в городских справочных. Но в стране началась перестройка, номенклатура рухнула, в бюрократических организациях царил хаос. Никто больше не знал, что можно, а что нельзя. Мы отправились в центральный офис Московского городского справочного бюро. Оказалось, что «секретные адреса» теперь можно купить по 4 рубля за штуку. Так мы стали обладателями уникальной информации, ставшей основой нашей базы данных, которая с годами росла и развивалась.

А дальше надо было пытаться получить согласие этих людей на интервью. Мы нашли нескольких бывших членов Политбюро ЦК КПСС, которые были настроены добро-

желательно, и они стали нам помогать — звонили своим хорошим знакомым — бывшим министрам, первым секретарям обкомов партии, и просили принять нас. Это была неоценимая помощь, без нее доступ ко многим высшим руководителям был бы просто невозможен.

Очевидно, что для того, чтобы расположить высокопоставленного собеседника к себе, надо было хорошенько подготовиться. Мало было знать его биографию, надо было выучить учебник «История КПСС». Иначе ничего не получалось. Если собеседник говорил: «Помните, как на апрельском пленуме ЦК...», мы должны были реагировать, а не спрашивать у него: «А что там было?» Наша некомпетентность дорого стоила: собеседник закрывался, понимая, что мы несерьезные люди и говорить с нами не о чем.

Вскоре мы обнаружили, что и этого недостаточно. Важно было учитывать «этнический фактор». Не секрет, что антисемитские настроения были распространены среди советской элиты. Поэтому, чтобы не рисковать, мы вынуждены были заняться выяснением пятого пункта наших интервьюеров. Хороший эффект давало этническое совпадение интервьюера и респондента, и мы стали посылать к украинцу — украинца, а к армянину — армянина. Часто у наших сотрудников складывались теплые человеческие отношения с респондентами: им дарили рукописи воспоминаний, кормили обедами, помогали консультациями.

Постепенно мы научились работать с элитой, приобрели необходимые для этого связи и навыки, выработали свой метод. Каждый раз, приступая к новому исследованию, тщательно подбирали и готовили сотрудников. Исследуя банковскую элиту, нам пришлось изучать «птичий язык» финансистов, так как первые же интервью показали, что мы не понимаем многое из того, о чем говорят банкиры. Вскоре каждый член нашей команды легко мог оперировать понятиями «инкассо», «маржа» и отличал счета «лоро» от счетов «ностро». Для того чтобы быть в курсе всех новостей, мы выписывали горы газет и журналов. А поскольку прочитать одному человеку это было невозможно, мы делили издания поровну и два раза в неделю устраивали «политинформации», где обменивались наиболее важными сведениями. Мы завели друзей в администрации президента,

среди силовиков, губернаторов и людей из правительства. Наверное, это было похоже на «агентурную сеть», которую использовали спецслужбы. Но нами-то двигало чисто научное любопытство, ведь только так можно было проводить сложнейшие исследования российской элиты.

Основными методами изучения элиты были: неформализованные глубинные интервью членов элиты, формализованные интервью; экспертные опросы; наблюдения (как невключенные, так и включенные); изучение официальных биографий; контент-анализ прессы; анализ документов и статистики. Использование всего комплекса социологических методов неизбежно из-за особенности объекта исследования, доступ к которому чрезвычайно сложен. Полученная разными способами и из разных источников информация о социально-демографических характеристиках элиты, ее профессиональном бэкграунде, мнениях и суждениях по многим вопросам должна быть проанализирована по единой схеме. Это обуславливает необходимость не только аккумуляции данных, но и их постоянной кодификации и унификации. Эту задачу и выполняет база данных, куда попадают результаты всех исследований, проведенных сектором изучения элиты Института социологии РАН. За 15 лет исследовательской работы в этом направлении было проведено более 50 исследований, наиболее значимые из которых представлены в *таблице 1*.

Таблица 1. Социологические исследования, проведенные центром изучения элиты Института социологии РАН под руководством О. В. Крыштановской^{1}*

№	Год начала	Год окончания	Название	Тип исследования**	Размер выборки (чел.)
1.	1989	1992	Административная система и ее субъекты	Б	2700
2.	1990	1992	Новая советская элита	Б	3350

* Все примечания, указанные цифрами, см. в конце соответствующих глав.

** М — массовый опрос; Э — экспертный опрос; Б — биографическое исследование; ФГ — фокус-группы; С — анализ статистики.

Продолжение таблицы 1

№	Год начала	Год окончания	Название	Тип исследования**	Размер выборки (чел.)
3.	1990	1990	Молодые миллионеры	Э	50
4.	1990	1991	Советские миллионеры	Э	100
5.	1992	1992	Российские менеджеры	Э	200
6.	1991	1991	Команда Ельцина	Э	40
7.	1991	1993	Политическая элита в СССР	Б	2500
8.	1991	1992	Общественное мнение о службе безопасности	М	1500
9.	1991	1993	Элита Брежневской формации	Э Б	450 1500
10.	1992	1992	Влиятельные люди при Горбачеве и Ельцине	Э	48
11.	1992	1993	Общественное мнение о богатых и богатстве	М Э	800 50
12.	1992	1992	Бывшие сотрудники КГБ в новой роли предпринимателей	Э	45
13.	1992		Элита при Горбачеве и Ельцине	Э	50
14.	1992	1992	Бизнес и политика	Э	45
15.	1992		Бизнес и реформы	Э	40
16.	1992	1992	Сценарии политических изменений в России	Э	35
17.	1992	1995	Лидеры российского бизнеса	Э	450
18.	1992	1993	Власть и центры влияния в России	Э	300
19.	1992	1993	Политические партии и центры влияния в России	Э	200
20.	1993	1993	Материальный уровень жизни в Москве и России	М Э	800 100

№	Год начала	Год окончания	Название	Тип исследования**	Размер выборки (чел.)
21.	1993	1993	Собственность в России: политическая стратегия, организационная адаптация и индивидуальное экономическое поведение	М Э	1200
22.	1993	1994	Женщины в условиях экономических реформ в России	С М	800
23.	1993	1994	Богатые в России	С Э	150
24.	1994	1996	Банки в современной России	Э	120
25.	1994	1995	Кто правит Россией?	Э	100
26.	1994	2002	Трансформация российской элиты	Б	3550
27.	1995	1996	Формирование бизнес-элиты в России	Э	450
28.	1995	2000	Формирование региональной элиты в России	М Э	4000 300
29.	1995	1996	Влияние бизнеса на политику	Э	145
30.	1996	1997	Крупные банки в современной России	М Э	100 60
31.	2000	2001	Новая региональная элита	С МО Э	1200 180
32.	1999	1999	Электоральные ожидания и предпочтения в России	М ФГ	6000 50
33.	2000	2002	Аутсайдеры: Россия, Украина, Беларусь и Молдова, их взаимоотношения с НАТО и Европейским союзом	Э ФГ	150 60
34.	2000	2000	Общественное мнение о Путине и его политике	М Э	300 50
35.	2001	2003	Трансформация бизнес-элиты России	Э	400
36.	2002	2005	Путинская элита	Б Э	3000 100

Берясь за написание этой книги, я выбрала период с 1981 по 2003 г. Именно в это время произошли глобальные изменения российского общества: распад СССР и социалистического лагеря, крах номенклатуры, перестройка, гласность, становление рынка, многопартийной системы, а затем сворачивание демократических реформ и реставрация бюрократического государства. Эти изменения были вызваны самой элитой, и они изменили ее.

Для меня очень важным было зафиксировать характеристики советской элиты в последние годы «застоя», чтобы иметь точку отсчета для последующих изменений. Таким годом был избран 1981-й — последний год правления Л.И.Брежнева, год расцвета застоя, когда в последний раз элита была сформирована по классическим традициям номенклатуры. В этот год прошел XXVI съезд КПСС, и сформированные органы власти еще не имели никаких примет скорых перемен.

Следующей точкой стал 1990 г., в котором перемены политической системы стали очевидны, основы номенклатуры были подорваны, Политбюро ЦК КПСС формировалось по новым принципам.

Третьей точкой был избран 1993 г., год укрепления Ельцина на президентском посту, его победы в противостоянии с Верховным Советом РСФСР, год изменения Конституции страны.

Четвертая точка тренда — 1999 г., год «позднего Ельцина», когда политическая система, которую он создал, была видна во всей очевидности.

И, наконец, пятая точка — 2002 г., третий год правления Путина, когда его команда была в общих чертах сформирована и внесены изменения в стиль управления. К этому времени президент Путин понизил статус губернаторов, ввел новый «этаж власти» — аппараты полномочных представителей президента в федеральных округах, мобилизовал военных и офицеров спецслужб на государственную службу.

Итак, последний год правления Брежнева стал берегом, от которого отплыла лодка перемен. А последний год первого срока Путина — берегом, к которому мы причалили и с удивлением осматриваемся по сторонам. Что с

нами произошло? Куда и почему мы приплыли? Какой пейзаж откроется нашему взгляду, когда рассеется утренний туман?

Для сравнения динамики характеристик были сформированы четыре *когорты* элиты, которым даны условные имена: «Брежневская», «Горбачевская», «Ельцинская-1», «Ельцинская-2» и «Путинская».

Я отношу к элите людей, принимающих общегосударственные решения. Чаще всего это люди, занимающие высшие государственные должности. Но иногда в эту группу попадали те, кто оказывал огромное влияние на политический процесс благодаря своему богатству. К элите мною были отнесены следующие группы: 1) высшее руководство страны («Политбюро»); 2) правительство; 3) парламент; 4) региональная элита. При этом я не включаю в элиту лидеров партий, которые не имеют парламентского статуса, так как российские реалии свидетельствуют, что после неудачи на выборах такие партии перестают существовать.

Какова численность изучаемой группы?

Советская элита представляла собой жестко институционализованную группу, списочный состав которой утверждался высшими партийными инстанциями — Политбюро, секретариатом и отделами ЦК КПСС. Круг высших чиновников был строго очерчен: в номенклатуру ЦК КПСС входило примерно 400 тыс. чел.² Высшая номенклатура (номенклатура Политбюро ЦК КПСС) включала в себя в разные периоды от 800 до 1800 чел. Номенклатура секретариата ЦК состояла из списка в 14—16 тысяч должностей. Учетно-контрольная номенклатура (то есть номенклатура отделов ЦК КПСС) включала 250 тыс. чел. Остальную часть составляла номенклатура нижестоящих партийных комитетов — обкомов, крайкомов, горкомов и т.п. Таким образом, политический класс в советское время составлял примерно 0,1% от общей численности населения страны.

За изучаемый период численность политического класса увеличилась в три раза³, в то время как численность населения снизилась в два раза. Это привело к существенному росту удельного веса бюрократии (см. *таблицу 2*). В то

же время соотношение численности элиты и политического класса изменилось за время реформ в 2,5 раза в сторону относительного сокращения круга лиц, допущенных к принятию общегосударственных решений.

Таблица 2. Численность элиты и политического класса в 1981—2000 гг.⁴

	Численность населения		Численность политического класса		Численность элиты	
	Чел.	В %	Чел.	В %% к численности населения	Чел.	В %% к численности политического класса
СССР в 1981 г.	300 млн.	100	400 тыс.	0,1	900	0,2
Россия в 2000 г.	145 млн.	100	1,2 млн.	0,8	1060	0,08
Изменения	↓ 2 раза		↑ 3 раза	↑ 8 раз		↓ 2,5 раза

Особняком стоит проблема определения круга лиц, входящих в *бизнес-эли*ту. Исследования по определению круга лиц, входящих в бизнес-эли

ту информации. В связи с тем, что в первые годы исследований биографии бизнесменов никому не были известны и публикаций на этот счет практически не было, источником биографий были сами респонденты. Мы встречались с крупнейшими предпринимателями страны для того, чтобы записать рассказ об их жизни. На четвертом этапе все полученные таким образом биографии формализовались и вносились в базу данных, которая год от года пополнялась и совершенствовалась.

Итак, изучаемая группа за указанный период представлена пятью когортами, каждая из которых состоит из следующих субэлитных групп:

Последняя советская когорта⁵

Высшее руководство 22 чел. Политбюро ЦК КПСС, избранное на XXVI съезде КПСС 03.03.81 г. (14 членов и 8 кандидатов в члены)

Правительство 115 чел. на 01.01.81 г.

Парламент 1500 депутатов Верховного Совета СССР 11-го созыва, 1984 г.

Региональная элита 174 первых секретарей ЦК компартий союзных республик, крайкомов, обкомов, горкомов (Московского и Киевского) и окружкомов партии по состоянию на 01.1985 г.

Бизнес-элита Не было

Горбачевская когорта⁶

Высшее руководство 19 членов и кандидатов в члены Политбюро ЦК КПСС, избранное на XXVII съезде КПСС 06.03.86 г. (12 членов и 7 кандидатов в члены)

Правительство 85 чел. на 01.03.90 г.

Парламент, всего 2245 народных депутатов СССР созыва 1989 г.

Региональная элита 174 первых секретарей ЦК компартий союзных республик, крайкомов, обкомов, горкомов (Московского и Киевского) и окружкомов партии на сентябрь 1989 г.

Бизнес-элита Не было

Ельцинская когорта — 1993⁷

Высшее руководство 15 членов Совета Безопасности РФ на 1993 г.

Правительство 35 чел. на 01.03.93 г.

Парламент 628 чел. (178 депутатов Совета Федерации и 450 депутатов Государственной Думы 1993 г.)

Региональная элита 178 чел.: 89 глав администраций и 89 глав законодательных собраний субъектов Российской Федерации по состоянию на конец 1993 г.

Бизнес-элита 100 чел., 1993 г.

Ельцинская когорта — 1999⁸

Высшее руководство 28 членов Совета Безопасности РФ на 1999 г.

Правительство 50 чел. на 01.04.1999 г.

Парламент 450 депутатов Государственной Думы созыва 1995 г.

Региональная элита 178 чел.: 89 глав администраций и 89 глав законодательных собраний субъектов Российской Федерации по состоянию на начало 1999 г.

Бизнес-элита 100 чел. 1999 г.

Путинская когорта — 2002⁹

Высшее руководство 24 члена Совета Безопасности РФ на 2002 г.

Правительство 58 чел. на 01.04.02 г.

Парламент 628 чел. (178 депутатов Совета Федерации на 02.2002, когда закончилось формирование палаты по новому принципу, и 450 депутатов Государственной Думы созыва 1999 г.

Региональная элита 178 чел.: 89 глав администраций и 89 глав законодательных собраний субъектов Российской Федерации по состоянию на 02.2002 г.

Бизнес-элита 120 чел., 2002 г.

Таблица 3. Численность элитных групп 1981—2003 гг.

	Высшее руководство страны	Правительство	Региональная элита - главы субъектов Федерации	Парламент	Бизнес	В целом по когорте
Брежневская когорта 1981 г.	22	115	174	1500	Нет	1811
Горбачевская когорта 1990 г.	19	85	174	2245	Нет	2523
Ельцинская когорта 1993 г.	15	35	178	450	100	778
Ельцинская когорта 1999 г.	28	50	178	450	120	826
Путинская когорта 2002 г.	24	58	178	178+450	160	1048
ИТОГО	108	343	882	5273	380	6986

Я хотела бы искренне поблагодарить своих коллег, без которых книга не могла бы быть написана. Это, прежде всего профессор Владимир Александрович Ядов, который, будучи директором Института социологии, поддержал мой проект в 1989 году, когда никто еще не осмеливался начать подобные исследования. Это люди, в разные годы работавшие в секторе изучения элиты и проводившие вместе со мной безумно трудные, а иногда и опасные исследования: Валентина Малова, Алексей Павлюков, Павел Салдин, Владимир Артюх, Виктория Агаянц, Игорь Куколев, Вера Владыцкая, Нонна Свищенкова, Мария Хохлова и др. Большое спасибо тем, кто были нашими респондентами, советниками, консультантами. Я не в состоянии перечислить их всех, но с благодарностью и уважением вспоминаю каждого. Приношу искреннюю благодарность моему другу и коллеге из Великобритании профессору Стивену Уайту, с которым вместе мы провели не одно исследование и написали не одну статью. И, наконец, благодарю моих близких, которые поддерживали и верили в меня.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Данные о численности, составе, номенклатуры должностей, утверждаемых Политбюро, секретариатом и отделами ЦК КПСС, предоставлены Г.П.Разумовским, который в 80-е годы курировал кадровые вопросы, будучи секретарем ЦК КПСС. Интервью 15.11.2001 г.
2. За численность политического класса в советское время берется количество номенклатурных должностей в стране, а за численность политического класса в постсоветское время — численность госслужащих. Источник: Статистический бюллетень Российского статистического агентства. Август 1999. № 8 (58).
3. Данные исследования «Трансформация российской элиты» (1994—2002).
4. Политбюро (Президиум) ЦК партии в 1917—1989 гг.: Персоналии. М.: ВКШ при ЦК ВЛКСМ, 1990; Чернев А.Д. 229 кремлевских вождей. Политбюро, Оргбюро, Секретариат ЦК Коммунистической партии в лицах и цифрах. Справочник. М.: Родина, 1996; Государственная власть СССР. Высшие органы власти и управления и их руководители. 1923—1991 гг. Историко-биографический справочник / Сост. В.И.Ивкин. М.: РОССПЭН, 1999. Стр. 23—187; База данных сектора изучения элиты Института Социологии РАН.

5. Совет Министров СССР. Справочник серии «Кто есть кто». М.: Внешторгиздат, 1990; Народные депутаты СССР. Справочник. М.: Внешторгиздат, 1990; Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. стр. 51—85.
6. Барсенков А.С. и др. Политическая Россия сегодня. (Исполнительная власть, Конституционный суд, лидеры партий и движений). Справочник. М.: Моск. рабочий, 1993. стр. 78—117; Федеральное Собрание России: Совет Федерации и Государственная Дума. М.: Фонд Форос, 1995. стр. 13—212, 213—540, 582—583; Политическая Россия сегодня: исполнительная власть, Конституционный суд, лидеры партий и движений. М.: Московский рабочий, 1993. стр. 117—266; База данных сектора изучения элиты Института социологии РАН.
7. Федеральное собрание — парламент Российской Федерации. Думский вестник, № 1 (16). М.: Госдума, 1996. стр. 5—29; База данных сектора изучения элиты Института социологии РАН.
8. База данных сектора изучения элиты Института социологии РАН.

ГЛАВА 1

ОСНОВЫ ТЕОРИИ ЭЛИТЫ

1.1. Обзор классических теорий элиты

Теория элит была основана в конце XIX — начале XX столетия итальянскими социологами Вильфредо Парето (1848—1923) и Гаэтано Моска (1858—1941). В обществе происходили важные изменения — устанавливался избирательный коллективизм, который стремился вытеснить индивидуалистический либерализм. Гражданские службы становились все более бюрократическими. Делались шаги по демократизации правительства и внедрению более открытых принципов работы бюрократии. Возникли общественные настроения оптимизма, основанные на вере в то, что карьера открыта для талантов. И в то же время бюрократия все в большей степени претендовала на роль главного политического актора. Это породило опасность бюрократического абсолютизма. Реакцией на эти процессы была публикация блестящих работ Макса Вебера о роли бюрократии в обществе¹. Это открыло новую тему исследований власти за фасадом истеблишмента, реального распределения властных ресурсов в обществе.

В научном мире возникла потребность разобраться «объективно» в проблеме власти и ее субъекта, причем без этических комментариев, за что и взялись Г. Моска и В. Парето. Оба итальянца были последователями Н. Макиавелли. Они мечтали превратить политику из искусства управлять в науку об управлении. Вместо религиозных и этических соображений теперь за основу были взяты законы и факты.

Понять характер дискуссии по поводу концепта *элиты* невозможно без осмысления влияния работ Карла Маркса на науку того времени. Классические элитисты — Моска и

Парето — были сконцентрированы на том, чтобы опровергнуть теорию Маркса. Критика работ Маркса шла сразу на двух уровнях: идеологическом и научном. Маркса упрекали в том, что он не был объективен в научном смысле этого слова и жертвовал логикой в угоду интересам рабочего класса. В то же время и сами элитисты не остались бесстрастными: современники упрекали их в том, что они жертвуют фактами ради идеологической поддержки правящего класса (Райт Миллз). Марксову подходу к истории как к конфликту между экономическими классами элитисты противопоставляли политическую интерпретацию истории. Для Парето и Моски властная структура любого общества детерминировала все остальные процессы подобно тому, как для Маркса экономическая структура определяла вектор общественного развития. Маркс выводил власть из экономического господства, которое для него означало собственность на средства производства. А элитисты утверждали, что борьба происходит между доминирующей политической элитой и конкурирующими элитами, стремящимися прийти к власти. Вместо Марксова классового конфликта эксплуататоров и эксплуатируемых, элитисты предлагали другую модель общества, движимого конфликтом между конкурирующими элитами.

Моска в 1881 г. сформулировал теорию правящего класса. Парето в 1897 г. ввел в научный оборот термин «элита». Теория правящего класса Г. Моски основывается на вполне очевидном постулате: «Во всех обществах, начиная с едва приближающихся к цивилизации и кончая современными передовыми и мощными обществами, всегда возникают два класса людей — класс, который правит, и класс, которым правят. Первый класс, всегда менее многочисленный, выполняет все политические функции, монополизирует власть, в то время как другой, более многочисленный класс, управляется и контролируется первым»². Правящий класс существует при любой форме правления: в деспотических режимах он будет создаваться сверху — деспотом, которому необходимы посредники для управления государством, а в либеральных — снизу, самим народом, в качестве координирующего органа. Хотя правящий класс и составляет меньшинство населения, но это меньшинство

лучше организовано, чем большинство, и поэтому оно образует весьма замкнутую и устойчивую группу³.

Хотя для Моски основным критерием для выделения правящего класса является его отношение к власти, он отмечает и некие особенности правящего класса: «представители правящего меньшинства неизменно обладают свойствами, реальными или кажущимися, которые глубоко почитаются в обществе, в котором они живут»⁴. Правящий класс может представлять себя в качестве носителя Божьей воли избранников, отличающихся необыкновенными личностными качествами, людей, особенно лояльных по отношению к общественным устоям и традициям или наиболее рьяно оберегающих заветы харизматического лидера⁵.

Г. Моска рассматривает принципы элитной рекрутации. Главным критерием отбора выступает то, что Моска называет «способностью управлять». Причем это не только психологическая склонность одного человека властвовать над другими и не только личные качества, обеспечивающие высокий профессионализм в управленческой деятельности, но и наличие характеристик, наиболее подходящих в определенный исторический период⁶. Тенденции развития правящего класса зависят от изменения под давлением объективных признаков качеств, необходимых для управления членам правящего класса. Если эти качества меняются медленно, преобладает аристократическая тенденция. Если изменение происходит относительно быстро, то демократическая. Но даже после революции «некоторые элементы, более или менее многочисленные, старого правящего класса войдут в состав нового»⁷. Моска считает, что правящий класс наличествует в любом обществе, вне зависимости от соблюдения или несоблюдения им неких моральных принципов, положительного или отрицательного влияния на общество. Идеалом для Моски является совмещение в обществе аристократических и демократических тенденций, их равновесие, которое может быть достигнуто путем рассредоточения власти, недопущения ее монополизации в руках какой-либо одной группы.

Парето впервые ввел в научную практику термин «элита», раньше употреблявшийся для обозначения чего-либо

лучшего, исключительного качества. Впрочем, выбор этого термина был для Парето во многом случаен, он не обосновывал его этимологическими изысканиями. Напротив, Парето пишет, что вместо слова «элита» «подошло бы любое другое название или даже простая буква алфавита»⁸. Элита, по Парето, — это совокупность лиц, имеющих наивысшие индексы в своих профессиональных сферах деятельности. Например, «тому, кто сумел заработать миллионы, мы поставим 10; человеку, заработавшему тысячи франков, — балл 6, тем, кто едва избежал дома для бедных, — 1, оставляя 0 тем, кто туда попал»⁹. Элита, таким образом, имеется не только во властных структурах, но и в любой области деятельности: элита юристов, элита воров, элита шахматистов и т.д. Разница в индексах у различных людей обусловлена их психологическими характеристиками, интеллектом, складом ума. Вследствие изначального неравенства людей деление общества на элиту и массы неизбежно.

Определение правящей элиты Парето очень близко к понятию правящего класса Моски и, возможно, было создано под влиянием его идей. Он определял элиту как людей, «занимающих высокое положение соответственно степени своего влияния и политического и социального могущества». Парето наделяет тех, кто входит в элиту, незаурядными качествами, которые и обеспечивают ей власть»¹⁰. Подход Парето имеет внутренние противоречия. С одной стороны, люди, обладающие высокими профессиональными индексами, могут никак не сообщаться между собой. В то же время Парето понимает элиту именно как замкнутую группу, оказывающую влияние на массы. Такая группа будет неизбежно обладать высокой организованностью вследствие уровня компетентности своих членов, и ее авторитет будет признаваться большинством вследствие признания им способностей каждого из членов группы.

Парето выводит *теорию циркуляции элит*, которая сводится к рассмотрению политической жизни общества в виде постоянной смены элитных группировок, каждая из которых переживает периоды становления, расцвета и упадка, после чего сменяется, мирным или насильственным путем, другой группировкой — «контрэлитой». Все много-

образе правящих элитных группировок Парето сводит к двум основным типам: *спекулянтов* и *рантье*, или «львов» и «лис»¹¹. Спекулянты — люди «обычно возбужденные, готовые к принятию новшеств, готовые к экономическому действию; они любят опасные экономические авантюры и их ищут... При их упорной настойчивости и остром инстинкте комбинаций они преодолевают все препятствия. Их взгляды всегда соответствуют наибольшей выгоде момента». Рантье — напротив, люди «в основном замкнутые, осторожные, неуверенные, избегающие всякой авантюры... Ими весьма легко могут управлять и так же легко обирать те, кто умело использует свойственные им инстинкты...»¹² То, представители какого типа — спекулянтов или рантье — занимают элитные позиции, определяется потребностями общества в данной исторической ситуации. Результатом циркуляции элит является их динамическое равновесие, необходимое для общественного прогресса.

Объявляя принцип выдвижения правящего класса универсальным принципом человеческой истории, Парето оценивает его негативно, полагая, что при любом политическом режиме правящий класс причиняет бедствия всей нации. Особенно резко Парето относится к демократии: при ней правящий класс точно так же, как и при других режимах, узурпирует власть, но делает это цинично, прикрываясь лозунгами свободы и равноправия. Поэтому демократия, согласно Парето, — миф, сентиментальная идеология. Общество всегда управлялось и будет управляться элитами, преследующими свои корыстные интересы, не соответствующие интересам народа. Демократия — это «наиболее пустое из всех пустых понятий». Существующие демократические режимы на самом деле — «*плутодемократические*», при них властью владеет элита «спекулянтов», поддерживающая свою власть пропагандой, политическими комбинациями и маневрированием¹³. Любая попытка установить «истинно демократический режим» оборачивается установлением авторитаризма со стороны тех, кто наиболее активно проповедовал демократические идеалы.

К классическим работам по теории элит, безусловно, следует отнести труды ученика М.Вебера Роберта Михельса. Михельс исследовал структуру власти в политических

партиях и профсоюзах, собрал обширный материал по их структуре, известной ему на основе собственного опыта в качестве партийного функционера. Михельс пишет: «Чем более расширяется и разветвляется официальный аппарат, чем больше членов входит в организацию... тем больше в ней вытесняется демократия, заменяемая всесилием исполнительных органов. Формируется строго обособленная бюрократия со множеством инстанций»¹⁴. Эта ситуация не зависит от личностных качеств членов партии и партийной идеологии, но диктуется принципом целесообразности: «Нет сомнения в том, что бюрократизм олигархической партийной организации вытекает из практической формальной необходимости»¹⁵.

Михельс выводит новый социальный закон, названный им «железным законом олигархии», который можно сформулировать так: любой демократический строй для достижения стабильности вынужден создавать бюрократическую организацию или же избирать лидеров, облеченных высокими полномочиями. В любом случае результатом будет узурпация власти лидерами или бюрократией и превращение демократии в олигархию. Весь ход мировой истории показывает, что «любая система лидерства несовместима с главнейшими постулатами демократии»¹⁶; «большинство, таким образом, совершенно неспособно к самоуправлению... Всегда непременно из масс выделяется новое организованное меньшинство, которое поднимает себя до положения правящего класса». Но не все так плохо: хотя демократия и недостижима, отдельные демократические нормы могут быть установлены, если общество к ней стремится: «Ничто, кроме прямого и честного исследования опасностей демократии со стороны олигархии, не поможет нам минимизировать эти опасности, даже если полностью их избежать невозможно»¹⁷.

Согласно концепции групповых интересов, в партии не должно быть оснований для выделения элиты: партия есть сплоченная общность, сама призванная отстаивать интересы более широкой общности. Значит, здесь действуют другие, более глубинные отношения, психологическая потребность одних людей в господстве, а других — в подчинении: «Массой овладеть (для вождя) легче, чем не-

большой группой слушателей, поскольку свое одобрение она выражает более темпераментно, спонтанно и категорично»¹⁸. Партийная элита — не выразитель интересов экономически господствующего класса, напротив, она деклассируется. Так, вождь рабочего происхождения — это уже профессиональный политик, ему привычнее не стоять у станка, а агитировать рабочих за революционную борьбу; то же происходит с выдвиженцами из других классов. Итак, элита — это уже не часть правящего класса, а самостоятельная группа, действующая в своих собственных интересах.

В.Парето, как это было показано выше, выводил существование элит из естественных психологических импульсов и стремления людей объединяться в замкнутые группы на основе успеха в своих сферах деятельности. То есть он объяснял структуру общества при помощи поведенческих стереотипов индивидов. В этом же русле развивал свою концепцию элиты и американский ученый Хэрролд Лассуэлл.

Суть социологической концепции Лассуэлла заключена в выведенной им универсальной формуле социального процесса: «Человек стремится к Благам через Институты при помощи Ресурсов»¹⁹. Лассуэлл выделяет восемь таких благ (*values*): это власть (*power*), знание (*enlightenment*), богатство (*wealth*), здоровье (*well-being*), умение (*skill*), привязанность (*affection*), уважение (*respect*) и моральность (*rectitude*)²⁰. Также выделяются восемь типичных институций, через которые распределяются блага: власть сконцентрирована в правительстве, здоровье — в здравоохранительных учреждениях, богатство — в бизнесе, и т.д. Элита, по Лассуэллу, и есть те люди, которые обладают благами в наибольшей степени, или «те, кто получает большую часть из всего, что можно получить»²¹. Таким образом, элиту можно разбить на восемь групп, по числу благ. Каждая из элитных групп обладает в высокой степени соответствующим благом: так, элиту воров или элиту шахматистов можно отнести к элите умения, а личностей, имеющих духовный авторитет, — к элите моральности. Восемь элитных групп пересекаются, и конкретный индивид может одновременно входить в несколько групп.

Анализ правящих элитных групп должен подразумевать, по Лассуэллу, изучение личностных характеристик, кото-

рыми обладают члены правящей элиты. Существует некий «политический тип» личностей, базовая характеристика которого — «ориентированность на власть по сравнению с другими благами»²². Подобно Моске, Лассуэлл выделяет «символы», являющиеся, наряду со средствами производства, средствами насилия и пр., одним из средств осуществления власти, которые правящая элита стремится монополизировать.

Результатом конкретного исследования правящих элит, по Лассуэллу, должно стать создание «концептуальной карты», в которой будет отражено, «какие сообщества они (элиты) представляют или возглавляют, представителями или продуктами каких классов они являются, какие интересы... они отражают, представители каких личностных типов скорее будут ими приняты в свои ряды, а каких — нет, и какие обстоятельства времени и места наиболее удобны или представляют наибольшую трудность для тех, кого мы называем элитами»²³.

Итак, Лассуэлл предлагает общесоциологическую теорию, позволяющую выделять элиты в любой сфере общественной деятельности, причем вне связи с какими-либо формальными учреждениями. Влияние, по Лассуэллу, тождественно власти: власть — это либо влияние индивида на других индивидов, либо влияние индивида на процесс принятия решений. Тут Лассуэлл ставит знак равенства между элитой и правящей группой. Причастность к власти определяется влиянием, реальным или потенциальным, на принятие решений. Лассуэлл подчеркивает, что правящая элита не обязательно активно пользуется своей властью, это — среда, из которой берутся лидеры. Исходя из этого, Лассуэлл определяет правящую элиту предельно широко, она включает в себя: а) лиц, занимающих важные посты во властных структурах; б) лиц, ранее занимавших эти посты и оставшихся после отставки лояльными существующему режиму; в) лиц, не входящих в формальные институты власти, но имеющих большое влияние на принятие решений в этих институтах; г) членов оппозиции, обладающих большим политическим весом, с которыми вынуждена считаться власть; д) членов семей властей преобладающих²⁴. Тем не менее Лассуэлл исключает из

правлящей элиты оппозицию, которая не принимается всерьез верховной властью, и бывших членов элиты, порвавших связи с режимом, если они не входят в круг влиятельных оппозиционеров.

Подход к элите как к группе, выполняющей некую *критически важную для существования общества функцию*, был заложен в 1940—1960-х гг. Первым в этом направлении стал немецкий социолог Карл Маннгейм, который в своей работе «Man and Society in an Age of Reconstruction» (1941) характеризовал элиты как часть системы коллективной ответственности и обязательств, чье существование определяется не жадностью к власти отдельных индивидов, а общественной потребностью в исполнении стратегических функций особо квалифицированными людьми. В соответствии с характером различных общественных функций элиты могут быть разделены на интегративные, к которым относятся политическая, экономическая, административная и т.п. элиты, и сублимативные (т.е. сублимирующие разрушительную энергию толпы) — это религиозная, интеллектуальная, «эстетическая» элиты²⁵.

Взгляды К.Маннгейма были дополнены американским социологом Сюзанн Келлер. С.Келлер жестко увязывает факт существования элиты с социальной функцией, которую она исполняет. По Келлер, «понятие элиты относится прежде всего к меньшинству индивидов, предназначенному служить коллективу общественно полезным путем. Элиты — это эффективные и ответственные меньшинства»²⁶. Келлер делит элиты на *стратегические* и *сегментарные*. Стратегические элиты — это «те, чьи суждения, решения и действия имеют важные и определяющие последствия для многих членов общества»²⁷. Прочие элиты можно отнести к сегментарным. Эта мысль Келлер близка к традиционному разделению элиты на правящую и неправящую. Важным здесь представляется необязательность вхождения келлеровских стратегических элит в правительственные круги. В своей главной работе «Beyond the Ruling Class» Келлер изучает именно стратегические элиты. Ключевыми понятиями для нее являются характер принимаемых решений и функциональность. По поводу первого Келлер замечает, что важен не род деятельности элиты, а «размах ее

деятельности, то есть на скольких членов общества они оказывают влияние и каким образом»²⁸.

Келлер заимствует классификацию общественных функций из структурно-функциональной теории Т.Парсонса, а цель своей работы видит в приложении теории элит к парсоновской теории социальных систем. Из четырех основных, по Парсонсу, типов социальных систем выводится четыре типа элиты: 1) «система выполнения задач» дает элиту, определяющую цели, к выполнению которых должно стремиться общество; 2) «адаптивная система» дает элиту, определяющую средства для выполнения этих целей; 3) «интегративная система» дает элиту, выражающую общественные нормы и традиции и 4) «традиционная система» дает элиту, создающую общую мораль членов общества (*pattern maintenance elites*)²⁹.

По мысли Келлер, в современном обществе происходит «стратегическая элитизация» общества. Келлер выводит некий вектор общественного развития, проявляющийся в дроблении и специализации правящих кругов. Келлер постоянно подчеркивает функциональность элит, как бы мы их ни определяли. Элита стратегическая, то есть очень важная для поддержания общественной структуры, является таковой, потому что выполняет стратегическую функцию. Прочие, сегментарные элиты отличимы от масс тем, что функция каждого их члена важнее, чем функция рядового обывателя.

Подход элитистов противостоит классовому подходу, основы которого были заложены К.Марксом. Как пишет Энтони Гидденс, «путаница между понятиями классовой и элитной теорий усугубилась, когда были введены такие термины, как «правлящая элита», «управляющая элита» и т.д., без четкого обозначения того, как они соотносятся с более традиционной классовой концепцией»³⁰. Центральное место среди классовых теорий занимает, конечно, теория Маркса, хотя, как это ни парадоксально, Маркс не посвятил ни одной специальной работы классовой теории и не дал четкого определения класса. В разных работах Маркса встречаются пассажи, косвенно показывающие нам, что Маркс имел в виду под классом, но и тут имеются противоречия, анализу которых посвящены специальные работы³¹.

Наиболее известный подход — экономический — можно обнаружить в «Капитале» Маркса³². Его суть — в разделении на классы по признаку отношения к средствам производства. В самом общем виде мысль Маркса можно изложить так: классовая структура, наблюдавшаяся в разных обществах в ходе исторического развития, в капиталистическом обществе упрощается, остается только два антагонистических класса: буржуазия (господствующий класс) и пролетариат (подчиненный класс). Они различаются своим отношением к средствам производства, что определяет их классовое сознание.

Структура власти представлялась Марксу следующим образом. Существует буржуазия — господствующий класс. Внутри этого класса образовывается политическая верхушка, подчиненная этому классу. Конечно, внутри нее, равно как и внутри самого господствующего класса, существуют некоторые противоречия, но классовое единство оказывается сильнее этих противоречий, правящая верхушка объединяется, дабы не допустить в свой состав представителей угнетенного класса. Правящая верхушка служит интересам господствующего класса — буржуазии, потому что она рекрутируется из этого класса. Для Маркса тип рекрутации правящей группы целиком определяет то, в чьих интересах она будет принимать решения.

Концепция Маркса не исключала использование термина «элита», который вполне мог быть применен по отношению к правящей группе господствующего класса. Это было подмечено некоторыми учеными, попытавшимися найти компромисс между марксизмом и элитизмом, инкорпорировать элиты в макет общества, предложенный Марксом. Самый известный из них — Чарлз Райт Миллз. Основной труд этого американского социолога озаглавлен «The Power Elite»³³. Властвующая элита, в понимании Миллза, охватывает лиц, занимающих высшие позиции в «большой тройке» — государственных структурах, крупных корпорациях и армии. Властвующая элита обнаруживает высокую степень горизонтальной мобильности — одни и те же люди в течение своей карьеры часто переходят с ведущих постов в одной из этих структур на ведущий пост в другой или же совмещают эти посты. Сами эти люди образуют зам-

кнутую социальную группу, насквозь пронизанную неформальными патрон-клиентскими отношениями и обнаруживающую так называемые «три С», выведенные Джеймсом Мэйзелем: групповое *Сознание* (group conscience), *Сплоченность* (cohesion) и *Сговор* (conspiracy)³⁴. Властвующая элита в США, по Миллзу, представляет собой господствующий общественный класс, имеющий свои интересы и способный диктовать свою волю массам.

Другую попытку синтезировать подходы Маркса и Парето предпринял Р.Арон. Он свел противостояние между социологией «классов» и социологией «элит» к принципиальному вопросу: «Что представляют собой взаимоотношения между социальной дифференциацией и политической иерархией в современном обществе?»³⁵ Он понимал под элитой «меньшинство, которое в любом обществе выполняет функции управления сообществом»³⁶. С точки зрения Арона, никакой «власти пролетариата», о которой писал К.Маркс, быть не может в принципе, это не более чем «метафора или символ». Он полагал, что в обществе могут быть изменения двух типов: первый тип влияет на устройство элиты, а второй — на рекрутацию элиты. Арон выделяет пять субэлитных групп: политические лидеры, правительственные администраторы, экономические директора, лидеры масс и военачальники.

Наряду с двумя основными подходами к социальной стратификации — классовой (Маркс) и элитистской (Парето, Моска) — можно выделить еще один подход, выделяющий элиту по профессиональному признаку. Том Боттомор называет эти группы интеллектуалами, менеджерами и правительственными чиновниками³⁷. Интеллектуалы являются самой расплывчатой и трудноопределимой из тех групп, которые называют возможными преемниками правящего класса. Особую роль интеллектуалов и менеджеров как потенциальной господствующей социальной группы впервые зафиксировал Торнстейн Веблен, который в своей монографии «Engineers and the Price System» показывал, что неэффективность капиталистического строя приведет не к созданию бесклассового общества, но к переходу власти от капиталистов к «инженерам» — технологическим специалистам³⁸. Близкие к Веблену взгляды выражал

известный американский экономист Дж.К. Гэлбрейт³⁹. Одно из главных мест среди поствебленских концепций (также их называют технократическими) занимает концепция «менеджерской революции» еще одного американского экономиста Джеймса Бёрнхэма. Бёрнхэм остался верен марксистской идее экономического детерминизма, согласно которой экономически господствующий класс также держит бразды политической власти⁴⁰. Правящей группой он называет группу, «которая, по сравнению с остальным обществом, в большей степени контролирует доступ к средствам производства и распоряжается распределением товаров»⁴¹; «самый легкий путь увидеть, что есть правящая группа в любом обществе — это посмотреть, какая группа получает наибольшие доходы»⁴².

В отличие от К.Маркса Дж.Бёрнхэм считал, что после капитализма должен наступить не социализм, а «менеджерское общество», в котором управляющие, выпадающие из классовой структуры буржуазного общества, возьмут на себя роль экономически, а следовательно, и политически господствующего класса. Смена экономически господствующего класса влечет за собой перераспределение властных функций между общественными институтами. Если раньше функция политической власти находилась преимущественно в руках парламента, то сейчас она переходит в руки госаппарата⁴³. По Бёрнхэму, «именно менеджеры, а не бюрократы являются ведущим звеном нового правящего класса»⁴⁴. Бюрократы же «не могут сами по себе составить эффективный и стабильный правящий класс»⁴⁵, так как у них нет экономической базы.

По мнению Бёрнхэма, гипотеза о всемогуществе бюрократии несостоятельна. Другие же ученые считают истинной именно ее. Прежде всего надо сказать о работах Макса Вебера, посвященных идее «рациональной бюрократии»⁴⁶. Но не следует забывать, что рационально-бюрократическая система, при которой государственное управление достигает максимальной эффективности за счет честных чиновников, пекущихся лишь об общем благе и не занимающихся коррупцией, у Вебера — всего лишь идеальный тип. На практике же реализуется другая модель — «патронимическая бюрократия». Она обладает определенными черта-

ми рациональной бюрократии, но ей свойственны существенные недостатки, возникающие из-за распространения неформальных «патриархальных» отношений между чиновниками и их морального разложения. Вебер опасался, что именно такая система, в которой бюрократия возьмет полный контроль над политикой, установится в социалистических государствах.

М.Вебер положил начало подходу, согласно которому классы определяются не только исходя из отношений к средствам производства. Он полагал, что существуют различия, не связанные прямо с собственностью. Не отрицая марксистских критериев выделения классов, он предлагал дополнить анализ стратификации еще двумя переменными. Первую переменную он называл «статус» (понимая под ним уровень социального уважения), вторую — «партия» (подразумеваемая степень политической активности человека).

Идеи Вебера были продолжены в теории «нового класса» югославского ученого Милована Джиласа. По Джиласу, уничтожение старого господствующего класса привело не к созданию бесклассового общества, но лишь к возникновению «нового эксплуататорского класса»⁴⁷. Этот новый класс, обладающий всеми характеристиками предыдущих господствующих классов, Джилас отождествляет с «политической бюрократией», выделившейся из обычного административного аппарата и вставшей над ним. Концепция «нового класса» в социалистических странах, состоящего из бюрократической номенклатуры, пользовалась популярностью, особенно в работах постсоветского периода, посвященных истории СССР⁴⁸.

Заканчивая этот краткий обзор классических теорий элиты, я перехожу к изложению основ собственной концепции.

1.2. Политическая стратификация

Обобщая сказанное выше, скажу, что имеются три основные парадигмы: авторы, придерживающиеся «линии Маркса», считают, что главным стратифицирующим признаком является экономическая составляющая; «линия эли-

тистов» — берут за основу политическую составляющую. Третью парадигму можно назвать «профессиональной», так как в ней речь идет не о единой правящей элите, а о множестве отраслевых элит.

В *марксистской парадигме* концепт элиты или не присутствует вообще, или выступает лишь в качестве названия для группы людей, имеющих высшие позиции в политической сфере. Этот термин носит явно вторичный характер. По Марксу, господствующим классом является класс собственников, который и формирует власть. Классовая идентификация тесно связана с наличием или отсутствием экономического капитала, и деньги движут миром. В *элитистской парадигме* экономическая стратификация вторична, а главный нерв разделения общества находится в сфере политического. Здесь элита — важнейшее понятие, так как именно она является правящим классом общества. Концепт *элиты* здесь играет ту же роль, что у Маркса *класс собственников*. Элитисты, по сути дела, заменили Марксову дихотомию «собственники — рабочие» дихотомией «элита — массы» (Г.Моска) или «правлящий класс — народный класс» (А.Турен). В обеих стратификационных парадигмах первые представляют собой меньшинство, владеющее большинством ресурсов, а вторые — большинство, не имеющим почти ничего. Но если у Маркса история представляется в виде перманентной борьбы между классами богатых и бедных, то для элитистов она — бесконечное сражение элит за власть, а человеческое общество проходит циклы взлета и падения правящих групп. Важнейшими категориями для марксистского анализа являются *экономическая гегемония* и *собственность*, а для элитистского — *власть*, *государство* и *политическое доминирование*.

Зададимся вопросом: а имеет ли смысл спорить о том, какой тип стратификации «правильнее»? И означает ли, что членение общества на классы по их отношению к собственности не допускает существование классов, вычленившихся по их отношению к власти? Согласимся, что существует проблема первичности экономического и политического в различные эпохи развития человеческой цивилизации. Возможно, в определенных обществах и в определенных периоды *экономическое* превалирует над *полити-*

ческим, как возможно и обратное. Но бесспорным фактом остается то, что обе плоскости общественного бытия существуют всегда и везде, и они связаны друг с другом.

Марксовы классы собственников и рабочих вполне адекватно описывают капиталистическое общество в стадии его становления. Но и классы управляющих и управляемых Парето также имеют право на существование, и являются не менее (а, на наш взгляд, даже более) эффективной теоретической конструкцией. Конфликт между классами в марксистском понимании может быть причиной глубинных изменений, революций, меняющих как господствующие отношения собственности, так и самих собственников. Но и конфликт между политическими классами также приводит к серьезным общественным катаклизмам, в результате которых меняется политическое устройство, режим и сами правители. Причем политическое напряжение ощущается в современном мире значительно сильнее, чем напряжение по поводу отношений собственности. Границы между классами собственников в развитых странах теперь, в начале XXI века, более размыты, чем раньше. Это обусловлено и тем, что Бёрнхэм называл «менеджерской революцией», и тем, что с развитием фондового рынка собственность стала настолько размытой, что практически каждый житель развитой страны имеет больше или меньше акций предприятий и банков, являясь, тем самым, совладельцем собственности. Таким образом, вопрос о классовой принадлежности в марксистском смысле в современном мире часто не имеет ответа.

Власть же в постиндустриальных обществах, напротив, стала более очевидной, распознаваемой в связи с развитием политий и ростом легитимности государственных институтов. Про каждого человека можно сказать, занимает он пост в государственной системе или не занимает. Классовая идентификация по политическому признаку имеет четкие показатели и возможность их верификации. Р.Патнэм писал, что «мало какие положения в науке могут быть доказаны столь же строго»⁴⁹.

Политические и экономические общества

Кроме того, существует и еще одно обстоятельство, которое необходимо учитывать — история демонстрирует примеры обществ, где экономический фактор и рациональность на протяжении столетий являлись доминирующими. Эти общества часто называют *западными* в отличие от *восточных*, где превалирует политический фактор и патримониализм. К. Маркс писал об *азиатском* обществе и *азиатском* способе производства. К. Виттфогель посвятил анализу общества этого типа работу «Восточный деспотизм», где он утверждает, что бюрократия в восточных обществах является правящим классом⁵⁰. Еще Г. Гегель в свое время писал о России, что в ней «есть одна масса — крепостная и другая — правящая»⁵¹, подчеркивая тем самым, что для данного общества политическая ось является ключевой. Российский исследователь М. Афанасьев пишет о «властоцентризме», присущем России, который выражается в «закисленности социума на власти»⁵².

Последнее столетие становление рыночных отношений было в центре общественных изменений, и демократизация была признана наиболее адекватной формой политического правления, обеспечивающей свободу рынка. Развитие рынка (маркетизация) и развитие демократии (демократизация) были двумя составляющими одного процесса, который получил название *модернизации*. В модернизирующихся обществах западного типа (будем называть их *экономическими обществами*) политические изменения были простимулированы классом собственников — наиболее активной частью общества. Здесь действительно власть формировали те, кто имел капитал. Но в то же время существовали общества другого типа, которые мы будем называть *политическими*. В этих обществах никогда экономические акторы не представляли собой серьезной социальной силы. Главным видом капитала был капитал политический, который не только приносил доход, но и был гарантом богатства. Размер доходов был связан с местом в политической иерархии, образовавшей политическое пространство, на котором шли активные процессы обмена

и торгова. Экономическое развитие не только не было самоудовлетворяющим и определяющим политический процесс, но, напротив, детерминировалось политикой. Власть имущие, а не собственники экономического капитала, определяли приоритеты экономического развития. Политика стимулировала экономику, а не наоборот. В отличие от процесса модернизации в обществах этого типа происходила *стимуляция* экономического политическим. Политические общества отличаются от экономических тем, что в них получение богатства, как правило, следует за получением власти, в то время как в экономических обществах, напротив, приход во власть становится возможен только после получения определенного уровня благосостояния. Главными инструментами на пути к богатству тут являются ресурсы государства, а не рынка.

Россия, на мой взгляд, представляет собой общество, в котором длительные периоды *политической стимуляции* сменялись относительно короткими периодами *экономической модернизации*. Причем попытки *экономизации*, как правило, заканчивались большой политической реформацией, восстанавливающей «порядок» и усиливающей роль государства. Периоды жестких авторитарных режимов наступали всегда после «экономических периодов», когда государство ослабляло контроль над экономикой и в стране появлялся относительно независимый от власти класс собственников. Так, последствием экономизации конца XIX века были революции 1905—1907 и 1917 гг., последствием нэпа — сталинский тоталитаризм. Становление класса собственников в России вносило хаос в государственное управление, приводило к политическому кризису, вызывало ощущение опасности у правящего класса. Подобно маятнику, Россия, освобождая рынок от государственного контроля, затем спохватывалась, что нарождавшаяся буржуазия станет угрожать целостности государства. Чем дальше заходил процесс экономизации, тем сильнее потом был «термидор», призванный восстановить порядок и государственность. Для такого типа обществ, которым является Россия, экономический подход не может открыть всей полноты картины общественного развития, истинных причин трансформаций. Поэтому именно политический подход я считаю базовым.

Классы и слои в политической стратификации

Социальная стратификация фиксирует неравенство, сложившееся в ходе исторического развития, при котором одни группы людей имеют больше ресурсов, чем другие. *Классами* я буду называть большие группы людей, вычлененных по одному макросоциальному критерию. В том случае если таким критерием выступает отношение собственности, тогда можно говорить об *экономических классах*, если же речь идет о политическом неравенстве, об отношениях по поводу власти, тогда мы имеем дело с *политическими классами*. *Группой* я называю любую общность людей, выделенную по одному или нескольким критериям, а *слоем* (или *стратой*) — такую группу (или часть класса), которая занимает фиксированное место в иерархии. Можно говорить о слоях лишь в том случае, если имеется некий континуум значений переменной, по которой производится стратификация. Например, если речь идет об обладании собственностью, то слои образуются по уровню богатства (в англоязычной литературе их обозначают как «*upper class*», «*upper middle class*», «*middle class*» и т.п.), а если речь идет об обладании ресурсами власти можно выделить слои *политического класса*, высшим из которых и является *элита*.

При политической стратификации общества я говорю о классе власть имущих, и называю его *политическим классом*, и о классе, не имеющем власти, который в классической элитологии называют *массой*, *народом* или *народным классом*. Иногда эти классы называют *правители* и *управляемые*. Первый класс — правящий — всегда представляет собой меньшинство населения страны, а второй — большинство. Политический класс активен и является субъектом политического процесса. Масса, как правило, пассивна, и ее роль в политике зачастую сводится лишь к участию в выборах. При таком подходе исчезает противоречие между правящим классом и правящей элитой, которое было камнем преткновения при попытках соединить марксистский и элитистский подходы. Правящий класс здесь — не класс собственников, который участвует в формировании власти и правящей элиты. Правящий класс — это и есть политический класс, так как в его руках находится власть.

Итак, политическая стратификация, которая является более адекватной для описания организации политических обществ, дает нам классовую дихотомию, представленную классом политическим (управляющим) и классом не политическим (управляемым). Однако, лишь обозначить этот подход — явно недостаточно для задач дальнейшего анализа. Необходимо определить родовые понятия, какими в данном случае являются государство, власть и ее ресурсы, политика, политическое пространство, политический капитал.

1.3. Государство. Власть и ее ресурсы

Государство — это среда, в которой существует политический класс, это организация политического класса, которая имеет двойственные функции — организовывать жизнь общества, и в то же время защищать привилегированное положение политического класса. Э. Гидденс полагает, что «государство существует там, где есть политический аппарат, управляющий определенной территорией, чья власть опирается на законодательную систему и возможность использовать силу для реализации своей политики»⁵³. Я придерживаюсь сходного подхода, понимая под государством организацию, созданную для оптимизации управления, наделенную рычагами господства и ресурсами власти. Власть есть функция и прерогатива государства, которое обладает, по выражению М.Вебера, монополией на господство⁵⁴.

Центральной проблемой государства является проблема *порядка*, которая на социологическом уровне трансформируется в проблему контроля. Государство упорядочивает жизнь членов общества и объединений, контролируя их деятельность, направляя ее в общественно полезное русло и запрещая под угрозой санкций то, что наносит обществу вред. «Государство находится на *оси порядка и изменения*», полагает А.Турен⁵⁵. Для моего анализа элиты как правящей группы политического общества (каким является Россия) наиболее важным аспектом государства является не его деятельность, направленная вовне, деятельность по упорядочению общественной жизни, а «государство-для-себя»,

которое служит правящему классу гарантом его статуса и привилегий, которое является машиной для осуществления власти.

Государство одновременно является и организацией, управляющей обществом, и главным инструментом политического принуждения. Государство включает в себя все наиболее значимые институты политической власти и управления. Поэтому служащие государства являются главной политической силой общества. Они и есть политический класс, пронизывающий общество сверху донизу: ведь управленческие уровни государства доходят до самого низа — муниципалитетов.

Одним из наиболее сложных является вопрос границ государства и сущности политической деятельности субъектов, находящихся вне государственной корпорации. Государство стремится полностью присвоить себе функции политической власти и противодействует другим формам власти, имеющим частное происхождение. Но этому стремлению противопоставлено стремление акторов гражданского общества, которое тем заметнее ограничивает объем государства, чем большими ресурсами они располагают. Даже если государство полностью присвоило себе политическую власть, но в обществе сохранились силы, контролирующие большие объемы ресурсов другого рода, они становятся сдерживающим фактором для государства, так как эти ресурсы потенциально могут быть конвертированы в политический капитал.

В обществе, где нет частной собственности на средства производства (например, в СССР с 1917 по 1987 г.), власти государственных акторов не противостояла ни одна другая социальная сила. Экономические классы вовсе не существовали, и все были равны перед отсутствием собственности. Но такое общество в то же время не может считаться и бесклассовым. Напротив, классовое напряжение в нем чрезвычайно велико, но конфликт происходит не между собственниками и рабочими, а между классами политическими. Причина этого напряжения — существующее неравенство между *правящим* и *народным* классами. При отсутствии экономического противостояния, противостояние политическое становится самодовлеющим. Власть по-

литического класса не ограничивается ничем, так как нет иной общественной силы, способной противопоставить свои ресурсы ресурсам элиты. Гражданское общество редуцируется настолько, что ограничивается мельчайшими корпускулами семьи и трудовых коллективов. Вся жизнь смещается в политическое пространство, любые события приобретают политический смысл. Экономика полностью подчиняется политическим задачам правящего класса и становится зоной администрирования. Если еще возможен спор о критериях стратификации в обществах экономического типа, то в таких обществах правит, бесспорно, политический класс, так как больше там править некому.

Государство становится организацией, функции которой расширяются беспредельно. Оно не только регулирует взаимоотношения между общественными институтами, устанавливает правила коммуникации, отвечает за безопасность, но и становится хозяйствующим субъектом. Гражданское общество как зона, свободная от государства, по сути дела, перестает существовать, так как в социуме нет места для частной инициативы. Общество, где нет частной собственности и собственников, поглощается государством. Государственное тело разбухает, вбирая все новые и новые зоны для своего контроля. В обществах без частной собственности государство стремится к тоталитарности, что в конце концов ведет к *перегрузке государства* и его кризису.

Государство как организация может иметь несколько центров власти, каждая из которых устроена иерархически. В развитых демократиях эти центры институционализированы и представлены «ветвями власти»: законодательной, исполнительной и судебной. В реальности центров власти может быть больше, что связано как с текущей политической конъюнктурой, так и персональным фактором (яркий влиятельный политик, возглавивший политический институт, может на время своего руководства сделать его центром власти в силу того, что из этого института будут исходить стратегические идеи, или на время ему удастся добиться перераспределения властных полномочий в свою пользу). Государство со множеством центров власти Роберт Дал называл *полиархией*⁵⁶. Существуют и государства с централизованной властью — *моноархии*, геометрия которых

подобна пирамиде. Здесь единая иерархия пронизывает государственную корпорацию сверху донизу, что, правда, не исключает возникновения латентных центров власти, влияние которых основано не на институтах политической системы, а на неформальных образованиях.

В политических обществах власть отдельных индивидов есть лишь производная от власти государственной корпорации, к которой они принадлежат, а государственные акторы — то есть индивиды, которые избрали политику своей профессией — всегда обладают властью временно, лишь пока они занимают свои посты. Они обладают властью не потому, что имеют какие-то особые преимущества по сравнению с другими людьми, а потому, что являются частью государственной машины. Государственная система награждает их особыми полномочиями, и обеспечивает гарантии господства. Располагая системой мер насилия и ограничения, которые составляют важную часть государственной машины, эти люди способны принудить других делать то, что им кажется правильным или полезным: работать, платить больше налогов, служить в армии и проч. Но сами государственные акторы лишены средств управления и потому полностью зависят от государственной корпорации. У них нет собственности, кроме политического капитала, который является также атрибутом их статуса, и, следовательно, преходящ. Об опасности попыток приватизировать государство писал еще Г.Гегель: «Стремление превратить власть государства в частную собственность есть не что иное, как путь к распаду государства, к уничтожению его в качестве силы»⁵⁷. Каждый политический актор, временно обладая политическим капиталом, стремится стать его собственником, закрепить свою власть. Поэтому имманентным стремлением элиты политического общества является приватизация государства и наследование статуса. Патримониальные государства, о которых писал Вебер, и есть осуществленная модель этого устремления. В тех случаях, когда это невозможно, чиновники пытаются конвертировать свой политический капитал в иные формы капитала.

В политическом пространстве действует не только государство, но и *партии* (под которыми мы будем обобщенно называть любые организации, ставящие политические цели).

Партии, до тех пор, пока они не приобретут парламентского статуса, не являются государственным институтом. В тоталитарных государствах партии создаются государством. Более того, как правило, там имеется лишь одна партия, которая сливается с государством.

В Советском Союзе компартия была одним из институтов государства. После 1991 г. в России начала складываться многопартийная система, в которой реальный политический вес приобретали только парламентские партии. Все те организации, которые создавались в период выборов как избирательные машины одного или нескольких лидеров, не имели влияния в обществе. Число их сторонников было столь незначительно, что не позволяло им быть равноправными партнерами на политическом рынке. В современной России политические партии могут быть реальной силой лишь после победы на выборах, когда они становятся частью политической системы. Партии, не сумевшие приобрести парламентский статус, вскоре исчезают с политической арены. Это значит, что политическое пространство *этатизировано* и в нем фактически действует только государство. Конечно, и это есть достижение демократических реформ и большой шаг от тоталитарной системы прошлого. Но необходимо помнить, что все негосударственные акторы или чрезвычайно слабы, или отсутствуют вовсе.

Государство можно анализировать как своеобразную корпорацию. Г.Домхофф описывал государственную организацию как корпорацию, членство в которой так или иначе фиксируется. Он считал одним из важнейших признаков элиты корпоративную принадлежность и индивидуальную позицию в элитной корпорации⁵⁸. *Корпорация* в данном случае — это организация, призванная не только осуществлять вмененные функции, но и способная вбирать капиталы своих создателей и членов. Политическая корпорация создана для решения конкретных задач, и ее коллективный капитал зиждется на инвестициях ее создателей. Создателем политических корпораций является государство, оно инвестирует в них свой капитал и свои ресурсы либо способствует мобилизации капиталов из различных негосударственных источников. Политические корпорации являются лишь производными государства, зави-

сят от его инвестиций и его санкций. Как писал Дж. Гэлбрейт, «корпорация ограждает интересы тех, кто снабжает ее капиталом»⁵⁹. Это вполне относится и к государственной корпорации, которая для политического класса является не только формой организации его деятельности, но и гарантом статуса.

Политические корпорации являются не только крупными организациями для осуществления определенных функций, но часто они распространяют свою деятельность на области, находящиеся вне сферы ее «уставной» деятельности. Корпорациями могут быть министерства, партии, постоянно действующие комитеты и комиссии, администрации, которые имеют юридическую легализацию. Корпорации могут заниматься разными вопросами, но их объединяет одно — все они работают на государство, подчиняясь его верховной власти и занимаясь свойственными или несвойственными функциями по мере того, какая необходимость в этом возникает у государства. У всех государственных корпораций есть одна общая цель — сохранение государства и его элиты.

Стимул действия любой корпорации — получение прибыли, то есть увеличение своего капитала. Стимул действия *политической корпорации* тот же: она жаждет увеличить свой капитал в политической либо в экономической форме. Капитал увеличивается в случае производства товара и его последующего обмена. Государство на рынке представлено не как единственный субъект, а как множество корпораций, которые могут находиться в состоянии конкуренции друг с другом. Однако конкурентная борьба государственных корпораций друг с другом не обязательно означает полиархическое устройство. Если верховная власть сохраняет свои позиции тотального арбитра и заказчика, даже при наличии организационного плюрализма все же следует говорить о *моноархии*.

Верховная власть в политическом обществе осуществляет контроль над деятельностью и прибылью корпораций. Но верховная власть всегда должна оставлять у себя стратегический ресурс, который позволяет ей возвышаться над всеми другими корпорациями. Этот стратегический ресурс — легитимное насилие и инструменты его осуществления. Ар-

мия, правоохранительная система и спецслужбы являются святой святых верховной власти. Пока у нее есть это оружие, она позволяет развиваться другим корпорациям до тех пор, пока они не посягают на то, чтобы приобрести собственные атрибуты власти.

Политика

Умение управлять государством называется политикой, которая является особым видом деятельности по поводу осуществления власти. Политика — это основное занятие политического класса. В то же время политика — это функция государства. Деятельность политических партий, которые находятся вне государства, является политической лишь в том смысле, что ее главной задачей является достижение государственного статуса. Деятельность других негосударственных акторов (например, независимых средств массовой информации или «мозговых команд») может считаться политической лишь постольку, поскольку ее целью является выполнение запросов государства или оказание влияния на государственные институты. Те СМИ, которые имеют государственный статус, надо признать не чем иным, как государственным властным институтом.

Под *политикой* в узком смысле слова мы будем понимать деятельность государственных институтов. Когда политической называют деятельность негосударственных акторов, это означает, что она направлена на получение государственного статуса или оказание влияния на государство. В политических обществах сфера *политики* не может простирается далеко за пределы государственных институтов. Сфера вне государственной политики является здесь скорее *протополитикой* и включает в себя лишь институты, непосредственно соприкасающиеся с государством. В тоталитарных режимах политическое пространство находится под полным контролем государства.

Политика является прерогативой политического класса, а для его представителей она становится профессией, но профессией особого рода. Как правило, на политическое поприще приходят люди, достигшие определенных высот в своей первой профессии. Не существует вузов, го-

товящих политиков. Политике нельзя научиться, окончив какое-либо учебное заведение. Политика для большинства людей является второй профессией, куда они приходят тогда, когда достигают довольно зрелого возраста. Молодость для политика — это 40 лет, в то время как для других профессий это возраст зрелости. Средний возраст политиков большинства стран мира составляет 50—55 лет. Общества, где политики значительно старше этого возраста, называют геронтократиями. Общества, где политики значительно моложе, как правило, являются революционными или постреволюционными.

Власть и ресурсы власти

Литература, посвященная анализу проблем власти, насчитывает тысячи томов, и мы, безусловно, не ставим задачу сделать обзор ее концепций. Мне близок подход Парсонса, который считает, что власть играет в политике ту же роль, которую в экономике играют деньги. Он полагает, что, подобно тому, как обладание деньгами дает возможность приобретать различные блага и услуги, так и обладание властью обеспечивает выполнение широкого набора политических обязанностей и функций⁶⁰. Власть, таким образом, перестает быть атрибутом акторов и становится *ресурсом* систем. Власть производится социальной системой аналогично тому, как богатство производится экономической организацией. Как и деньги, власть не представляет ценности сама по себе. Насилие же является не переменным атрибутом власти, а лишь ее аспектом, применимым исключительно в случае неповиновения. Я соглашусь с Луманом, полагающим, что власть, как ограничение пространства выбора, необходима в любом обществе, так как она, по выражению Ж.Баландые, есть «средство борьбы с энтропией», которая угрожает беспорядком обществу⁶¹. В такой трактовке власть тождественна политической власти, а система, порождающая властные отношения, суть не что иное, как государство. Как писал М.Ротбард, политическая власть есть прерогатива государства⁶².

Субъект властных отношений имеет ресурсы, а тот, кто вынужден подчиняться из-за их отсутствия, является объек-

том власти. Если у субъектов, вступающих во взаимодействие, равные ресурсы, то взаимоотношения между ними будут обменом, а не осуществлением власти. Рассматривая политическое пространство как специфический рынок, ресурсы власти мы видим в нем в виде товара, который оценивается и обменивается. Политические акторы на этом рынке могут увеличить или уменьшить политический капитал, присваивая большие или меньшие ресурсы.

Ресурсы власти могут быть *стимулирующими*, выполняющими функцию награды, и *репрессивными*, угрожающими негативными санкциями в случае нарушения рекомендованных форм поведения. Луман говорит о позитивных и негативных санкциях власти: «Власть... покоится на том, что существуют возможности, реализации которых стараются избежать. Избежание... санкций для функционирования власти необходимо»⁶³. В отличие от репрессивных ресурсов позитивные санкции власти базируются на ожиданиях определенных действий со стороны лиц, претендующих на получение награды: воздержание от нелояльных высказываний, поддержка начинаний власти, неразглашение планов элиты и проч. Эти образцы поведения признаются властью не просто лояльными, а конструктивно-лояльными. Они почитаются за доблесть служения государству и приобретают на политическом рынке свою цену. Награда выдается согласно символической цене доблести — для одних это будет повышение по службе, для других орден или почетное звание, доступ в элитные сообщества, разрешение на привилегированную деятельность или материальное вознаграждение. Инкорпорация в элиту также является наградой, дача которой сопровождается присвоением первоначального политического капитала. Все разновидности наград являются видами инвестиций, которые элита вкладывает в индивида, группы или организации, повышая их капитализацию на политическом рынке.

Негативные ресурсы власти имеют, как правило, характер угрозы и возможности наказания. Сама угроза может осуществляться редко, и ее целью будет не столько наказание как таковое, сколько демонстрация силы и урок для других, обозначающий красную черту, за которую переступать нельзя. Власть не может всегда оформляться

лишь как возможность негативных санкций. Для актуализации власти время от времени необходимо реализовать санкцию, продемонстрировав обществу свое могущество. Но осуществление угрозы имеет отрицательные последствия: оно разрушает отношения с представителями той группы, к которой санкция была предпринята. Происходит раскол группы: одна ее часть гарантируется от репрессий взамен отказа от нежелательных образцов поведения; другая часть ставится в ситуацию прямой угрозы по прецеденту. Практически всегда власть при этом обращается к правовым процедурам для камуфлирования своего насилия. Луман метко называет этот процесс «модализацией коммуникативных интеракций»⁶⁴.

Для того чтобы репрессивные ресурсы власти могли быть осуществлены, в государстве создаются контрольные и карательные институты, которые следят за соблюдением установленных норм и в случае необходимости переходят к репрессивным действиям: изолируют провинившегося от общества, лишают его статуса и любого капитала, подвергают остракизму, запрещают деятельность и проч. Экскорпация из элиты также является репрессивным ресурсом, которым монопольно владеет государство.

Властные ресурсы также связаны с функцией, которую призван исполнять тот или иной государственный служащий. В этом ракурсе ресурсы могут быть экономическими (право собирать налоги и контролировать хозяйственную деятельность), военными (право наводить порядок силой), информационными (право на пропаганду и формирование общественного мнения) и проч. Но особую роль играет ресурс, который возникает благодаря контролю над управленческими сетями. Эту возможность организовывать любой процесс я называю *административным ресурсом*. Административный ресурс в отличие от других ресурсов власти представляет собой само *право мобилизации* любых других ресурсов и поэтому является самым дефицитным в обществе. Административным ресурсом обладает любая организация, но административный ресурс сильного государства носит абсолютный характер, так как его мобилизационная способность несопоставима с возможностями всех других организаций.

Использование ресурсов власти образует *кумулятивное неравенство* (термин Р.Дала⁶⁵), то есть асимметричную ситуацию, при которой контроль над одним из ресурсов общества ведет к контролю над другими видами социальных ресурсов, таких как богатство, военная мощь, информационная компетентность и т.п. На этом и зиждется могущество политического класса — они имеют власть, что позволяет им мобилизовать любые силы, капиталы, информационные потоки. За эту способность привлекать все ресурсы государства в тоталитарном обществе советский политический класс можно назвать *этакратией*.

М.Ротбард определяет *собственность* как «исключительный контроль над ресурсами»⁶⁶. В этом смысле политический класс владеет государством, так как распоряжается им и его ресурсами. Для оправдания такого положения *этакратии* нужна государственная идеология, которая должна быть внедрена в общественное сознание. Создание идеологием также является функцией и ресурсом власти. Разработка мифов (как государственно утвержденных идеологием, созданных для поддержания государственной стабильности) становится необходимой формой деятельности государства, так как для обеспечения управляемости обществом необходимо «легитимировать» существующее политическое и экономическое неравенство, и гарантировать сохранение существующей системы распределения власти, привилегий и собственности. Необходимо постоянно объяснять людям, далеким от политики, что это делается во благо общества. Идеологи — важная часть политического класса — становятся весьма востребованными в тоталитарном государстве, особенно в период его становления.

1.4. Политический рынок и капитал

Политическое пространство, исследуемое с ракурса отношений обмена властными ресурсами, может быть рассмотрено как рынок, на котором совершаются торги и сделки. Это рынок, субъектами которого являются представители политического класса, обменивающие одни ресурсы на другие. Ресурсы в аккумулярованном и персона-

фицированном виде представляют собой *политический капитал*. Соглашусь с П.Бурдье, который писал, что «в поле всякая компетентность... является не просто технической способностью, а капиталом»⁶⁷. Если ресурсы власти являются атрибутом систем, то политический капитал присваивается акторами и становится их личным или групповым свойством. Капитал имеет способность накапливаться не только за счет интеграции ресурсов, но и за счет сложения капиталов разного типа, а также благодаря кумулятивному эффекту, возникающему в процессе закрепления неравенства между политическими игроками. Подобно капиталу в марксистском смысле, политический капитал есть самовоспроизводящаяся стоимость, которая включена в непрерывный процесс кругооборота.

Исследуя власть как вид социальной коммуникации, мы не можем не обратить внимание на то, что отношения между государством в лице его служащих и народом существенно отличаются от отношений между самими представителями политического класса. Политический рынок разделен на два сегмента: назовем их *инсайдерский* и *аутсайдерский*. На рынке первого типа сделки происходят между членами политического класса — то есть между людьми, обладающими политическим капиталом. Эти люди являются *инсайдерами*, так как находятся внутри государственной организации, а отношения между ними и образуют поле власти. На рынке второго типа отношения развиваются между *инсайдерами* (то есть теми, кто внутри политики) и *аутсайдерами* (теми, кто вне ее, то есть «народом», или «массой»). Аутсайдеры хотят от инсайдеров получения ресурсов, которыми те распоряжаются. Взамен они готовы предложить имеющийся в их распоряжении капитал, который чаще всего не имеет политической природы. При этих сделках политический капитал инсайдеров обменивается на другие виды капитала аутсайдеров. Инсайдерский политический рынок не только уже аутсайдерского. Он принципиально иной. Ведь именно здесь — внутри государственной машины — производятся ресурсы власти, и именно это пространство является источником их получения для всех тех, кто вне власти. Обмены же на инсайдерском политическом рынке связаны с иерархическим устройством госу-

дарственных организаций, а также с его функциональной дифференциацией. Инсайдеры могут испытывать дефицит отдельных ресурсов по причине того, что в их юрисдикцию не входит контроль за ними. Или же инсайдер, стремясь увеличить свой политический капитал, нуждается в помощи вышестоящего иерарха, который способен удовлетворить желание своего подчиненного в обмен, предположим, за его преданность.

Аутсайдерский политический рынок

На аутсайдерском политическом рынке сделки осуществляются между властными субъектами и объектами власти. Субъекты власти — инсайдеры — обладают ресурсами, в которых нуждаются аутсайдеры: это могут быть разрешения, лицензии, должности, награды, материальные блага и услуги элитарного качества и проч. Государственные служащие, наделенные правом награждать или карать, разрешать или не разрешать, давать или брать, контролировать или нет, могут осуществлять свои права, а могут этого не делать. Дефицитные ресурсы, в которых ощущается острая потребность у аутсайдеров, выступают в виде привилегий, социальная цена которых всегда относительна и связана с престижем. Привилегированными являются те ресурсы, которые недоступны для других, которые символизируют особый статус тех, кто ими обладает. Поскольку возможность распоряжаться привилегиями как дефицитными ресурсами появляется после приобретения элитного статуса, позиция в государственной корпорации является стартовым условием накопления политического капитала. Как пишет В.Радаев, именно занятие должности предоставляет «различные возможности мобилизации и распределения ресурсов, а также регулирования доступа к ресурсам других агентов. Они также обеспечивают привилегии или вознаграждения, привязанные к должностной позиции»⁶⁸. Но инкорпорация в политический класс — это не просто занятие должности, это и приобщение к капиталу во всех его формах (в том числе и экономической), аккумулированных в этой должности.

Поэтому одной из целей, которые преследуют прото-политические круги, является инкорпорация в политичес-

кий класс, сопровождающаяся занятием государственной должности. Тот, кто принимает решение об инкорпорации, ожидает, что инкорпорируемый будет как минимум лоялен (т.е. не критичен) к нему лично, а также будет эффективно исполнять свои функции, что повлечет, в свою очередь, увеличение политического капитала инсайдера. Происходит обмен, где инсайдерским ресурсом является должность, а аутсайдерским — лояльность и компетентность. Потребительская стоимость обоих ресурсов в данном случае признается эквивалентной. Любой пример инкорпорации может быть рассмотрен как покупка должности, хотя далеко не всегда аутсайдер платит за нее деньгами.

В период выборов игроки политического рынка ощущают наиболее острый дефицит в голосах избирателей. Эти голоса отчасти уже превращены в политический капитал, которым владеют ведущие партии, имеющие устойчивый пул своих сторонников. Партия может обменять свой капитал, который выражен в голосах избирателей, на государственную должность для своего лидера. Тогда заключается сделка между государственной бюрократией, капитал которой выражен в возможности распоряжаться должностями, и партией. Во время выборов не бюрократическая партия может передать свои голоса бюрократической (*партии власти*), за что ее лидер и получает искомую должность. В ходе переговоров может выясниться, что стоимость голосов избирателей оценивается одним из участников торга выше, чем предлагаемая должность, и тогда сделка не удастся. В другом случае такое соглашение покажется взаимовыгодным сторонам торгов и произойдет обмен ресурсами: лидер партии отдаст голоса своих сторонников, а лидер организации, получивший голоса в свою поддержку, отдаст имеющийся в его распоряжении высокий пост. Такие торги проводятся постоянно во время выборов. Так, на президентских выборах 1996 г. в России 15% голосов сторонников генерала Александра Лебеда стали эквивалентом должности секретаря Совета Безопасности РФ, предоставленной ему Борисом Ельциным в благодарность за снятие своей кандидатуры. А 8% голосов сторонников Г.Явлинского в той же избирательной кампании были оценены ниже, чем пост премьер-министра, на который претендовал лидер «Яблока».

Как видим, и здесь дефицитным ресурсом для инсайдеров является политическая поддержка и лояльность. Именно это делает возможным существование политического рынка: ведь власть имущие обычно владеют многим, а народ — малым. Сделки были бы невозможны, если бы члены политического класса не нуждались в том, что не может родиться в недрах государственной организации, — в массовой поддержке. Политики не могут существовать без сторонников, так же как руководитель не существует без подчиненных. Государственная политика не может осуществляться без поддержки со стороны населения страны, иначе цена такой поддержки непомерно возрастает. Сила любого члена политического класса измеряется числом его сторонников, доверием, которое к нему испытывают вверенные в его управление люди. А существование института выборов делает такую поддержку жизненно необходимой не только для инкорпорации, но и для сохранения статуса.

Можно сказать, что на аутсайдерском политическом рынке основными обмениваемыми *товарами* являются *привилегии*, которыми инсайдеры могут наградить аутсайдеров, и *лояльность*, преданность, послушание и доверие, которыми аутсайдеры могут расплатиться. Конечно, существуют и сделки с участием экономического капитала в виде денег, материальных благ и услуг, которыми обмениваются стороны торгов. Например, аутсайдеры ждут от инсайдеров бюджетных ассигнований в социальную сферу, а инсайдеры от аутсайдеров — уплаты налогов или спонсорства социальных проектов. Возможны и другие типы обменов с предоставлением административного ресурса для обеспечения безопасности, сохранения стабильности, порядка и проч. Но все же самым дефицитным ресурсом для политического класса является преданность сторонников, что и делает возможными и взаимовыгодными отношения между властью и народом.

Политическая система государства устроена таким образом, что капитал в ней накапливается неравномерно. Есть точки концентрации капитала, которые располагаются в местах, являющихся источником наградных или репрессивных решений власти. Чиновники, контролирующие (имеющие право решающей подписи) выдачу всякого рода раз-

решений или запускающие механизм репрессивных действий, располагают большим политическим капиталом, чем те, которые занимают должности, не связанные с внешними контактами. В дальнейшем мы будем называть этих чиновников *вето-группами*.

В то же время и в аутсайдерской среде не все акторы активно контактируют с государством. Здесь существуют приграничные зоны, в которых группы находятся в постоянных контактах с политическим классом: это политические партии, крупный бизнес и его лоббисты, правительственные эксперты и пр. А основная масса населения коммуницирует с политическим классом только на выборах, становясь электоратом. Большинство сделок аутсайдерского рынка рождается именно на этом протополитическом пространстве. Вспомним, что М.Вебер выделял три группы людей по степени их политического участия: политики «по случаю», политики «по совместительству», «профессиональные политики»⁶⁹. В нашей концепции первые две веберовские группы и составляют приграничное пространство, которое в дальнейшем мы будем также называть *околоэлитными зонами*.

Р.Патнэм выделял пять политических страт: 1) наверху — индивиды, прямо включенные в политику, те, кто непосредственно принимает решения. Большинство этой страты занимают официальные политические посты; 2) ниже — «влиятельные» индивиды, оказывающие не прямое или имплицитное влияние. Эта страта может включать высших бюрократов, крупных земельных собственников, промышленников, финансистов, лидеров групп давления, чиновников и неформальных консультантов, а также тех, кто формирует общественное мнение («*opinion makers*»); 3) третья страта включает большое число граждан, которые принимают сколько-нибудь активное участие в политике и правлении (члены партий, бюрократы среднего уровня, редакторы местных газет, составители национального законодательства). Эту страту можно назвать «активисты»; 4) наиболее многочисленная страта — это «электорат» (*voters*). Их политическое влияние ограничивается выборами; 5) и, наконец, на самом дне — неголосующая часть населения, политически совершенно пассивная⁷⁰. Понятно, что

когда мы говорим о приграничной политической зоне или о протополитическом пространстве, мы должны включить в него вторую страту Патнэма, которую он называет «влиятельными», и лишь отчасти третью страту «активистов». Политическая стратификация общества как раз демонстрирует нам композицию аутсайдерского рынка, участие в котором тем выше, чем выше на шкале политического континуума находится та или иная группа.

Инсайдерский политический рынок

Отношения между инсайдерами образуют политический рынок второго типа, который отличается от первого тем, что его участники обмениваются капитализированными политическими ресурсами, а не конвертируют один капитал в другой. Этот рынок отличается однородностью товара, хотя каждый его актор располагает разным количеством. Здесь обмен политическими ресурсами может носить паритетный характер, а сделки отличаются большей «надежностью», по выражению Дж.Коулмена, означающей, что «обязательства будут исполнены»⁷¹. Коулмен вводит даже понятие «доверительной расписки», понимая ее как обязательство за услугу⁷². В случае неисполнения обязательств возникает ситуация внутригруппового конфликта, который разрешается репрессивными действиями по отношению к нарушителю: от уголовного преследования до группового ostracism. Репрессии к должникам-инсайдерам редко приводят к наказаниям общего порядка, которые применяются для аутсайдеров. Наказания «своих» обычно носят характер статусной девальвации той или иной степени вплоть до экскорпорации, то есть изгнания их правящего класса.

Удачные сделки среди инсайдеров предполагают незамедлительный обмен ресурсами, главным из которых считается *карьерный рост*. Это и понятно, ведь ресурсом обладает система, и индивид распоряжается этим ресурсом лишь постольку, поскольку занимает должность, обеспечивающую ему властные функции. Поэтому государственная должность имеет особый смысл для каждого инсайдера, она — гарантия его власти, знак особых полномочий, символ

могущества. Для других инсайдеров должность является четким указателем положения в политическом пространстве, ее смысл прочитывается безошибочно. Должность — это код, которым зашифровано место индивида во властной иерархии, его принадлежность к той или иной корпорации, к тому или иному патрону. В то же время аутсайдеры могут интерпретировать статус должности как верно, так и ошибочно, в зависимости от своей осведомленности о статусной иерархии корпорации. Высокоосведомленные аутсайдеры способны расшифровывать код должности, и их понимание внутреннего устройства корпорации может приближаться к верному. Такие аутсайдеры получают статус *экспертов*.

Занимая должность, инсайдер может гарантированно «решать вопросы» (так говорила советская номенклатура), а теряя ее, теряет и большую часть своего политического капитала. Для инсайдера политический капитал неразрывно связан с его должностями — как с теми, что он занимал прежде, так и с нынешним статусом. Ведь совершив определенное движение в политическом пространстве, инсайдер приобретает связи, являющиеся составляющей его политического капитала. Его отношения с другими инсайдерами тем масштабнее, чем дольше он находится во власти и чем обширнее был его опыт. Перемещаясь в политическом пространстве как горизонтально (меняя географию своей службы), так и вертикально (перемещаясь по ступеням служебной иерархии), инсайдер осваивает отношения, правила игры, эзотерические нормы поведения в системе. Растет число его «доверительных расписок» — обязательств, которые он дал, а также тех, что дали ему. Он становится вовлеченным во все большее число сделок. Он опутан паутиной связей и историй политического пространства. Для *homo politicus* в карьере нет прошлого, так как оно не превращается в мертвый груз прошедших лет, а постоянно востребуется в новых сделках на инсайдерском рынке. Связи в старой корпорации подчас играют столь же активную роль в его торгах на рынке, как и текущие позиции. Они могут быть актуализированы в любой момент, и потому должны быть «живыми», действующими. Именно поэтому межгрупповые, межслоевые контакты в элитной среде

интенсивнее, чем в других средах, что и приводит к консолидации и сплоченности группы, о которой говорят все элитологи. Политический человек — это человек с обширными связями в инсайдерском пространстве, которые и являются необходимым условием роста его капитала. Конечно, свойством аккумулировать опыт обладают и другие профессии: слесарь, став бригадиром, затем мастером и, наконец, начальником цеха, также использует весь опыт предыдущей работы для лучшего исполнения обязанностей начальника цеха. Но ни в одной другой среде опыт не становится политическим капиталом, дающим власть.

Должность дает инсайдеру базовый, формальный капитал, обеспеченный его функциями. Возникающие в процессе пребывания в политическом поле связи создают возможность самовозрастания капитала. Формальный капитал выдается инсайдеру системой, в то время как *неформальный капитал* приобретается им самим, благодаря его компетентности, коммуникативным способностям, интуиции и стечению обстоятельств. Но даже самые выдающиеся способности не дадут индивиду власти, если он лишен базовой государственной должности. Поэтому на инсайдерском рынке самым дефицитным товаром являются *должности*, которые могут быть приобретены. Продавцами должностей на этом рынке являются руководители, набирающие себе подчиненных из числа инсайдеров, вербующие сторонников в корпоративной среде.

Служебный рост чиновника может выглядеть как дар патрона. Но на самом деле это одна из самых распространенных инсайдерских сделок, в которой участники торгов выставляют должность, с одной стороны, и компетентность и преданность, с другой. Именно эти два товара и здесь являются наиболее востребованными теми, кто стоит в политической иерархии на верхних ступенях. Лояльность — это общее обозначение отношений, необходимых для любого осуществления политических действий. Ведь властные отношения заключаются в способности актора мобилизовать ресурсы на решение цели, что подразумевает наличие сторонников. Никакая мобилизация не может быть осуществлена без сторонников, так как иначе пришлось бы платить за нее слишком высокую цену, что сде-

лало бы ее нерентабельной. Насилие, которое можно было бы использовать для мобилизации, грозит системе чрезмерным напряжением и кризисом. Если силы противодействия постоянны и мощны и политический курс идет вопреки настроениям объектов власти, требуются постоянные затраты на проведение репрессий. Карательные меры, жесткая пропаганда, преследование инакомыслящих, тотальный контроль — это возможные, но дорогие методы решения политических задач. Гораздо легче осуществлять политику, имея сторонников. Следовательно, создание пула сторонников всегда является задачей правящего класса в целом и каждого его члена в частности.

Политические сторонники могут быть пассивными или активными. В первом случае принято говорить о лояльности, то есть о некритическом отношении, о непротиводействии. Активные сторонники должны не просто *не* высказываться критически, *не* мешать действовать, а позитивно работать на поставленную цель. Преданность — вот высшее проявление лояльности, она включает в себе личное отношение не только к системе, к ее целям, но и к конкретному иерарху. Преданность подразумевает безусловное подчинение и признание авторитета патрона *вне* зависимости от занимаемой им должности и от политической конъюнктуры. Патрон, перемещаясь в политическом пространстве, тянет за собой группу «своих людей», *обойму* — группу сторонников, объединенных вокруг своего лидера. Именно это и является важнейшим ресурсом инсайдеров, делающих карьеру в политическом пространстве (замечу, что термин «обойма» стал широко использоваться в среде партийной номенклатуры еще в Сталинское время). Это определяет и неформальную организацию политического класса, его скрытую клановую структуру, где формальный должностной статус всегда дополняется статусом патрона, к обойме которого принадлежит инсайдер. Обойма может иметь организационное оформление (например, когда начальник использует сотрудников своего отдела как *обойму*), а может и не иметь такового. Она, по сути дела, является группой вассалов, служащих сеньору. Обойма перемещается вместе со своим патроном, меняя свою численность, должностные статусы, но неизменно сохраняя ему

персональную верность. В отличие от бюрократической субординации, неформальная клановая система не закреплена в должностных статусах входящих в нее индивидов.

Обоймы так же необходимы политическим лидерам, как и сторонники в среде аутсайдеров. Только электоральные пулы сторонников важны для той части политического класса, которая связана с выборами, а клановые пулы — для тех, кто работает в аппарате. Развитие такой системы инсайдерских взаимоотношений в принципе противоречит бюрократическому устройству формальных государственных институтов, но в той или иной мере всегда сосуществует с ним.

Вторым важным товаром на инсайдерском рынке является компетентность, которую надеется приобрести патрон взамен продаваемой им должности. Любой руководитель хочет полагаться на своих сотрудников в качестве исполняемых ими функций. Иначе возглавляемая им организация потеряет авторитет и, следовательно, ее политический капитал девальвируется. Качество подчиненных есть элемент политического капитала патрона. Но далеко не всегда бывает так, что компетентность и преданность сходятся в одном работнике. Гораздо чаще руководителям приходится делать выбор между компетентными и преданными сотрудниками. Поэтому организация никогда не состоит лишь из верных сторонников. В ней всегда есть место для функционеров, в лояльности которых патрон будет постоянно сомневаться. Два этих множества — обойма и формальная группа подчиненных — редко совпадают.

1.5. Структура политического класса

Итак, в политическом пространстве действуют акторы, которые владеют политическим капиталом и находятся внутри государственной корпорации, являясь ее инсайдерами. Эти акторы и составляют политический класс. В него входят люди, занимающиеся политикой профессионально. Политический класс является *правящим*, так как он занимается управлением и распоряжается ресурсами власти. В англоязычной литературе применяются три термина для

обозначения этого класса: *ruling class* (правлящий), *power class* (властвующий), *governing class* (управляющий). В русском языке термины «*правлящий*» и «*управляющий*» не тождественны друг другу и имеют различную смысловую нагрузку. Когда говорят о *правлящем* классе, подразумевается, что членам этого класса принадлежит власть. Называя этот класс *управляющим*, подчеркивают, что люди, занимающиеся управлением, не обязательно имеют власть, которая может принадлежать и кому-то другому. Соотношение между понятиями «*правлящий*» и «*управляющий*» класс подобно соотношению терминов «*собственник*» и «*менеджер*»: первые являются реальными властителями, которые могут, однако, оставаться и за кулисами процесса. Управляющие не являются собственниками и, осуществляя функции управления и контроля, действуют по доверенности собственников.

В экономических обществах политический класс может быть лишь «управляющим», который действует согласно указаниям настоящего правящего класса — собственников. Но в политических обществах, где собственники, независимые от государства, отсутствуют, политический класс и является правящим.

Политический класс неоднороден: внутри себя он имеет группы, различающиеся функциями, характером деятельности, объемом властных полномочий, способами рекрутации и проч. Его структура зависит от политической системы, действующей в настоящее время, и меняется каждый раз, когда она реформируется. Но в любом государстве политический класс институционализирован, так как связан с должностными статусами, составляющими *матрицу* государственной корпорации. Индивид, становясь членом политического класса, занимает государственную должность. Такое занятие должности и означает для него вступление в класс. Это накладывает определенный отпечаток на его деятельность. Социальный порядок в государстве понимается самим политическим классом как бесперебойное функционирование системы, где каждый инсайдер занимает свое место и выполняет надлежащую работу. Турен утверждал, что «господствующий класс всегда стремится противопоставить порядок, с которым он себя отождествляет, и отклонение от нормы, в каком он обвиняет всех

тех, кто ему противостоит...»⁷³. Такое отождествление предполагает, что действующий инсайдер сливается со своей должностью, она становится его *alter ego*, и порядок уже немислим без нее. Должность — это элементарная частица, ячейка функционирующей матрицы государства. Политический класс институционализирован в системе государственных должностей, которая представляет собой здание, населенное *официалами* (от латинского *officialis*). Я использую этот термин для обозначения индивидов, занимающих должности в государственных властных институтах любого типа и уровня. Я буду так называть любое должностное лицо в системе государственной власти, то есть любого члена политического класса, любого инсайдера.

Официалы состоят из двух основных групп, выделенных по типу их инкорпорации. Первая группа включает лиц, назначаемых на должность (их называют *бюрократией*). Вторую группу составляют те, кто приходит во власть с помощью выборов. Эта группа неоднородна и состоит из двух подгрупп: первую я буду называть *электократией*, так как она объединяет тех, кто, победив на выборах, становится во главе иерархической организации, то есть после выборов становится чиновником. Вторую подгруппу составляют те, кто наполняет легислатуры различных уровней, и поэтому я называю их *легислократией* (от латинского *legislatura* — выборный орган). Иначе говоря, политический класс состоит из бюрократии — назначаемых чиновников, электократии — избираемых чиновников, и легислократии — депутатов.

Бюрократия, электократия, легислократия

Понятие бюрократии исследовано значительно лучше других, связанных с политическим классом, главным образом благодаря работам М.Вебера⁷⁴. Разрабатывая теорию «идеальной» бюрократии, М.Вебер считал ее основными признаками следующие. 1. *Иерархический* характер, при котором задачи в организации распределяются как служебные обязанности. Бюрократия предстает в виде пирамиды, где положение, означающее высшую власть, соответствует вершине. Каждый более высокий слой руководит и кон-

тролирует слой, на ступень ниже его в иерархии. 2. *Установленные правила* определяют поведение должностных лиц на всех уровнях организации. 3. Должностные лица заняты *полный рабочий день и получают должностной оклад*. Причем от индивида ожидается, что он будет делать карьеру в организации. 4. Существует разделение между обязанностями должностного лица внутри организации и его жизнью вне ее. 5. Никто из членов организации *не владеет ресурсами*, которыми распоряжается⁷⁵. Вебер пишет, что чиновник, являясь носителем власти, «никогда не осуществляет ее от своего лица, а всегда от имени безликого «учреждения»⁷⁶.

Важнейшим понятием для анализа бюрократии является *компетенция*, которая представляет собой ограниченную область власти конкретного чиновника⁷⁷. Власть в иерархической организации диверсифицируется, так как верховный правитель не может осуществлять всю власть единолично. Власть делегируется нижестоящим чиновникам, каждый из которых несет ответственность за свою зону. Эта область применения властных функций и есть компетенция. Зоны компетенции разных чиновников должны быть согласованы друг с другом и иногда образуют сети, которые называют «инстанциями». Для решения определенной проблемы задействуются, как правило, несколько бюрократических этажей и подразделений, что и привело к образованию идиомы «пройти по инстанциям». Пересечение компетенции различных ведомств и чиновников рождает конфликты, поэтому для политического класса одним из важнейших условий эффективной деятельности является *разграничение полномочий*.

Есть и другой подход к бюрократии. Так, Д. Кэлхаун полагал, что основной функцией бюрократии является собирание дани со всех других социальных групп, перераспределение денег в форме сбора налогов и их дальнейшего использования. Он писал: «При всей своей малочисленности государственные служащие и правительственные чиновники образуют ту часть общества, которая является ключевым получателем собираемых налогов. Все собранные налоговые суммы, за вычетом потерь, достаются им в форме расходов или выплат»⁷⁸. Для политического

класса налоги являются благом, в то время как для всех остальных — бременем. В этом заключено одно из главных классовых противоречий. Налоги, таким образом, являются одним из важнейших властных ресурсов государства, которым распоряжается политический класс. Именно благодаря тому, что государство имеет этот финансовый ресурс, оно может осуществлять вмешательство в дела своих граждан и, собственно, осуществлять власть в подавляющем большинстве случаев.

Электократия представляет собой часть политического класса, инкорпорация которой происходит при помощи механизма выборов. Победив на выборах, политик занимает государственный пост и, следовательно, становится должностным лицом, отвечающим по крайней мере, четырьмя из пяти вышеперечисленных признаков М. Вебера: он встраивается в иерархическую государственную организацию, работает по установленным правилам, получает должностной оклад и не владеет ресурсами, которыми распоряжается. Таким образом, *электократа* также можно считать чиновником, но чиновником избранным.

Организации, возглавляемые электократами, состоят из бюрократов, и избранный политик, занявший должность в иерархии, сразу же воспринимается аппаратом как начальник, которому надо служить. То есть избраннык, заняв после победы на выборах свой пост, превращается в бюрократа для своих подчиненных, оставаясь электократом для прочих властных организаций. Его положение противоречиво: он возглавляет иерархию и подчиняется ее законам, но в то же время не подотчетен ей. Контроль за его деятельностью осуществляют другие организации и, отчасти, его избиратели. Если деятельность *электократа* неэффективна или выходит за рамки закона, его невозможно уволить, как это было бы с чиновником. Эскорпорация в данном случае связана с процессом импичмента, который обычно имеет столько осложняющих факторов, что реально маловыполним. Поэтому в крайних случаях государство прибегает к уголовному преследованию, истинной целью которого является не столько наказание за проступок, сколько лишение статуса. Электократы, возглавляющие иерархии, практически несменяемы, и к тому же часто

пользуются юридической неприкосновенностью, что делает их почти неуязвимыми в течение срока полномочий.

Другой тип избранных официалов, которых я называю *легислократами*, представляют те, кто инкорпорирован в систему власти не для того, чтобы занять пост в иерархической организации, а для того, чтобы войти в *легислатуры* (см. рисунок 1).

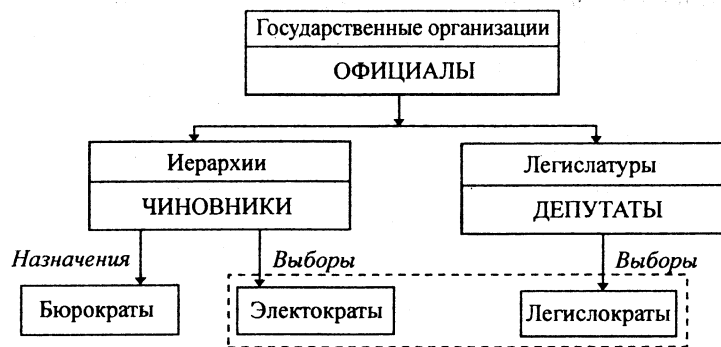

Рисунок 1. Структура политического класса

Легислатуры являются организациями, не имеющими сквозной иерархии: теоретически все депутаты равны и базовый политический капитал каждого из них составляет один голос. На практике же парламенты, как и любая большая организация, имеют тенденцию к бюрократизации своей деятельности. Изначально равные депутаты объединяются во фракции, комитеты и комиссии, которые, в свою очередь, дробятся на руководителей, их заместителей и подчиненных. Фракционная дисциплина требует консолидированных действий, что подразумевает ограничение свободы выбора для членов групп. Процесс бюрократизации легислатур во многом схож с процессом бюрократизации политических партий, описанным Р.Михельсом.

Между этими частями политического класса — бюрократией, электократией и легислократией — есть существенные различия. Первое различие касается *продолжительности* пребывания в должности. Бюрократы — это «оседлое» население государства, а электократы и легислократы —

пришельцы, населяющие государственные институты временно. Политики избираются на срок 4—5 лет, а чиновники могут занимать свои посты сколь угодно долго. В некоторых странах существует пожизненный наем на государственную службу. В Советском Союзе времен застоя многие министры занимали свои посты 20—30 лет. После каждого избирательного цикла возникает конфликт между старым бюрократическим аппаратом и вновь избранными электократами. Бюрократы воспринимают государство как свой дом, куда внедряются «варяги» — новые люди, которые поступают в организацию после выборов. Бюрократы болезненно воспринимают необходимость удовлетворять потребности избранных новичков — предоставлять им помещения, оборудование, а главное — информацию и паутину связей, которая является важнейшим властным ресурсом в инсайдерской среде.

Второе различие связано с *легитимацией* статуса. Легитимация есть признание законности права на полномочия, то есть узаконение власти. Признание полномочий назначенного чиновника осуществляет его начальник, в то время как полномочия электократа подтверждается тысячами голосов его избирателей. Легитимность избранных является легитимностью высшего порядка по сравнению с легитимностью бюрократов. Это дает основание первым смотреть на вторых как на подсобных рабочих государства, ощущая свое превосходство. Считая себя «народными избранными», они уверены, что аппарат должен их обслуживать и не вмешиваться в высокую политику. Электократ подотчетен своим избирателям, а бюрократ — патрону. Поэтому организация больше опирается на бюрократов, судьба которых в ее руках: одного могут повесить, а другого — снять с работы. С электократом этого сделать нельзя, для прекращения его полномочий нужны веские основания, которые необходимо предъявить обществу.

Третье различие заключается в том, что деятельность бюрократа закрыта от общественного контроля и обезличена, в то время как электократы являются публичными политиками. Бюрократы прилагают усилия, чтобы деперсонифицировать политический процесс, в то время как электократы, напротив, всячески стараются его авторизо-

вать. Бюрократы служат организации, а электократы могут не служить никому. Поэтому для бюрократа самое важное в развитии карьеры — быть нужным своему патрону, в то время как для электократа — создать свой привлекательный имидж. Электократы воспринимают бюрократов как безликих интриганов и мастеров политического закулисья. А бюрократы обвиняют электократов в нескромности, желании работать на себя и постоянной саморекламе. П.Бурдье верно заметил, что существует «неслучайная структурная общность между аппаратом и определенной категорией людей... Аппарат обычно возносит на пьедестал людей надежных»⁷⁹, иначе говоря — коллективистов. Человек яркой индивидуальности, склонный к самовыражению, не может существовать в аппаратной атмосфере без риска задохнуться или потерять свое «я». Напротив, победа на выборах достается ярким личностям, отличным ораторам, обладающим силой убеждения и внешним обаянием. Публичный политик должен обладать качествами, прямо противоположными тем, что востребованы на бюрократическом поприще: политик должен быть ярким, чиновник — неброским; политик должен уметь зажигательно говорить, чиновник — тонко манипулировать; политик работает на собственный имидж, чиновник — на авторитет своего учреждения; политик харизматичен, чиновнику харизматические качества не только не свойственны, но и противопоказаны; политик — индивидуалист, в то время как чиновник обязан быть коллективистом. Поэтому противоречия между бюрократами и легислократами носят еще и психологический характер, что, впрочем, не мешает им сосуществовать в едином политическом пространстве.

Иерархическая структура политического класса

Политический класс имеет еще и вертикальное членение. Раз существует государственная пирамида, то существуют и ее уровни. Н.Луман писал, что «общество оказывается перед необходимостью развивать *субституты для точного сравнения властных уровней* и что эти субституты сами становятся фактором власти»⁸⁰. Из всех иерархий, как отмечал Ж.Баландь, «иерархия власти является домини-

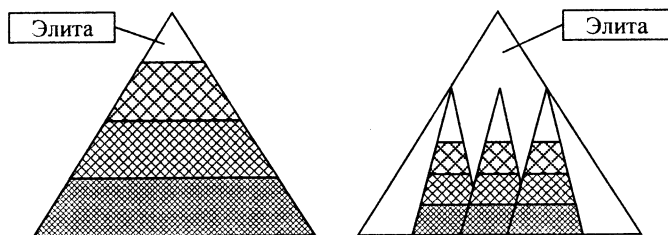
рующей в большинстве обществ, а другие иерархии (социально-профессиональные, сословные, этнические, элементарные) соподчинены ей»⁸¹. Поскольку политический класс в нашем понимании — это класс государственных служащих, то властный континуум задается иерархией должностей. Эта институциональная оболочка, конечно, не исчерпывает полностью содержание статуса, так как она только подразумевает иные — не формальные — критерии, по которым выстраивается властная пирамида. В реальности же не только должность, но и размер контролируемого политического капитала определяет, к какой политической страте принадлежит тот или иной официал.

Слои образуют вертикальную стратификацию политического класса, которая большинством элитологов ассоциируется с *пирамидой*. Что властная корпорация имеет вид пирамиды, писал еще Х.Лассуэлл со своими коллегами⁸². Однако сравнение устройства политического класса с пирамидой оправданно лишь в бюрократических государствах, где иерархия пронизывает все сферы политической организации. Такой тип государства можно назвать моноцентрическим. Типичным примером этого является советское государство, в котором политический класс был институционализирован в форме *номенклатуры*.

Номенклатура представляла собой перечень должностей, назначение на которые утверждалось верховной властью. Номенклатура охватывала все сколько-нибудь значимые должности страны, руководителей всех уровней и сегментов общества. Политический класс был гипертрофирован, так как тоталитарное государство вобрало в себя почти весь социум. Политизированным оказалось руководство не только собственно органами управления, но и хозяйственными объектами, организациями науки, искусства и культуры, общественными организациями. Все они управлялись из единого центра — Политбюро. В этом смысле весь политический класс представлял собой монолитное образование, расчлененное на четыре основные группы: (1) само Политбюро ЦК КПСС, (2) номенклатура Политбюро ЦК КПСС, (3) номенклатура секретариата ЦК КПСС, (4) учетно-контрольная номенклатура. Иерархия не имела исклю-

чений, охватывала все сферы, все отрасли и территории страны. В зависимости от степени концентрации власти верхний угол пирамиды правящего класса будет более или менее острым. Чем ниже к основанию пирамиды, тем менее различимее становятся границы слоев⁸³. Л. Шевцова называет это «пирамидальным конституционным каркасом», который может скрывать любую начинку⁸⁴.

Сложнее обстоит дело с вертикальной структурой политического класса в полицентрических государствах, к каковым следует отнести западные демократии. Концепцию множественности центров власти выдвинул Р. Дал, который называл этот тип государственного устройства *полиархией*. Дал считал, что только там, где царит диктатура, власть сконцентрирована в одном центре⁸⁵. Принцип разделения властей разрушает тотальную государственную вертикаль, возникает прерывание иерархической субординации. В обществе возникают сектора, не имеющие единого центра управления. Институт частной собственности также способствует диффузии власти, так как разрушает монолитную собственность элиты на стратегические ресурсы общества. В полиархичном обществе образуется несколько властных пирамид. Однако и здесь на уровне вершины политической системы происходит конвергенция топ-групп. Образуется небольшая группа официалов, оказывающая преобладающее влияние в большинстве секторов социальной жизни (см. Рисунок 2).

А. Геометрия моноцентрического политического класса

Б. Геометрия полицентрического политического класса

Рисунок 2. Иерархическая структура политического класса

Но и в том, и в другом случае образ пирамиды применительно к иерархиям разного рода должен восприниматься как условность. Р. Патнэм предупреждал, что образ пирамиды может ввести в заблуждение, так как неверно думать, «что система политической стратификации строго иерархична, подобно армейской. И члены высшей страты не могут решать вопросы членов низшей страты»⁸⁶. Реальность, безусловно, богаче и сложнее условных образов. Но главный вывод, который надо сделать, анализируя стратификацию политического класса, заключается в том, что его верхний слой (будь то моноцентрическая модель государства или полицентрическая) и есть *правящая элита*.

1.6. Элита — высшая страта политического класса

Я вслед за Х. Лассуэллом считаю, что «политическая элита — это верхушка правящего класса»⁸⁷. Моя дефиниция такова: *элита — это правящая группа общества, являющаяся верхней стратой политического класса. Элита стоит на вершине государственной пирамиды, контролируя основные, стратегические ресурсы власти, принимая решения общегосударственного уровня. Элита не только правит обществом, но и управляет политическим классом, а также создает такие формы организации государства, при которых ее позиции являются эксклюзивными. Политический класс формирует элиту и в то же время является источником ее пополнения.*

В нашем понимании термин «элита» свободен от ценностных суждений: указанная группа не обладает никакими выдающимися качествами «лучших людей», и к ней не применим тот же подход, который используется при селекции животных, растений или предметов роскоши. Причисляя индивидов к элите, мы вовсе не подразумеваем их особых достоинств, как, впрочем, и отсутствия этих достоинств. Будучи ценностно нейтральной, *элита* является понятием, вычленяющим *функциональную группу*, к которой относятся как люди выдающихся способностей, так и

вовсе бездарные, как образцы нравственности, так и жулики. Критериями, по которым одни люди относятся к элите, а другие нет, лежат в иной плоскости. Элита — это высшая страта политического класса, это группа, обладающая максимумом власти. Элита не только формирует и изменяет политическую систему общества, она распоряжается государственной машиной, и в этом смысле является собственником государства.

Об элите говорят в единственном (*элита*) и во множественном числе (*элиты*). Второй подход называют плюралистическим. Плюралисты полагают, что в демократических обществах существует как минимум две элиты — правящая и не правящая, и между ними происходит постоянная конкурентная борьба, исход которой решается путем выборов. Такого мнения придерживался В.Парето, считая, что в «главном классе есть два подкласса»: правящая элита и не правящая⁸⁸. Не правящую элиту также называют *контрэлитой*. П.Бахрах считал, что важнейшим признаком демократии являются выборы, на которых электорат выбирает между конкурирующими элитами⁸⁹.

Моя непоэзия несколько иная. Я считаю, что *элита* — единая правящая группа общества. При таком понимании говорить о «не правящей элите» бессмысленно, так как, на наш взгляд, если элита не правит, значит, это не элита. Конечно, в правящей группе могут возникать противоборствующие группировки, кланы, клики и прочие формальные или неформальные образования. Однако это не может изменить сути концепта *элиты*, дающего нам возможность понять, как осуществляется управление обществом и политика в целом. Борьба же за власть на выборах происходит не между двумя элитами, а между элитой и активными группами политического класса, стремящимися войти в элиту, или между частями элиты за сохранение своих позиций или их перераспределение.

Употребление термина *элита* во множественном числе происходит также оттого, что *элитами* называют отдельные части, подгруппы элиты, выделенные по иерархическому или отраслевому признаку. Так появились *региональная, военная, политическая, экономическая, культурная* и проч. элиты. Причем эти понятия употребляются в двух

смыслах: во-первых, для обозначения реальных субэлитных групп, а также для обозначения групп, не имеющих к элите в нашем понимании никакого отношения. Так, под культурной элитой в первом смысле понимают тех деятелей культуры, которые вошли во властные структуры и контролируют политику государства в области культуры (так, в СССР отобранные писатели и артисты входили в ЦК КПСС). Во втором случае под культурной элитой понимают верхушку профессиональной группы, выдающихся представителей культуры — певцов, композиторов, художников, артистов. Этот второй подход представляется нам неоправданным, так как в его рамках происходит аннигиляция самого концепта. Элита из специфической социальной группы превращается в этом случае в символический ярлык для обозначения лучших по профессии: лучшие слесари образуют «слесарную элиту», лучшие библиотекари — «библиотечную элиту» и т.п. Вспомним Паретовскую «элиту воров». Смысл рассыпается, распадается на множество корпускул, каждая из которых существует сама по себе. Поэтому я никак не связываю элиту с оценочными категориями «лучший», «выдающийся» и т.п. Как и любая другая социальная группа, она имеет в своем составе людей разных способностей. Эта группа отличается от других вовсе не достоинствами, а *функциями*, которые и наделяют ее особым статусом, властными ресурсами, способностью навязывать свою волю другим. Для нас словосочетание «властвующая элита» является тавтологией, так как элита, по определению, есть правящая группа общества. В рамках моего подхода не имеет ровно никакого значения, каких высот добился тот или иной индивид в своей профессии; для меня важно лишь одно — вошел ли он в структуры власти, стал ли причастен к принятию общегосударственных решений.

Строго говоря, неверно говорить об «элитах» как о группах, между которыми происходит борьба за власть. Эти противоборствующие группы, безусловно, существуют, но являются не «элитами», а различными частями единой правящей элиты — то есть субэлитами. Однако для стилистического упрощения и благозвучия я иногда буду опускать приставку «суб», подразумевая всякий раз, что тер-

мин «элита», употребленный с прилагательными или во множественном числе, означает внутриэлитную, а не самостоятельную группу. Так, я буду говорить не «бизнес-субэлита», а «бизнес-элита», не «топ-субэлита», а «топ-элита».

Формальная структура элиты.

«Элита с прилагательными»

Обычно говорят об *элите* как о меньшинстве населения в отличие от большинства, называемого *массой*. Однако не надо воспринимать элиту как малую группу, подобно тем, что становятся объектом изучения социальных психологов. Элита — полноценная социальная группа, которая имеет сложную внутреннюю структуру. В ней можно выделять подгруппы по различным критериям, как формальным, так и неформальным. Формальные субэлитные группы могут быть *отраслевыми* (политическая, экономическая, военная субэлиты), *функциональными* (идеологи, силовики, администраторы и пр.), *иерархическими* (субэлитные слои), *рекрутационными* (назначенцы, избранники).

Отраслевых субэлитных групп можно выделять столько, сколько требуется детальностью анализа. Так, изучая министров, можно говорить о правительственной субэлите, изучая военных, находящихся на высоких государственных постах, — о военной субэлите и проч. Группы, вычлененные по разным основаниям, могут пересекаться, накладываясь одна на другую. Так, военный, член правящей элиты, одновременно может относиться как к военной элите, так и к правительственной (если он министр), или к региональной (если он губернатор), или к одной из функциональных групп (поскольку он *силовик*). Словосочетание «политическая элита» является тавтологией, так как, согласно вышеизложенному подходу, элита не может не быть политической. Однако я буду иногда пользоваться им для обозначения субэлитной группы, в функции которой входит непосредственное управление политическим процессом, для того чтобы отличить ее от экономической субэлиты, которая ведает государственной экономической политикой. Ф.Фехер называет эту группу «*собственно политической элитой*»⁹⁰.

Элита, в свою очередь, может быть разделена на группы, соответствующие ветвям власти, — законодательная, исполнительная и судебная, а также по ее местоположению — федеральная (или центральная) и региональная (или локальная). Экономическая субэлита может быть разделена в соответствии с отраслями экономики, которые она курирует: промышленная, аграрная, банковская и проч.

Функционально элита также подразделяется на множество подгрупп. Здесь можно обнаружить *администраторов*, которые координируют деятельность разных государственных органов и совершают документооборот; *идеологов*, включая разработчиков стратегических программ, пропагандистов и агитаторов; *налоговиков*, собирающих налоги; *разрешителей*, в функции которых входит выдача разрешений и лицензий разного рода; *силовики*, кто имеет в своих руках инструменты силового воздействия на непокорных; *законодателей*, принимающих законы, постановления и указы; *международников*, которые осуществляют представительство интересов национального государства на межгосударственном уровне, и т.п. В разные периоды важнейшую роль в обществе играют разные субэлитные группы. Х.Лассуэлл считал, что при становлении режима главенствующую роль играют идеологи, которые должны убедить население следовать за вождями. Вслед за этим наступает период, когда «власть передается от специалистов по убеждению к специалистам по принуждению»⁹¹. В первый период возрастает роль спикеров, писателей, журналистов, групп давления, парламентских дебатов, философии, общественных наук. Во второй период на авансцену выходят «специалисты по принуждению»: возрастает роль вооруженных сил, полиции, спецслужб, их связи с партиями.

Вето-группы

Термин «*вето-группы*» был введен американским политологом Д.Рисменом в его книге «Одинокая толпа»⁹², посвященной анализу современной ему американской элиты. Рисмен полагал, что никакой единой унифицированной элиты нет, а есть «группы интересов», одни из которых могут принимать политические решения, а дру-

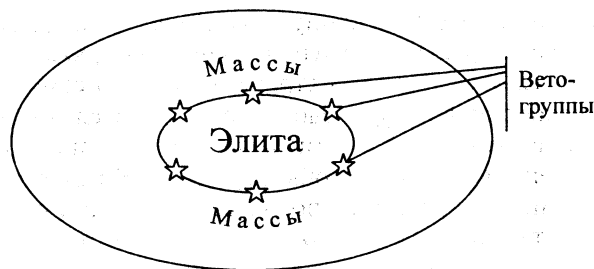

Рисунок 3. Вето-группы в политическом пространстве

гие — только влиять. Первый тип «групп интересов» он называл «вето-группами»⁹³.

В моем подходе *вето-группы* понимаются иначе — как внутриэлитные образования, в функции которых входит принятие решений по поводу разрешения или запрета какого-либо действия. Понятно, что не вся элита в одинаковой мере задействована в вето-процессе, а только та ее часть, которая имеет право подписи на разрешительных или запретительных документах. Эта функциональная группа элиты постоянно, в силу своих обязанностей, контактирует с акторами внешнего для элиты мира, которые обращаются к элите за разрешениями. Чиновники, входящие в вето-группы, в наибольшей степени подвержены *коррупции*, так как занимают «доходные места», где аутсайдеры (а иногда и инсайдеры), заинтересованные в положительном решении их вопроса, настойчиво предлагают вознаграждение за разрешительную подпись.

Топ-элита

Особой общностью внутри правящей элиты является небольшая сплоченная группа *официалов*, стоящих на самом верху властной пирамиды. Эту группу Т.Заславская называет «верхним (субэлитным) слоем»⁹⁴, а М.Бёрд использует термин «верхушечная элита» (*apex elite*)⁹⁵. Л.Шевцова говорит о «суперэлите»⁹⁶. М.Дюверже, анализируя элитарную верхушку партийных структур, называет «внутренним кругом» ту часть элиты, которая отличается олигархичностью и замкнутостью⁹⁷.

Я буду называть эту группу *топ-элитой*, или высшим руководством страны. Эта группа насчитывает, как правило, 20—30 человек в каждой стране и является самой закрытой, сплоченной и труднодоступной для исследований. Находясь на вершине пирамиды, она ограничивает свои связи с внешним миром, чтобы оградить себя от лавинообразных информационных потоков, а также в интересах безопасности. Чем острее угол политической пирамиды, чем больше концентрация власти, тем более закрытой является *топ-элита*.

К ней вполне применимо понятие *карцерной группы* — то есть группы, постоянно живущей в изоляции. Хотя в отличие от всех других карцерных групп изоляция *топ-элиты* является добровольной. Термин «карцерная группа» впервые был применен И.Гоффманом, который изучал индивидов, долгое время пребывающих в отрыве от внешнего мира⁹⁸. Тюремь, клиники для душевнобольных и иные карцерные системы коренным образом отличаются от других организаций своим полностью закрытым характером. Закрытый образ жизни вносит свои особенности в менталитет карцерной группы: из-за постоянного взаимного контроля у ее членов возникает культ *privacy* (личной жизни, скрытой от посторонних глаз) и психологическая дистанция между ее членами увеличивается. Из-за ограничения информации, поступающей из внешнего мира, их мировосприятие претерпевает изменения и перестает быть адекватным. В *элитных карцерных группах* царит атмосфера напряжения, связанная с необходимостью постоянно помнить о мерах безопасности, о потенциальной угрозе их жизни и статусу. Часто это вызывает повышенную тревожность и мнительность, которая тем выше, чем более закрытой является группа. Конечно, *топ-элита* не так отрезана от внешнего мира, как заключенный в одиночную камеру. Но все же доступ к ее членам жестко ограничен установленным числом обслуживающих ее людей. Общение «на равных» также ограничено соратниками и членами топ-элит других государств. Атмосфера на вершинах, где обитают высшие руководители государств, разряжена, и чем дольше на этой вершине пребывает политик, тем большее воздействие на его личность оказывает власть. Степень ин-

карцерации является величиной, прямо пропорциональной как времени пребывания в «элитной резервации», так и высоте элитного статуса. Подобно тому, как молодые люди, входящие в жизнь, проходят этап социализации, жители политического олимпа десоциализуются, утрачивая множественные и стихийные социальные связи с миром «простых людей».

Об инкарцерации советской номенклатуры в свое время метко писал М. Восленский⁹⁹:

«...Начиная с определенного уровня номенклатурные чины живут как бы вовсе не в СССР, а в некоей спецстране. Рядовые советские граждане отгорожены от этой спецстраны так же тщательно, как и от любой другой заграницы... Номенклатурное семейство в СССР может пройти весь жизненный путь — от родильного дома до могилы: работать, развлекаться, учиться и лечиться, не соприкасаясь с советским народом, на службе которого якобы находится номенклатура».

Изоляция высшего руководства усиливается в тоталитарно-бюрократических обществах, подобных советскому, где верховный правитель вынужден ограждать себя не только от рядовых членов политического класса, но и от своих товарищей по Политбюро. Отсутствие легитимного механизма перехода власти в обществах такого типа приводит к тому, что для верховного правителя опасными соперниками становятся все члены *топ-элиты* как возможные узурпаторы власти, которую генсек желал бы (но не может) длить вечно. Особо опасными для правителя являются такие члены его команды, которые моложе его и пользуются популярностью среди элиты. Если к тому же потенциальный соперник еще и контролирует силовые ведомства, он становится внутренним врагом № 1 правителя. Поскольку подозрения в возможном преемничестве возникают у главы тоталитарного государства попеременно то в отношении одного коллеги, то в отношении другого, создается атмосфера общей подозрительности. Формируется негласная «презумпция виновности» всякого члена высшей иерархии, являющегося потенциальным соперником лидера. Это еще более увеличивает дистанцию между членами топ-элиты, усугубляя царящее на вершине напряжение¹⁰⁰.

Неформальная структура элиты

Кроме групп, выделенных внутри элиты по формальным критериям, связанным с должностью, можно провести классификацию по неформальным критериям, которые связаны с внутригрупповыми отношениями и ролями. *Кланы, клики, стратегические группы и группы давления, внутренние партии, обоймы* образуют неформальную структуру элиты. В идеальном бюрократическом государстве такого рода связи не должны существовать, так как они мешают эффективной и безличной работе функционеров-бюрократов. Вебер рассматривал патримониальное государство как противоположное бюрократическому¹⁰¹. Если первое строит свои внутренние связи на основе рациональности функционирования, то второе зиждется на клиентистских отношениях, отношениях личной преданности, которые становятся доминирующими. Между двумя полюсами идеальных типов государств находятся реальные государства, в которых в той или иной степени присутствуют отношения патрон — клиент.

Вся система неформальных политических связей образует *клиентелу*. М.Афанасьев определял клиентелу как форму «социальной — персональной или коллективной — зависимости, происходящей из неравномерного распределения ресурсов власти»¹⁰². Дж. Виллертон писал, что даже самое развитое бюрократическое государство не может избежать патронажа при рекрутации и мобильности элитных кадров¹⁰³.

Клиентелизм изнутри разрушает бюрократический механизм управления, так как вводит дополнительный фактор мотивации для членов элиты. Политические связи и «доверительные расписки» образуют иную совокупность связей между членами группы, формируя группы интересов и группы давления, происхождение которых никак не может быть объяснено функциональными обязанностями *официалов*. Клиентелистская модель политической группы объясняет поведение инсайдеров политической системы и наполняет само содержание власти дополнительным объемом. Поскольку клиент и патрон *a priori* находятся на раз-

ных уровнях иерархии, тесная связь между одним патроном и множеством его клиентов усиливает асимметрию неравенства, создает мини-пирамиды, не вписанные в геометрию формальной организации. Такие мини-пирамиды в лексиконе советской элиты получили название *обойм*.

Обоймы

Границы *обоймы* проходят вне силовых линий бюрократической субординации, и их образование приводит в действие механизм саморазрушения организации, построенной на рациональных правилах. Сосуществуя, обоймы и формальные иерархические группы постоянно борются между собой, так как сами принципы их функционирования и целеполагания несовместимы. Клиентелистские связи, не являясь легальными, а тем более легитимными, иногда становятся важным механизмом существования целого политического режима. Так было с советской властью, в которой патронаж, связи и протекции играли не меньшую роль, чем действующие законы и постановления¹⁰⁴.

В интервью, которое дал мне бывший кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС 1988—1990 гг. Г.П.Разумовский, он сказал, что статус официала в системе номенклатуры определяла формула «*должность плюс личность*»¹⁰⁵. Сильная личность с могущественными и обширными связями приобретала подчас статус, значительно превышающий тот, который подразумевала его должность. И наоборот, слабая личность как бы принижала должность, делая ее в глазах других инсайдеров менее значимой. Этот личностный аспект, постоянная персонификация политического процесса даже в иерархических корпорациях создавали эффект «двойного дна»: внешне бюрократическая организация была наполнена латентными образованиями, создающими «возмущения» в процессе рационального принятия решений. Это и было одной из причин существования в СССР не только «второй экономики», но и «второй политики» (термин Дж.Виллертон¹⁰⁶). Из-за широко распространенной практики патронажа, советская политическая система может быть признана одновременно и бюрократической, и патримониальной, что и делает ее столь сложной для научно-го исследования.

Кланы

Кланы складываются вокруг влиятельного лидера и способствуют тому, что руководящие посты монополизируются этой неформальной группой элиты. К кланам вполне применимо Гидденсовское понятие «*групп взаимопомощи*», которые отличаются неиерархической структурой, отсутствием фиксированных должностей, непостоянным членством, наличием некоторых моральных принципов и общих интересов, связывающих группу¹⁰⁷. Они совместно участвуют в разработке проектов, накапливают информацию и полезные контакты. Такие клановые группы взаимопомощи создаются вопреки бюрократической разобщенности различных институтов власти и являются, по сути дела, межинституциональными неформальными общностями, существующими параллельно с формальными иерархизированными группами.

В российской политической практике 90-х годов XX века клиентелизм получил мощное развитие в связи с тем, что иерархические оболочки были ослаблены постоянными преобразованиями. Клиентелизм вышел наружу и обнаружил себя в такой яркой и недвусмысленной форме, что его приоритет над рациональной бюрократией стал очевиден. Новая российская элита стала стремительно возвращаться к патримониальным устоям политий прошлого. Но в отличие от номенклатурных обойм с их геометрией мини-пирамид, встроенных в большие пирамиды политических иерархий, российский клиентелизм приобрел иные формы. Возникшие множественные центры власти раскололи элиту на кланы, которые были устроены по типу слоеного пирога: верхний слой такого «пирога» представлен публичным политиком, являющимся символом клана. Второй слой — группа его политической поддержки. Третий — группа экономической поддержки, представленная финансово-промышленным капиталом. Далее — обслуживающие интересы данной группы средства массовой информации. И, наконец, частные армии и спецслужбы — приватизированные (юридически или фактически) части государственных силовых структур (см. рисунок 4).

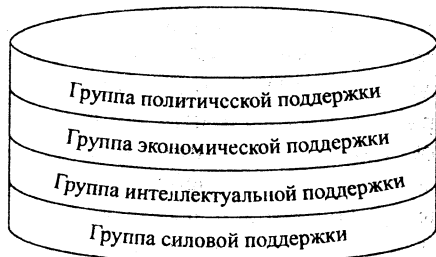

Рисунок 4. Структура политического клана

В отличие от обоем кланы функционируют вне рамок какой-либо одной властной корпорации, пронизывая многие структуры. Клан формируется вокруг одного или нескольких политических деятелей, вербует сторонников, разрастается, стремясь к покрытию всего политического поля. Чем больше членов клана работает в разных иерархиях, тем больше его капитализация.

В России начала 90-х годов одним из самых могущественных был клан А.Чубайса, политика, занимающего в разные годы высшие государственные должности от вице-премьера правительства до руководителя президентской администрации. Начало «команды Чубайса» положила так называемая санкт-петербургская группа, состоявшая из самого А.Чубайса и его земляков С.Беляева и Д.Васильева. Эта группа начала формироваться в Госкомимущество (ГКИ) — ключевом ведомстве начала 90-х гг., ведающем приватизацией. После отставки Чубайса с поста руководителя ГКИ началось преобразование петербургской группы в элитный клан, который вбирал в себя новых коллег Чубайса по работе в избирательном штабе Б.Ельцина на выборах 1996 г., в правительстве, где Чубайс занял пост первого вице-премьера, и администрации президента, которую он возглавлял с 1996 по 1997 г. По мере своего карьерного перемещения Чубайс использовал малейшую возможность для того, чтобы перевести в подведомственную ему структуру как можно больше своих людей. Круг «своих» людей расширился. Нынешний президент В.Путин в тот период также был членом «клана Чубайса», занимая различные посты в администрации президента. Чубайс обяза-

вался дружескими контактами и среди финансовой олигархии, которая именно ему обязана назначениями на государственные посты В.Потанина и Б.Березовского. Чубайс имел поддержку высших политических кругов США, которые способствовали развитию карьеры членов его команды. Так за несколько лет небольшая группа молодых и образованных реформаторов во главе со своим лидером А.Чубайсом превратилась в наиболее могущественный элитный клан страны.

Стратегические группы

Впервые термин «стратегическая элита» был введен Сюзанн Келлер, которая предложила так называть профессиональных политиков, «чьи суждения, решения и действия имеют важные и определяющие последствия для многих членов общества»¹⁰⁸. Роберт Патнэм причислял к стратегической элите высших гражданских чиновников; директоров важнейших промышленных предприятий; лидеров массовых организаций; высших военных чинов; ведущих профессионалов¹⁰⁹. Мой подход несколько иной: под *стратегической элитой* я понимаю одну из неформальных субэлитных групп, которая берет на себя функции стратегического планирования и проектирования. Эта группа является мозговым центром, источником новых идей, принципиальных сценариев развития. Ее, как правило, составляют инсайдеры, занимающие высокие государственные позиции, хотя главным условием вхождения в эту группу является не столько статус, сколько интеллектуальный потенциал и способность генерировать новые подходы. Таких стратегических групп внутри элиты может быть несколько, и каждая специализирована на определенном круге вопросов.

В России 90-х годов стратегическая группа находилась в зоне экономической политики: ее составляли высокопоставленные чиновники — экономисты по образованию, такие как Е.Гайдар, А.Чубайс, Е.Ясин, А.Кох и др. При В.В.Путине стратегический центр перемещается из сферы экономики в сферу безопасности, что непосредственно связано с предыдущим опытом работы президента. Приоритетными сферами политики становятся военная реформа,

международное положение России, участие в антитеррористической коалиции и вопросы безопасности. Стратегический центр теперь составляют министры-силовики и бывшие офицеры спецслужб, находящиеся в ближайшем окружении президента Путина (см. об этом в главе 4).

Характеристики элиты

Джеймс Мэйзел в своей книге «Миф правящего класса», исследуя характеристики элиты, вывел знаменитую формулу «трех С»: «*Conscience — Cohesion — Conspiracy*» (Сознание — Сплоченность — Сговор)¹¹⁰. Эта формула содержит в себе утверждение, что элита суть социальная группа, насквозь пронизанная неформальными патрон-клиентскими отношениями, которой имманентно присущи такие черты, как групповое сознание, замкнутость, сплоченность и автономия от других страт общества. По Мэйзелу, элита — внутренне однородная, сплоченная группа, обладающая самосознанием, которая вовсе не является объединением изолированных индивидов. Принадлежность к элите больше похожа на членство в эксклюзивном клубе, чем на формальную идентификацию себя с абстрактным классом. Каждый в элите знает каждого, его бэкграунд, степень лояльности и интересы. Элита объединена сговором и тайной «круговой порукой». Элита — самосохраняющийся (а иногда и самовоспроизводящийся), эксклюзивный, замкнутый сегмент общества. Власть в ней репрезентируется богатством и престижем.

Сплоченность

Сплоченность, на мой взгляд, является ключевой характеристикой элиты, которая вытекает из логики ее существования. Элита, будучи группой, конституирующей социальное неравенство и пользующейся его плодами, заинтересована в неравном распределении ресурсов. Власть, являющаяся функцией элиты, не сможет быть осуществлена, если у одних будет столько же ресурсов, сколько у других. Контроль над большинством ресурсов является необходимым условием существования как самой власти, так

и группы власть имущих. Поэтому сущностной чертой элиты, выражением ее внутренней природы становится *охрана неравенства*, что и делает ее группой, отгороженной от масс, с вождением взирающих на привилегии элиты.

Индивид, инкорпорируясь в элиту, мгновенно наделяется политическим капиталом, который он наращивает на протяжении своей карьеры. Получив контроль над ресурсами при инкорпорации, он становится по другую сторону неравенства, приобретает привилегированное положение, с которым уже не хочет расстаться. Он узнает «тайну» элиты, заключающуюся в том, что она, провозглашая лозунги о социальной справедливости и равенстве, по сути, является группой, которая может существовать исключительно в условиях неравенства. Элита оказывается в опасном окружении людей, которые стремятся к равенству распределения общественных ресурсов. Эти люди являются классовыми врагами элиты, и от них требуется защита. И такая защита возводится в виде законов или иных правил игры, выражающих интересы элиты, в виде системы санкций для нарушителей принятых установлений. Оборона своих позиций и является тем обстоятельством, которое вызывает к жизни внутригрупповую сплоченность.

Подобно тому, как консолидируются угнетаемые группы, элита испытывает ту же потребность к сплочению для противодействия давлению масс. Однако такое единение против угроз внешнего мира не делает элиту абсолютно монолитной группой. Ее внутригрупповые интересы подчас приобретают такую остроту, что становятся предметом общественного внимания. Поэтому, когда мы говорим о сплоченности как об одной из ключевых характеристик элиты, мы имеем в виду лишь то, что значение этого показателя здесь гораздо выше, нежели у других групп общества.

Групповое самосознание

Консолидация на основе защиты своего привилегированного положения способствует возникновению *группового самосознания*. По сравнению с ментальностью других социальных групп элитное сознание отличается большей мерой идентификации. Понятие «номенклатура» было ключевым словом для идентификации членов политического

класса в СССР и означало наличие некоей ментальной, а не только институциональной общности. Эта ментальная общность формировалась на разных уровнях осмысления групповых интересов и далеко не всегда означала простую идентификацию себя с классом, группой, стратой или статусом. Сознание элиты подразумевало некий *эзотерический дискурс* — скрытые от сторонних наблюдателей коммуникативные коды, играющие роль паролей для распознавания «своих». Но не только язык кодировал смыслы, вся совокупность коммуникаций в элитной сфере была зашифрована. Правила игры, нигде не прописанные и не зафиксированные, представлялись ребусом непосвященным, но были ясны и прозрачны для инсайдеров.

Эзотерические нормы регулировали все без исключения сферы деятельности элиты и обнаруживали себя лишь тогда, когда кто-либо осмеливался нарушать их. Карцерный характер элиты как социальной группы приводил к тому, что новичок, оказавшийся внутри системы, чувствовал себя в Кафковском «Замке» и должен был сам расшифровать скрытые смыслы, сам понять неписанные правила. Он оставался в группе, если ему это сделать удавалось, или выбывал из нее, если его интуиции было недостаточно, чтобы читать между строк.

Назначение на должность или избрание были лишь первой ступенью капитализации инсайдера. Его дальнейший путь полностью зависел от элитной социализации (*инкарцерации*), которая была второй в его жизни важнейшей попыткой адаптации к новой среде. Но если первая — юношеская — социализация открывала индивиду новый мир бесконечного выбора, то вторая этот мир закрывала, хотя взамен предлагала новый — маленький, но бесконечно привлекательный мир элиты. Этот новый мир означал высокий престиж, причастность к общегосударственным решениям, высокую степень защищенности, многочисленные привилегии, групповую поруку, взаимопомощь, обмен ресурсами и проч. Только войдя в инсайдерский политический рынок, индивид открывал для себя возможности, о которых он раньше и не подозревал. Постепенно ему становились доступны все ресурсы власти — даже те, которыми он непосредственно не распоряжался.

Связи

Фактор сплоченности усиливается небольшим размером группы, что неизбежно приводит к возникновению множественных неформальных связей, личных отношений между членами группы, где каждый знает каждого. Неформальные связи возникают из-за включения в активные процессы обмена ресурсами и принимают вид накопления «доверительных расписок». Поскольку действующий в элитной среде инсайдерский политический рынок требует постоянной интенсификации коммуникаций, размывается граница между служебной деятельностью и частной жизнью. В отличие от веберовских идеальных бюрократов, представляющих собой «общество с ограниченной ответственностью», элита функционирует в режиме «ненормированного рабочего дня». Ее право на *privacy* растворяется в необходимости постоянно быть на связи с другими членами элиты для того, чтобы исполнить неожиданный приказ или удовлетворить просьбу своего коллеги, должником которого он является. Тягость такого положения вызвала к жизни специальные меры по ограничению доступа к высокопоставленным лицам.

«Общество с безграничной ответственностью», которым является элита, стало одновременно и самым коммуникабельным, и самым закрытым. Причем интенсивность коммуникаций обратно пропорциональна статусу: чем более узким и специализированным ресурсом располагает тот или иной член элиты, тем большие связи нужны ему для осуществления накопления капитала и своего статусного роста. Исполнение его «доверительных расписок» означает развитие такой сети инсайдерских связей, которая позволит ему совершать требуемые обменные операции. Чем более высокий ранг у инсайдера, чем более универсальными ресурсами он располагает, тем в меньших связях он нуждается, так как не испытывает потребности в обмене. Напротив, в его услугах нуждаются другие. Следовательно, низшие страты элиты стремятся к развитию коммуникативной сети, а высшие страты — к ее ограничению. Иными словами, специализированные ресурсы власти рождают ком-

муникативность, а универсальные — замкнутость. *Карцерная топ-элита* вообще перестает испытывать необходимость в расширении связей, и становится самой труднодоступной группой общества.

Таким образом, важнейшими характеристиками элиты как социальной группы надо считать сплоченность, осознание своих групповых интересов, развитую сеть неформальных коммуникаций, наличие эзотерических норм поведения и кодового языка, а также отсутствие четкой грани, разделяющей служебную деятельность и частную жизнь.

Открытая и закрытая элита

Многие присваивают элите свойство закрытости, хотя в некоторых странах элита — действительно закрытая группа, а где-то она может быть открытой и конкурирующей. Вопрос в том, что понимать под закрытостью. Обратимся к трудам Х.Лассуэлла: «Мы говорим «открытая элита», когда все или многие члены политических органов включены в нее. «Закрытая элита», с другой стороны, включает в себя лишь немногих из них»¹¹¹. При таком понимании различие между открытой и закрытой элитой заключается лишь в размерах: большая элита, составляющая значительный процент политического класса, дает основания говорить о ее «открытости», а маленькая — о «закрытости». Тут речь идет о степени концентрации власти, и если группа лиц, принимающих стратегические решения, сосредоточена на самом вершине властной пирамиды, мы имеем пример закрытой элиты.

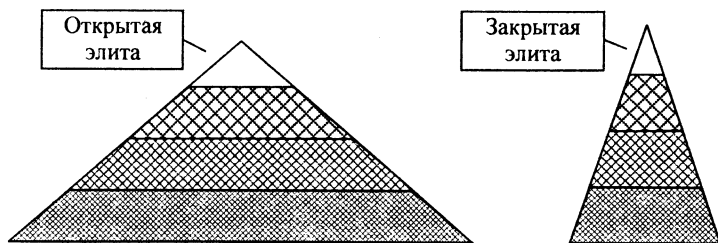

Рисунок 5. Открытая и закрытая элита по Х.Лассуэлли

Выделяя каждому члену политического класса зону компетенции, элита вынуждена отдать ему и часть своих властных полномочий. Следовательно, при открытой элите власть диверсифицируется и в разные периоды то в большей степени концентрируется на вершине пирамиды, то, напротив, делегируется все большему числу представителей политического класса. Периоды центростремительного распределения власти сменяются периодами центробежными, при которых происходит рост роли локальных и отраслевых групп, а вслед за этим следует редукция, свертывание их власти вплоть до полной зависимости от центра. Классическим примером закрытой элиты может быть советская система, где власть концентрировалась в коллективном органе, насчитывающем всего 20—25 человек, — Политбюро.

Есть и другое понимание открытости элиты. Закрытость и открытость можно трактовать под ракурсом исследования рекрутации элиты. *Закрытой* в таком случае надо считать элиту, которая формируется исключительно из представителей нижестоящих страт политического класса. В этом случае восхождение во властной иерархии совершается постепенно и существует преемственность в обновлении элиты. Проникновение наверх людей случайных, не прошедших управленческую школу государства, исключается. *Открытой*, напротив, будет называться такая элита, рекрутация в которую позволяет использовать несистемные каналы.

Периоды открытой и закрытой элиты сменяют друг друга и зависят от циклов становления политических режимов. Новые режимы, испытывающие кадровый голод и имеющие ограничения на привлечение представителей старого политического класса, как правило, широко используют аутсайдеров для пополнения элиты. Чем старше и стабильнее режим, тем меньше шансов у «чужаков» попасть в систему власти, тем более постепенное восхождение нужно совершать инсайдерам, чтобы добраться до вершины. *Системный* (то есть закрытый) *тип рекрутации* означает, что объем внешней инкорпорации невелик и пополнение происходит с одной ступени политического класса на другую (см. рисунок 6).

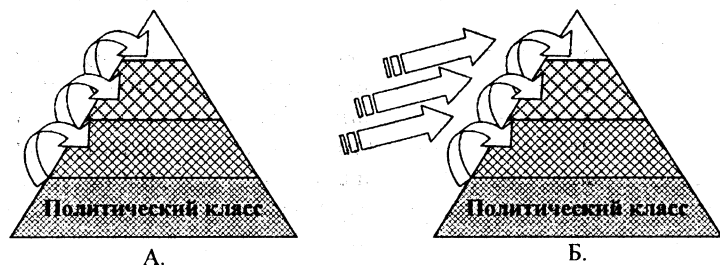

Рисунок 6. Различия в формировании закрытой (А) и открытой (Б) элиты

Открытый тип рекрутации особенно распространен при смене режимов, когда временно двери элиты открываются, чтобы впустить туда «свежую кровь», новичков — различинцев, не запятнавших себя связями со старым режимом. Этот период длится недолго, и как только режим стабилизируется, элита пытается вновь «закрыть двери». Однако ей не всегда это удается сделать быстро. Период открытой элиты рождает надежды у наиболее активных и амбициозных групп, что приводит к возникновению напряжения у «закрывающихся дверей». В такие периоды обостряется конфликт между теми, кто уже инкорпорирован, и теми, кто рассчитывал продвинуться, но не успел. Эта «обиженная» часть политического класса, не сумевшая совершить победоносный рывок и остановленная у самого входа, может стать серьезной угрозой для элиты. Контрэлита становится лидером идеологической оппозиции и начинает кампанию против ее недавних соратников и коллег.

Смена режимов приводит к фрагментации политического класса, к возникновению «старой» и «новой» элиты, отчаянно сражающихся за власть. Целью первой является удержание власти, которая утекает из их рук, а целью второй — захват всех ключевых позиций в государстве, который неизбежно требует вытеснения со своих постов «стариков». Фрагментация может привести к настоящей войне внутри элиты, которую сторонний наблюдатель подчас вовсе не замечает. В.Мау и И.Стародубровская называ-

ли этот феномен «предреволюционной фрагментацией общества»¹¹².

В периоды открытия элиты в нее проникают аутсайдеры, которых мы будем называть различинцами (то есть представленными разными «чинами»). Различинцы, проникая в элиту, делают ее гетерогенной, вызывают к жизни новые неформальные образования и способствуют фрагментации. Различинцы привносят в элиту новые взгляды и коммуникативные нормы, которые размывают традиционные устои правящей группы. Их ассимиляция в элиту проходит более или менее конфликтно, но рано или поздно заканчивается. Тогда различинцы растворяются в группе и способствуют тому, чтобы элита вновь закрыла двери. Именно различинцы, ставшие официальными, выступают главными поборниками строгого контроля над инкорпорацией, сужения рекрутационных каналов и восстановления жестких ограничений при подборе кадров. Революционеры становятся консерваторами и, желая сохранить достигнутое *status quo*, вступают в борьбу с другими революционерами, не успевшими попасть в элиту.

Правда, такой путь характерен лишь для недемократических обществ или обществ с неразвитой демократией. Идеальная модель демократического общества подразумевает наличие множественных каналов для вертикальной мобильности, в том числе и для рекрутации в элиту. Поэтому элита демократических обществ *a priori* более открыта, чем в иных обществах. Однако в реальности зачастую этот постулат оказывается не более чем мифом, так как конкуренция на выборах разворачивается не между свободными независимыми кандидатами, а между лидерами двух доминирующих партий. Выбор в таком случае ограничивается альтернативой «элита — контрэлита», а не «элита — неэлита». Однако в любом случае наличие альтернативных выборов делает процесс инкорпорации более открытым и менее контролируемым бюрократией.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 1

1. *Weber M.* Max Weber on the methodology of the social sciences / Transl. and ed. by E.A. Shills and H.A. Finch. Glencoe, Ill: The free press of Glencoe, 1949.
2. *Моска Г.* Правящий класс // Социс. 1994. № 10. стр. 187.
3. *Mosca G.* The Ruling Class. N.Y., London: McGraw-Hill, 1939. P. 53.
4. *Моска Г.* Правящий класс // Социс. 1994. № 10. стр. 189.
5. *Mosca G.* Teorica dei governi e governo parlamentare. Turin, 1925. P. 36—37.
6. *Mosca G.* The Final Version of the Theory of Ruling Class. P. 388—389.
7. *Ibid.* P. 390.
8. *Pareto V.* Mind and Society. N.Y., 1935. V. 4. P. 2027—2031.
9. Там же.
10. *Pareto V.* Sociological Writings. Transl. by D. Merfin. London: Pall Mall Press, 1966. P. 51.
11. *Pareto V.* Sociological Writings. Transl. by D. Merfin. London: Pall Mall Press, 1966. P. 57—60.
12. *Pareto V.* The Mind and Society. V.4. New York: Dover Publications, Inc., 1963. P. 2313.
13. *Pareto V.* The Mind and Society. V. 3. New York: Dover Publications, Inc., 1963. P. 1431.
14. *Михельс П.* Необходимость организации // Диалог. 1990. №3. стр. 58—59.
15. Там же. стр. 59.
16. *Michels R.* Political Parties. P. 400.
17. *Ibid.* P. 408.
18. *Михельс П.* Необходимость организации // Диалог. 1990. № 3. стр. 56.
19. *Lasswell H.D.* Power and Personality. Norton: The Norton Library, 1976. P. 17.
20. *Lasswell H.D.* Harold D. Lasswell on Political Sociology. Ed. by D. Marwick. Chicago-London, 1977. P. 117.
21. *Lasswell H.D.* Harold D. Lasswell on Political Sociology. P. 36.
22. *Lasswell H.D.* Power and Personality. P. 22.
23. *Lasswell H.D.* Power and Personality. P. 39.
24. *Ibid.*
25. *Mannheim K.* Man and society in an age of reconstruction. Studies in modern social structure. London: Paul, Trench, Trubner & co., 1941.
26. *Keller S.* Beyond the Ruling Class. Strategic Elites in Modern Society. N.Y.: Random House, 1969. P. 4.
27. *Keller S.* Beyond the Ruling Class. P. 21.
28. *Keller S.* Beyond the Ruling Class. P. 21.
29. *Ibid.* P. 260.
30. *Giddens A.* Preface // Elites and Power in British Society. Ed. by P. Stanworth and A. Giddens. L.: Cambridge University Press, 1976. P. IX.

31. Например: *Giddens A.* The Class Structure of the Advanced Societies. London: Hutchinson University Library, 1973. P. 23—138; *Aron R.* Social Structure and Ruling Class // British Journal of Sociology, Vol. 1. No. 1. March 1950.
32. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23.
33. *Mills C.W.* The Power Elite. New York: Oxford University Press, 1959.
34. *Meisel J.H.* The Myth of the Ruling Class. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1958. P. 4.
35. *Aron R.* Social Structure and Ruling Class // British Journal of Sociology, Vol. 1. No. 1. March 1950. P. 2.
36. *Ibid.* P. 9.
37. *Bottomore T.B.* Elites and Society. London: Penguin Books. 1964. P. 69.
38. *Veblen T.* The engineers and the price system. New York: The Viking press, 1936.
39. *Гэлбрейт Дж.* Новое индустриальное общество. М.: Прогресс, 1969.
40. *Burnham J.* The Managerial revolution. What is happening in the world. New York: Day, 1941. P. 56.
41. *Ibid.* P. 59.
42. *Ibid.* P. 60.
43. *Ibid.* P. 147.
44. *Ibid.* P. 158.
45. *Ibid.* P. 278.
46. *Weber M.* Bureaucracy // From Max Weber / Eds. H.H. Gerth, C.W. Mills. London: Routledge, 1957.
47. *Djilas M.* The New Class. London: Allen and Unwin, 1957. P. 197.
48. Например, под влиянием *М. Джиласа* была написана книга *М. Восленского* «Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза», опубликованная и в нашей стране. М.: Советская Россия, 1991.
49. *Putnam R.* The comparative study of political elites. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1976. P. 8—9.
50. *Wittfogel K.* Oriental Despotism. New Haven: Yale University Press, 1963.
51. *Гегель Г.В.Ф.* Сочинения. Т. 7. М., 1934. стр. 320.
52. *Афанасьев М.* От вольных орд до ханской ставки // Pro et Contra. Том 3. № 3. 1998. стр. 9.
53. *Гидденс Э.* Социология. М.: Эдиториал УРСС, 1999. стр. 325.
54. *Weber M.* Wirtschaft und Gesellschaft. Tubingen: Mohr, 1976. S. 125—126; *Вебер М.* Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. стр. 645—646.
55. *Турен А.* Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М.: Научный мир, 1998. стр. 109.
56. *Дал П.* О демократии / Пер. с англ. А.С. Богдановского; под ред. О.А. Алякринского. М.: Аспект Пресс, 2000. стр. 90.

57. Гегель Г.В.Ф. Политические произведения. М.: Мысль, 1978. стр. 65.
58. Domhoff G.W. Who rules America? New Jersey: Prentice-Hall, 1967. P. 325.
59. Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М.: Прогресс, 1969. С.114.
60. Parsons T. Power and the social system // Power / Ed. S.Lukes. Oxford: Blackwell, 1986. P. 103—104.
61. Баландье Ж. Политическая антропология. М.: Научный мир, 2001. С.43.
62. Ротбард М. Власть и рынок: Государство и экономика / Пер. с англ. Б.С.Пинскера под ред. Гр.Сапова. Челябинск: Социум, 2003. стр. 343.
63. Луман Н. Власть / Пер. с нем. А.Антоновского. М.: Праксис, 2001. стр. 40.
64. Там же. стр. 42.
65. Dahl R. Modern Political Analysis. New Haven, 1963. P. 34.
66. Ротбард М. Власть и рынок. стр. 280.
67. Бурдые П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля // S/L'98. Поэтика и политика. М., 1999. стр. 136; Бурдые П. Начала. Choses dites. М., 1994 стр. 205; Бурдые П. Социология политики. М., 1993.
68. Там же. стр. 13.
69. Вебер М. Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994. стр. 72.
70. Putnam R. The comparative study of political elites. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1976. P. 11—12.
71. Коулмен Дж. Капитал социальный и человеческий // Ответственные науки и современность. 2002. № 3. стр. 127.
72. Там же.
73. Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М.: Научный мир, 1998. стр. 75.
74. Weber M. Economy and society: An Outline of Interpretive Sociology (2 vols). Berkeley: Univ. of California Press, 1978.
75. Ibid.
76. Вебер М. Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994. стр. 67.
77. Там же.
78. Calhoun J.C. A Disquisition on Government. N.Y.: Liberal Arts Press, 1953. P. 16—17.
79. Бурдые П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993. стр. 257.
80. Луман Н. Власть / Пер. с нем. А.Антоновского. М.: Праксис, 2001. стр. 20.
81. Баландье Ж. Политическая антропология. М.: Научный мир, 2001. стр. 95—96.
82. Lasswell H.D., Lerner D., Rothwell C.E. The Comparative Studies of Elites (An Introduction & Bibliography) Stanford Univ. Press, 1952. P. 12.

83. Lasswell H.D., Lerner D., Rothwell C.E. The Comparative Studies of Elites (An Introduction & Bibliography) Stanford Univ. Press, 1952. P. 13.
84. Шевцова Л. Россия: логика политических перемен // Россия политическая / Под общ. ред. Л.Шевцовой. М.: Московский центр Карнеги, 1998. стр. 321.
85. Dahl R. Modern Political Analysis. New Haven, 1963. P. 8.
86. Putnam R. The Comparative Study of Political Elites. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1976. P. 13.
87. Lasswell H.D., Lerner D., Rothwell C.E. The Comparative Studies of Elites (An Introduction & Bibliography) Stanford Univ. Press, 1952. P. 13.
88. Pareto V. The Rise and Fall of the Elites. An application of theoretical sociology. The Bedminster Press, 1968. P. 248.
89. Bachrach P. The Theory of Democratic Elitism; A Critique. Boston: Little, Brown, 1967. P. 7.
90. Feher F., Heller A., Markus G. Dictatorship over needs: an Analysis of Soviet Societies. Oxford: Basil Blackwell, 1984. P. 122.
91. Lasswell H.D., Lerner D., Rothwell C.E. The Comparative Studies of Elites (An Introduction & Bibliography) Stanford Univ. Press, 1952. P. 15.
92. Riesman D. The Lonely Crowd. New York: Doubleday Anchor Edition, 1953.
93. Ibid. P. 257—258.
94. Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества: Деятельностно-структурная концепция. М.: Дело, 2002. стр. 459.
95. Beard M. A History of the Business Man. N.Y.: Macmillan, 1938. P. 20.
96. Шевцова Л. Указ соч. стр. 329.
97. Дюверже М. Политические партии. М.: Академический проект, 2002. стр. 205—206.
98. Goffman E. Asylums: Essays on the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates. Harmondsworth, 1961. P. 283.
99. Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М.: Советская Россия совм. с МП «Октябрь», 1991. стр. 317—318.
100. Об этом подробнее см.: Крыштановская О.В., Радзиховский Л.А.. Каркас власти: опыт политологического исследования // Вестник Российской Академии наук. Том 63, N 2, февраль 1993, с. 94—101.
101. Weber M. Wirtschaft and Gesellschaft. Tubingen: Mohr, 1976. S. 133.
102. Афанасьев М.Н. Клиентелла в России вчера и сегодня // Политис. 1994. № 1. стр. 121.
103. Willerton J.P. Patronage and Politics in the USSR. Cambridge, New York, Sydney: Cambridge University Press, 1992. P. 5.
104. Этому посвящена монография: Willerton J.P. Patronage and Politics in the USSR. Cambridge, New York, Sydney: Cambridge University Press, 1992.

105 Интервью Г.П.Разумовского в рамках исследования сектора изучения элиты Института Социологии РАН «Трансформация российской элиты», 31.10.2001 г.

106 Willerton J.P. Ibid. P. 10.

107 Гудденс А. Социология. М.: Эдиториал УРСС, 1999. стр. 284—285.

108 Keller S. Beyond the Ruling Class. P. 21.

109 Putnam R. The comparative study of political elites. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1976. P. 14.

110 Meisel J.H. The Myth of the Ruling Class. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1958. P. 4.

111 Lasswell H.D., Lerner D., Rothwell C.E. Ibid. P. 13.

112 Стародубровская И.В., Май В.А. Великие революции: от Кромвеля до Путина. М.: Вагриус, 2001. стр. 39.

ГЛАВА 2 ВХОД В ЭЛИТУ (ИНКОРПОРАЦИЯ)

Приступая к анализу мобильности элиты, отметим, что этот процесс имеет три основные фазы: 1) *инкорпорацию*, под которой мы будем понимать вхождение в элиту; 2) *ротацию* (процесс перемещения кадров внутри политической системы); 3) *экскорпорацию*, то есть выход из элиты. Обычно в работах по мобильности используется термин «рекрутация» для обозначения процесса набора в группу. Не отвергая его, я, однако, предлагаю использовать зеркальные термины *ин-* и *экскорпорация* в связи с тем, что «рекрутация» описывает только процесс входа, а обратный процесс вытеснения из элиты не имеет никакого обозначения.

Эти термины соответствуют также моему подходу к государству как к политической корпорации, которая является формой организации политического класса. Государство как универсальная корпорация делится на множество специализированных корпораций, образуя сегменты власти. Для анализа мобильности элиты важно не только изучать процесс приема или изгнания из политических корпораций, но и то, какие институты отвечают за рекрутацию. Я буду оперировать понятиями *корпорации-поставщики* и *корпорации-приемщики* для того, чтобы обозначить места входа в политическое пространство и места выхода из него. (*Корпорации-поставщики* — это организации, через которые осуществляется массовая рекрутация аутсайдеров. В советское время основной корпорацией — поставщиком элитных кадров был комсомол.)

Инкорпорация, ротация и экскорпорация в совокупности дают нам такое перемещение кадров, которое я называю *элитным трафиком*. Интенсивность *трафика* в разные

периоды развития политических режимов может быть различной: от кадрового застоя времен позднего Брежнева до кадровой «мясорубки» Ельцинской поры. Регулированием элитного трафика занимаются высшие государственные инстанции, которые могут сокращать сроки пребывания в должности, а могут делать их бесконечными. Кадровые вопросы находятся в компетенции самых влиятельных членов группы — *топ-элиты*, которые руководят обоими кадровыми процессами: удержанием одних членов у власти и смещением других. Специализированные кадровые службы лишь выполняют инструкции по набору, ротации или отставке кадров, но правила игры устанавливает верховная власть.

Элитная мобильность связана с существованием *около-элитных зон*, которые создает и контролирует государство. Для рекрутации кадров создается *предэлитная зона*, а для облегчения процесса экскорпорации — *экс-элитная зона*. В стабильные периоды вход и выход практически никогда не осуществлялся, минуя эти буферные зоны между политическим классом и гражданским обществом. Элита нуждается в контроле над этими двумя зонами, поэтому в ее организации появляются специфические институты, занятые работой с молодежью и пристраиванием отставников. Казалось бы, лишь первая часть задачи (рекрутация) является действительно важной для функционирования элиты. Зачем ей создавать специальную экс-элитную зону для тех, в ком элита больше не нуждается? На самом деле в *экскорпорации* таится немалая опасность — ведь официалы, выведенные из системы, становятся ее потенциальными врагами и распространителями эзотерической информации. Неаккуратные отставки могут создать для элиты опасность, которой, однако, легко избежать, если подходить к этому процессу деликатно. Экс-элитные зоны и создаются для того, чтобы минимизировать опасность возникновения все растущей группы обиженных. Вниз идущая мобильность элиты обставляется таким количеством почетных ритуалов, чтобы по возможности подсластить горечь утраты власти. Специально для этой цели создаются организации, предоставляющие бывшим членам элиты почетную, приятную и хорошо оплачиваемую работу вблизи от власти. Таким об-

разом, решается сразу две задачи: отставники не чувствуют себя обиженными и элита держит их деятельность под контролем.

Мобильность может быть разделена на вверх идущую, горизонтальную и вниз идущую. Вверх идущая мобильность также разделяется на два вида: а) инкорпорация аутсайдеров, когда в элиту включается индивид, до того не принадлежавший к этой группе; б) карьерный рост инсайдеров. Горизонтальная мобильность касается исключительно перемещений инсайдеров внутри системы. Вниз идущая мобильность может касаться как понижающегося движения инсайдеров, так и их изгнания из элиты, то есть экскорпорации.

Элитная мобильность в России имеет существенные отличия от мобильности других социальных групп. Это связано с рядом факторов:

1. Более высокая по сравнению с другими группами *конкуренция* между кандидатами на должность, которая возникает на всех этапах политической иерархии. Поскольку организация элиты подобна пирамиде, то чем выше к ее основанию, тем острее конкуренция.

2. Неопределенность требований к кандидатам, которые должны удовлетворять условиям, нигде не оглашающимся. Нет такого образования, получив которое, кандидат может рассчитывать на гарантированное вхождение в элиту. Не существует умений или навыков, овладев которыми можно быть уверенным в инкорпорации. Связи и случай тут решают больше, чем интеллект, знания и умения. Элита сама выбирает кандидатов для инкорпорации. Исключение составляют выборы, которые, хотя бы теоретически, являются входной дверью для всех желающих.

3. Элитная мобильность подвержена значительно большей регламентации и планированию, чем иная профессиональная мобильность. Здесь существует институционализированный *кадровый резерв* для пополнения вакантных должностей, а также обширные *резервации* для отставных членов элиты. Открытые конкурсы на замещение вакантных должностей отсутствуют. В то же время кандидат, получивший шанс на инкорпорацию, может месяцами ждать результатов неясных для него проверок и согласований.

4. Мобильность элиты регламентируется не столько трудовым законодательством, сколько эзотерическими внутригрупповыми нормами. При благоприятных условиях это может означать пожизненный наем; при неблагоприятных — применение санкций против неугодных членов вплоть до уголовного преследования и репрессий. При отсутствии эффективного общественного контроля и институциональных ограничений члены элиты могут задерживаться на своих постах максимально долго — до полной потери трудоспособности (а в некоторых случаях — и после нее). С другой стороны, меняющаяся политическая конъюнктура может потребовать резкого и не оправданного законом увольнения официала, которого руководство решило заменить новым человеком.

5. Инкорпорация — это не только устройство на работу в органы государственной власти. В отличие от всех других профессий вхождение в элиту есть наделение индивида первичным политическим капиталом. Политический капитал присваивается формально в момент зачисления на должность. По мере исполнения официалом своих властных функций он возрастает и становится уже не атрибутом должности, а собственностью инсайдера. Неформальная капитализация начинается сразу после занятия должности и зависит уже от самого индивида, который может достичь как огромных успехов, если сумеет обзавестись необходимыми связями, так и остаться скромным и незаметным чиновником, если не будет выходить за рамки своих прямых обязанностей.

Процесс инкорпорации элиты в современных обществах происходит различными способами, но главными из них являются выборы и назначения.

2.1. Выборы как механизм элитной инкорпорации

С помощью назначений пополняются бюрократические иерархии. С помощью выборов происходит делегирование управленческих полномочий индивидам или группам. В идеале исход выборов не должен зависеть от чиновников, а

только от населения, которое на избирательный период становится политической силой — *электоратом*. Независимость выборов от бюрократии является важным показателем степени разделения власти. Отсутствие же такого разделения ставит под сомнение то, что выборы являются действующим механизмом рекрутации элитных кадров.

Советский режим — выборы *pro forma*

В советские времена контроль верховной власти над выборами был доведен до совершенства — отклонения от намеченных результатов могли составлять лишь десятые доли процента, а победа безальтернативного кандидата была предreshена. Такие псевдовыборы были, по сути дела, теми же назначениями, которые сопровождалась дополнительной процедурой легитимации. Представительные органы играли роль *легализаторов*, которые переводили решения верховной власти в правовое поле. Правоохранительная и судебная системы функционировали как *санкционеры* — то есть налагали санкции, наказывали за неисполнение решений верховных органов. Советская элита лишь пыталась придать видимость функциональной эквивалентности этих государственных органов подобным институтам западных демократий, называя *легализаторов* — парламентами, а *санкционеров* — судьями. Роль «исполнительной» власти играло правительство и региональные администрации. Но центром власти всегда оставался верховный правитель и его окружение, решения которых имели директивный характер для всех акторов политической системы. Коллективный верховный правитель был озабочен главным для себя вопросом — сохранением монополии на власть.

Политическое устройство государства было таково, что функциональное деление на исполнительные и представительные органы было присуще как партийным, так и советским органам. Хотя формально советы народных депутатов представляли собой вид законодательной власти, в реальности они (так же, как и партийные комитеты) были *легализаторами*, представленными двумя институтами: роль исполнительного органа здесь играли «исполнительные комитеты» (в дальнейшем будем называть их со-

гласно советской традиции *исполкомами*), а роль законодательного органа — *советы*. Функционально любой советский исполком был аппаратом, а совет — парламентом. Во всех без исключения органах политической власти сохранялся этот дуализм. Так, например, областное подразделение партии имело комитет (обком) КПСС, членами которого становились видные руководители региона, и аппарат, то есть штатных сотрудников обкома. Аппарат работал на профессиональной основе, постоянно. Комитет собирался на заседания примерно два раза в месяц, и членство в нем не подразумевало освобождения от основной работы.

Аппараты были назначаемы и занимались подготовкой решений. Комитеты избирались, их члены занимались публичной политикой и должны были выглядеть легитимно. Партийные комитеты пронизывали все советское общество сверху донизу, они существовали во всех без исключения трудовых коллективах. Это был своеобразный вид предста-

Таблица 1. Формирование органов управления в СССР

Органы власти	Группы номенклатуры	Способ инкорпорации	Функция
ЦК КПСС	Члены ЦК КПСС	Избирались	Квази-парламент
	Сотрудники ЦК КПСС	Назначались	Аппарат
Областные, городские, районные комитеты КПСС и ВЛКСМ	Члены областного комитета	Избирались	Квази-парламент
	Сотрудники областного комитета	Назначались	Аппарат
Верховный Совет СССР	Члены Верховного Совета	Избирались	Парламент
	Сотрудники аппарата Верховного Совета	Назначались	Аппарат
Советы народных депутатов	Члены советов соответствующего уровня	Избирались	Парламент
	Сотрудники исполнительных комитетов (исполкомов) советов	Назначались	Аппарат

вительной власти, так как комитет составлялся из людей, представлявших все основные группы населения региона — чиновников, руководителей предприятий, колхозников, рабочих, интеллигенции. В каждом комитете непременно должны были быть как минимум одна женщина и один представитель молодежи (как правило, лидер местного комсомола). Региональные комитеты объединяли партийно-хозяйственный актив территории (*партихозактив* на сленге номенклатуры), включающий в себя как партocrats, так и менеджеров крупнейших организаций данной территории. Каждый обком партии повторял в миниатюре структуру ЦК КПСС. На заседаниях комитетов избирались секретари соответствующего уровня, хотя их кандидатуры заранее были согласованы с аппаратом и утверждены комитетом вышестоящего уровня. Комитеты действовали на общественных началах, образуя ячейки квазигражданского общества. Аппараты, действующие на постоянной штатной основе, готовили документы, выносили их на обсуждение и играли решающую роль.

В низовых организациях, где аппарат отсутствовал, внутри комитетов имелись «освобожденные работники», которые числились в организации на штатных должностях, на самом деле занимаясь исключительно политическими и организационными вопросами. Чем больше была организация, тем больше было число «освобожденных работников». Полноценные аппараты появлялись лишь в собственно номенклатурных организациях — райкомах, горкомах, обкомах КПСС. Самым мощным аппаратом обладал, естественно, Центральный Комитет КПСС. Разделение функций между аппаратом и комитетом было простым: аппараты готовили решения, комитеты легитимировали их и проводили публичную политику. Эта же модель повторялась на всех уровнях: республиканские, краевые, областные, окружные, городские, районные и сельские структуры КПСС имели как постоянно действующие аппараты, так и комитеты, работающие на общественных началах.

Несмотря на то что выборы в советской системе формально провозглашались тайными, «на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права»¹, они лишь публично утверждали уже осуществленное назначение, реше-

ние о котором принималось в недрах аппаратов и вышестоящих комитетах. Выборы членов партийных комитетов и депутатов советов разных уровней, по сути дела, являлись лишь окончательной легитимацией принятых решений. Процедуры обсуждения и реального отбора кадров происходили задолго до голосования на выборах, а круг лиц, допущенных к таким обсуждениям, был значительно уже, чем состав голосующего комитета, и включал ключевые фигуры как из комитетов, так и из аппаратов. Это положение дел в самом начале перестройки негативно оценивалось новым руководством страны: в резолюциях XIX партконференции в качестве одной из основных задач провозглашалась «демократизация избирательного процесса». Признавалась формальность безальтернативных выборов: «окончательное решение кадровых вопросов должно определяться результатами выборов»².

Процесс утверждения в номенклатурной должности проходил в 3 этапа: сначала соответствующий орган (например, Совмин) *вносил* на рассмотрение ЦК КПСС три-четыре кандидатуры, отдел ЦК, курировавший данное направление, *поддерживал* одну из кандидатур. Далее Политбюро ЦК КПСС (если это была номенклатура Политбюро) *утверждало* кандидатуру и затем соответствующий орган *назначал* (в случае с Совмином) или *избирал* (в случае с Верховным Советом) рекомендованное лицо и публиковал постановление об этом.

Выборы органов представительной власти — советов народных депутатов — также носили безальтернативный и формальный характер. Типичной была ситуация, когда на предприятие или в регион из центра присылался новый человек, предназначенный занять пост главы партийного, комсомольского комитета или совета. Там, где этот человек должен был начать работу, его никто не знал. Привозил такого человека высокопоставленный аппаратчик, курировавший данную область. Он представлял кандидата местному руководству. А затем проходили «прямые и тайные демократические выборы», результат которых был абсолютно прогнозируем: более 90% голосов избирателей отдавалось единственному кандидату.

Что двигало избирателями, когда они, как послушное пастуху стадо, единогласно одобряли выбор, уже сделан-

ный высшим руководством? Страх перед разветвленной системой санкций и множество различного рода зависимостей, которые связывали простого избирателя с политической системой. Это была «*административная система*» тоталитарного государства, которая любой поступок человека конвертировала в *товар*. На действующем политическом рынке товары обменивались — в обмен на политическую лояльность властям гражданин получал *символический капитал* в виде почетных званий, общественных статусов или перспектив карьерного роста. Та часть граждан, которая не хотела играть в предлагаемую властью игру, имела выбор: либо стать пассивным членом общества без особых перспектив, либо бросить вызов системе и пойти по тернистому пути диссидентов. Только единицы выбирали последнее. Подавляющее большинство населения соглашалось на предлагаемые условия. Менее 10% населения осмеливалось игнорировать выборы, тем самым молча протестуя против заведенных порядков. Не из-за денег или получения какой-либо экономической выгоды люди подчинялись требованиям системы, а из-за боязни политического ostracism, «волчьего билета», закрывающего возможность развиваться в одобряемых обществом сферах.

Советская власть обладала разнообразными ресурсами, но самым мощным и всеохватывающим был *административный ресурс*, который позволял исполнительным органам власти контролировать все политические процессы в стране, в том числе и ход выборов. В этом проявлялся «*железный закон*» *тоталитарного общества*, который гласит: власть может быть только одна, и эта власть — верховная. Все остальные части политической системы советского общества или носили подчиненный характер, или были чисто декоративными и рассчитанными на реакцию международных наблюдателей.

Именно по причине второстепенной роли выборных органов они формировались не столько по деловым качествам своих членов, сколько по имиджевым соображениям. Бесспорно, лояльность к власти была основным качеством, подразумевавшимся «по умолчанию». Среди прочих качеств учитывалось социально-профессиональная принадлежность, происхождение, пол, возраст, образование, на-

циональность. Так, директивным путем регулировалась доля в представительных органах власти рабочих и колхозников, интеллигенции, женщин, молодежи и представителей национальных меньшинств. Эта система квот искусственно увеличивала представительство «слабых» социальных групп — рабочих, крестьян, женщин и молодежи; и уменьшала (а иногда камуфлировала) представительство «сильных» групп — интеллигенции и чиновничества. Следует заметить, что практически сразу после отмены квотирования «слабых» групп их доля в представительных органах всех уровней стала стремиться к нулю, о чем мы будем говорить ниже.

В советский период все представительные органы власти состояли из двух частей: к *первой группе* относились реальные хозяева положения — аппаратчики, первые и вторые секретари и проч.; ко второй группе относились представители квотируемых групп — «*символические рабочие*», как называет их Э.Модсли³. Если первая группа реально участвовала не только в принятии, но и в подготовке политических решений, то вторая только голосовала, выражая свое полное одобрение. Первая группа являлась проводником идей аппарата и была призвана контролировать ход легитимации решений. Вторая носила чисто декоративную функцию. Такая двойственность выборных органов (как комитетов КПСС, ВЛКСМ, так и советов народных

Рисунок 1. Взаимодействие назначаемых и избираемых структур в советской политической системе

депутатов всех уровней) позволяет говорить о наличии «внутреннего круга»⁴, «элиты внутри элиты»⁵ или о «внутренней партии»⁶.

Таким образом, выборы в советский период нельзя считать способом рекрутации элиты. Набор во власть шел по другим законам, через систему элитарного образования, общественную деятельность, которая в случае успеха приводила молодых людей на нижние ступени номенклатурной лестницы, где и продолжался их карьерный рост. Только с реформами Горбачева положение изменилось.

Выборы и перестройка

Реформы М.С.Горбачева существенно изменили политическую систему общества в целом и механизмы воспроизводства элиты в частности. Главным шагом по реформированию системы рекрутации элиты было принятие в декабре 1988 г. внеочередной, 12-й сессией Верховного Совета СССР 11-го созыва закона «О выборах народных депутатов СССР». Закон предусматривал избрание 2250 депутатов: 750 от территориальных округов, 750 — от национально-территориальных округов, 750 от общественных организаций, в том числе по 100 чел. от КПСС, ВЛКСМ, профсоюзов и кооперативных организаций, и по 75 чел. от других общественных организаций и их объединений. Право выдвижения кандидатов в депутаты по мажоритарному принципу принадлежало трудовым коллективам, общественным организациям, собраниям избирателей по месту жительства. От общественных организаций — их всесоюзным органам. Лица, входящие в состав Совета Министров СССР (за исключением председателя правительства), руководители ведомств, председатели и члены Верховного суда СССР, главный государственный арбитр и государственные арбитры СССР, председатели и члены Комитета конституционного надзора не могут быть одновременно народными депутатами СССР. При выдвижении кандидатов в депутаты создаются условия для выдвижения любого неограниченного количества кандидатур⁷.

Сам М.С.Горбачев так писал о причинах, побудивших советское руководство пойти на всенародные альтернатив-

ные выборы: «Мы, сторонники реформ в высшем руководстве, уже зависали наверху в пустоте, как Хрущев в свое время. Нам надо было подключить скорее народ, получить поддержку снизу. Это мы решили сделать с помощью свободных выборов... С помощью выдвижения депутатов от общественных организаций удалось влить в депутатский корпус, так сказать, беспокойный элемент, «дрожжи»⁸.

Закон о выборах 1988 г. имел ряд особенностей, которые не позволяют отнести его к безусловно демократическим. Новая избирательная система, при всей ее прогрессивности, имела механизмы ограничения для волеизъявления народа, главными из которых были:

- 1) квоты депутатов от общественных организаций;
- 2) фильтрующая деятельность окружных избирательных комиссий;
- 3) принципиальная возможность сделать выборы безальтернативными;
- 4) непрямые выборы депутатов в Верховный Совет страны.

Это давало партийному аппарату возможность контролировать ход избирательной кампании. На этапе выдвижения кандидатов и в ходе предвыборной борьбы благодаря этим мерам удалось избавиться от значительного числа радикально настроенных претендентов на депутатский пост. Это достигалось путем противодействия попыткам проведения собраний по месту жительства, созданием организационных трудностей для неудобных кандидатов в их встречах с избирателями, в тиражировании агитационных материалов и т.п. Кроме того, во многих округах, в первую очередь там, где баллотировались устраивающие аппарат кандидаты, удалось оставить их без соперников, и в результате в каждом четвертом территориальном округе страны выборы прошли на безальтернативной основе.

На мартовском (1989) пленуме ЦК КПСС происходили выборы народных депутатов СССР от КПСС. Сенсацией стало то, что в списки кандидатов не были включены девять человек из состава Политбюро и секретариата ЦК: Э.А.Шеварднадзе, Д.Т.Язов, Ю.Д.Маслюков, В.В.Щербицкий, В.И.Воротников, А.Н.Власов, Ю.Ф.Соловьев, Н.В.Талызин и А.П.Бирюкова. Первые трое не могли баллотироваться ввиду того, что занимали государственные должно-

сти. Щербицкому, Власову и Воротникову было предложено идти на выборы от территориальных округов, как и всем остальным представителям республиканского руководства. Прочим была предоставлена возможность поступать по своему усмотрению. Соловьев сделал попытку избираться от Ленинграда, где он в то время занимал пост первого секретаря обкома партии, а Бирюкова и Талызин не рискнули включиться в лотерею выборов.

Неудача Ю.Ф.Соловьева на выборах в Ленинградском территориальном округе стала политической сенсацией того времени и продемонстрировала снижение престижа высших партийных иерархов, а следовательно, и самой КПСС. Это была первая робкая попытка «нелояльности», проявленная населением к партийному боссу.

Как видно из данных, представленных на *рисунке 2*, относительно демократические выборы существенно изменили структуру парламента: в 1989 г. уже не номенклатура составляет самую многочисленную группу в Верховном Совете, а интеллигенция, которая увеличила свое присутствие в ВС в пять раз (с 7 до 35%). Доля рабочих и крестьян уменьшилась более чем в два раза, а хозяйственных руко-

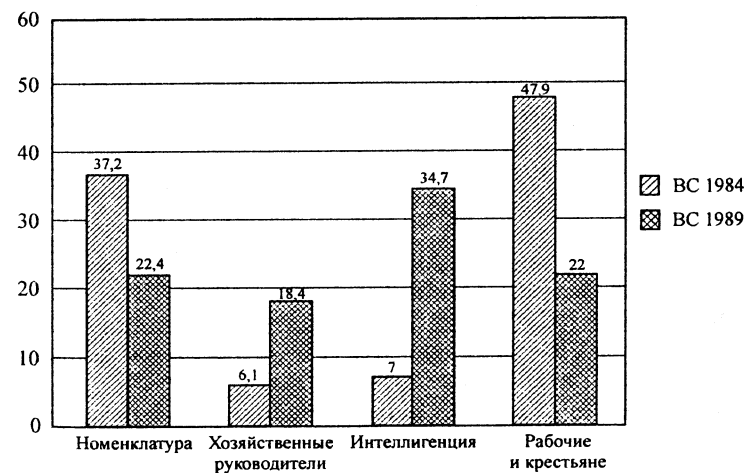

Рисунок 2. Сравнение удельного веса социально-профессиональных групп в парламентах 1984 и 1989 гг. (в % к численности Верховного Совета)⁹

водителей возросла в три раза. Принципиальное значение имело также то, что на первых же альтернативных выборах в высший законодательный орган страны проникли «неблагонадежные лица» — представители свободно мыслящей, а подчас и диссидентствующей интеллигенции: Андрей Сахаров, Рой Медведев, Юрий Щекочихин, Юрий Карякин, Егор Яковлев, Виталий Коротич, Дмитрий Лихачев и др.¹⁰ Эти люди были идеологическими лидерами страны, главными критиками системы, с которыми режим боролся много лет. И вот теперь эти критики системы допущены внутрь власти. Эта группа депутатов-диссидентов стала тараном, под ударами которого рухнули стены старого советского порядка.

Другой группой депутатов, сыгравших принципиальную роль в изменении политической системы, стали «новые реформаторы». К этой группе мы относим тех депутатов, которые до своего избрания не прославились сенсационными статьями или выступлениями. Они были неизвестны широкой публике. Но, сплотившись вокруг опального Б.Н.Ельцина, создав Межрегиональную депутатскую группу (МДГ), они составили костяк новой власти. Напомним, что на Съезде народных депутатов СССР созыва 1989 г. еще не было идеологических фракций, депутаты были объединены в республиканские депутатии. Так что образование МДГ было первым шагом в создании плюралистической модели власти. В МДГ вошли ряд молодых политиков, которых Ельцин, став президентом России, поднимет на самый верх (см. таблицу 2).

Таблица 2. Формирование команды Ельцина из членов межрегиональной депутатской группы

Имя депутата	Должность на момент избрания депутатом	Пост в команде Ельцина после 1991 г.
Бурбулис Г.Э.	Зам. директора Института повышения квалификации г. Свердловска	Госсекретарь РФ
Сосковец О.Н.	Директор металлургического комбината	Вице-премьер правительства

Продолжение таблицы 2

Имя депутата	Должность на момент избрания депутатом	Пост в команде Ельцина после 1991 г.
Попов Г.Х.	Главный редактор журнала «Вопросы экономики»	Мэр Москвы
Болдырев Ю.Ю.	Старший инженер НИИ	Пред. Счетной палаты РФ
Казанник А.И.	Доцент Омского гос. университета	Генеральный прокурор РФ
Мурашев А.Н.	Старший научный сотрудник АН СССР	Начальник ГУВД г. Москвы
Станкевич С.Б.	Старший научный сотрудник АН СССР	Советник президента РФ
Старовойтова Г.В.	Старший научный сотрудник АН СССР	Советник президента РФ
Полторанин М.Н.	Обозреватель АПН	Министр
Памфилова Э.А.	Председатель профкома завода	Министр
Калмыков Ю.Х.	Зав. кафедрой Саратовского юридического института	Министр
Федоров Н.В.	Ст. преподаватель Чувашского гос. университета	Министр, потом губернатор
Собчак А.А.	Зав. кафедрой Ленинградского гос университета	Губернатор
Прусак М.М.	Директор совхоза	Губернатор

Именно выборы народных депутатов СССР стали переломным моментом в процессе трансформации элиты. Здесь впервые за 70 лет советской истории доступ к властным ресурсам получили люди не только не лояльные к действующей власти, но и прямо с ней борющиеся. На первый взгляд эти новые группы «диссидентов» и «молодых реформаторов» были немногочисленны, однако их роль в дальнейшей политической истории России трудно переоценить. Первые подорвали идеологические основы власти, вторые — образовали костяк власти новой, построенной на иных принципах.

После открытия первого Съезда народных депутатов СССР в 1989 г. становится ясно, что теперь советы уже нельзя считать марионеточным органом, во всем послушным воле партии. Не только центр общественного внимания, но и постепенно центр принятия важнейших государственных решений перемещается из КПСС в Верховный Совет СССР. Появляется новая элита, пока еще во многом совпадающая со старой партийной, выросшая из ее недр, но уже не тождественная ей. Выборы, ставшие альтернативой номенклатурному назначению, вынесли на политическую арену новых лидеров, пришедших наверх не по отлаженным карьерным лабиринтам, а благодаря своим качествам политических деятелей. И хотя большинство по-прежнему составляли номенклатурные чиновники и хозяйственные руководители, сама система дала серьезную трещину.

Выборы 1989 г. подрывали основы партийной дисциплины с ее принципами «демократического централизма», единоначалия и безусловной лояльности. На апрельском (1989 г.) пленуме из состава ЦК КПСС было выведено 74 человека¹¹. О причинах этой беспрецедентной для послевоенной истории страны чистки высшего партийного аристократа рассказал нам в своем интервью П.Н.Демичев¹²:

«Причина, по которой из ЦК в 1989 г. выкинули столько народу, заключалась в том, что когда выбирали кандидатов от КПСС на съезде, многих голосов недосчитались руководители партии Александр Яковлев и Михаил Горбачев. Вот они и решили, что надо избавиться от тех людей, которые голосовали против них, и отправить их на пенсию. Нас выгнали, но критика Горбачева и Яковлева стала в три раза острее».

Указанные изменения в принципах формирования элиты в горбачевский период получили свое развитие в 1990 году, когда прошли выборы народных депутатов Российской Федерации — республики, входящей в состав СССР. Они существенно отличались от парламентских выборов 1989 г., так как внесенные изменения в закон о выборах предполагали проведение выборов по мажоритарной системе. Было избрано 1068 депутатов от территориальных (900 чел.) и от национально-территориальных округов (168 чел.).

Среди депутатов съезда не было представителей от КПСС и общественных организаций. Эти выборы закрепили наметившиеся тенденции: удельный вес депутатов от номенклатуры снизился, а доля интеллигенции — возросла. Это был самый образованный депутатский корпус: люди с высшим образованием составили 93%, 222 человека имели ученые степени. Среди депутатов было 80 юристов, 47 экономистов, 50 журналистов, 423 инженера, 97 врачей, 81 агроном, 74 педагога, 41 зоотехник, 34 военных. Средний возраст депутатов РСФСР равнялся 43 годам. Из прежнего состава Верховного Совета РСФСР 1985 года было переизбрано лишь 67 человек. Доля депутатов, не имевших до этого элитного статуса, в 1990 г. возросла на 36%¹³.

Так же, как и на Съезде народных депутатов СССР 1989 г., в составе депутатского корпуса 1990 г. было немало представителей интеллигенции, которые высказывались резко критически по отношению к действующей политической системе и требовали демократических реформ. Борис Ельцин был изгоем Верховного Совета СССР 1989 г., в новом российском парламенте 1990 года он становится героем и бесспорным лидером демократических сил.

Уже в этот период парламент, в который влилась «свежая кровь», становится основным поставщиком для новой власти. Многие народные депутаты РСФСР свою политическую карьеру начали в 1990 г. Около 30% представителей президента в субъектах Федерации и назначенных глав администраций вошли в депутатский корпус именно в 1990 г.¹⁴

Итак, правящая партия страны — КПСС — отказалась от монополии на инкорпорацию, отменив шестую статью Конституции СССР и позволив провести всенародные выборы в новый парламент страны. Политические реформы Горбачева привели к утрате государством полного контроля над формированием элиты. Именно в этот период образовался самостоятельный канал поступления новых кадров — выборы. Интеллигенция явилась основным поставщиком свежих сил в элиту. Бывшие диссиденты и новые реформаторы без номенклатурного опыта — эти две новые группы сыграли главную роль в политической истории России начала 90-х годов: диссиденты разрушили идеологию

ческие основы системы, а «новые реформаторы» вошли в образовавшуюся брешь и заняли высокие посты в окружении Ельцина.

Старая элита обнаружила, что может потерять свои позиции именно благодаря выборам. Так что выборы стали не только новым каналом пополнения элиты, но и способом ее очищения. Началась фрагментация элиты, выделение в ней групп разночинцев, традиционной элиты и новых легитимных руководителей, подтвердивших свои полномочия на выборах. Постепенно противоречия между этими группами нарастали.

Таблица 3. Механизм формирования элитных групп в различные периоды российской истории

Элитные группы	Советская номенклатура	Горбачевская элита	Ельцинская элита
Глава государства	Непрямые выборы	Непрямые выборы	Всенародные альтернативные выборы
Парламент	Безальтернативные выборы	Безальтернативные и альтернативные выборы	Альтернативные выборы
Региональная элита	Безальтернативные выборы	Выборы непрямые альтернативные	Альтернативные выборы
Правительство	Назначение	Назначение	Назначение
Центральный аппарат	Назначение	Назначение	Назначение

Выборы при Б.Н.Ельцине

Политическая реформа Михаила Горбачева 1988—1990 гг. привела в движение всю систему власти. Выборы с каждым годом становились все более весомым фактором политической жизни страны и затрагивали все большую часть элиты. Постепенно более половины численного состава элиты стало формироваться с помощью выборного механизма. Изменения произошли и в тех элитных группах, которые были

традиционно избираемыми. Если в советский период выборы носили, как правило, формальный характер, были безальтернативными и часто непрямыми, то теперь повсеместно стала применяться вполне демократическая форма всенародных альтернативных выборов.

После путча 1991 г. и распада Советского Союза новая российская власть остро нуждалась в кадрах. И выборы становятся одним из основных каналов рекрутации элиты: в 1991 г. впервые в стране происходят выборы девяти глав регионов; в 1992 г. — выборы президента РФ и трех глав регионов; в 1993 г. — выборы депутатов Федерального Собрания РФ и глав 12 субъектов Федерации; 1994 г. — выборы шести региональных глав, в 1995 г. — выборы депутатов Государственной Думы РФ и 15 глав субъектов Федерации; в 1996 г. — вторые выборы президента и 50 губернаторов; в 1997 г. — выборы 17 губернаторов; в 1998 г. — 9 глав субъектов Федерации; и, наконец, в 1999 г. (последнем году правления Б.Ельцина) — выборы депутатов 3-й Государственной Думы РФ и 13 губернаторов¹⁵.

Принципиальным моментом этого периода стал переход к выборам как к основному способу формирования региональной элиты. Это решение имело настолько значительные последствия, что стоит остановиться на этом подробнее.

Рисунок 3. Выборы федерального и регионального уровней при Б.Н.Ельцине

2.2. Переход к выборной системе формирования региональной элиты

В середине 1991 г. советская модель избрания руководителей исполнительной власти соответствующими советами начала (пока еще в виде эксперимента) заменяться в отдельных регионах Российской Федерации прямыми выборами. В апреле — мае 1991 г. постановлениями президиума Верховного Совета РСФСР было определено, что главами исполнительной власти Москвы и Ленинграда являются избираемые населением мэры этих городов¹⁶. Их выборы были проведены одновременно с президентскими в июне 1991 года. Тогда же, в соответствии с законом, принятым местным Верховным Советом, в Татарской АССР был избран, и тоже всенародным голосованием, новый глава республики — президент¹⁷.

Можно предположить, что в последующие месяцы подобная практика распространилась бы и на другие регионы, однако после провала антидемократического путча в августе 1991 г. и старая советская, и новая демократическая избирательные системы были российской властью отвергнуты. Лишь в автономных республиках, где выборная технология прописана в конституциях, для отмены действия которых никаких законных оснований не имелось, сохранившаяся советская модель начала постепенно трансформироваться в демократическую, и уже к концу 1994 г. 14 из 20 руководителей российских республик (без Чечни) были избраны всенародным голосованием.

Для остальных регионов препятствием на пути выборов стало принятое 21 августа 1991 г. постановление Верховного Совета РСФСР, в соответствии с которым в краях, областях и автономных округах вводилась должность главы администрации как руководителя исполнительной власти, являющегося правопреемником исполнительного комитета соответствующего совета народных депутатов. До этого право назначать и освобождать глав администраций было предоставлено президенту РСФСР¹⁸.

В верхних эшелонах новой российской власти не было единства мнений относительно того, сколь долго следует

сохранять практику назначения местных руководителей непосредственно из центра. В парламентских кругах сразу же стали предприниматься попытки как можно быстрее восстановить нормальную демократическую процедуру выборов.

25 сентября 1991 г. нижняя палата Верховного Совета РСФСР решила принять за основу процедуру избрания главы администрации населением соответствующих административно-территориальных единиц (регионов). Выборы глав местной администрации предписывалось провести 24 ноября 1991 года, при этом назначенные президентом страны главы администраций должны были принимать участие в этих выборах на общих основаниях¹⁹. 5 октября Верховный Совет РСФСР принимает решение: «Провести выборы глав администраций по графику, представленному не позднее 1 декабря 1991 г. президентом РСФСР»²⁰. Однако президент не только не представил графика выборов, но в своем обращении к открывшемуся 28 октября 1991 г. V Съезду народных депутатов РСФСР предложил вообще снять этот вопрос с повестки дня. Признав, что выборы глав администраций являются наилучшим вариантом, Ельцин высказал мнение, что проводить масштабные избирательные кампании и одновременно глубокие экономические преобразования — невозможно, «пойти на это — значит погубить все»²¹. Идя навстречу пожеланиям президента, 1 ноября 1991 г. съезд принимает постановление «Об организации исполнительной власти в период радикальной экономической реформы»²²:

«Для обеспечения стабильности системы органов государственной власти и управления в РСФСР в период проведения радикальной экономической реформы установить до 1 декабря 1992 г. запрет на проведение выборов представительных и исполнительных государственных органов...»

По настоянию депутатов предложенный президентской стороной проект постановления был дополнен положением о том, что главы администраций назначаются президентом по согласованию с соответствующими советами народных депутатов. Правда, на уже назначенных губернаторов это положение не распространялось. Изданный в развитие постановления съезда указ президента от 25 ноября

1991 г. «О порядке назначения глав администраций» определил процедуру согласования представляемых президентом кандидатур: совет проводит голосование и кандидатура считается согласованной, если за нее подано более половины голосов депутатов, присутствующих на заседании. Если же кандидатура не набрала нужного процента голосов, то либо проводится новое согласование, либо назначается исполняющий обязанности главы администрации на срок до одного года²³.

Таким образом, президент получил возможность назначать руководителем региона любого своего представителя, фактически игнорируя мнение местной законодательной власти. Кроме того, предложенная процедура распространялась лишь на тех, кто был бы назначен уже после издания данного указа, то есть после 25 ноября 1991 г. Назначение глав региональных администраций тем временем продолжалось, и к январю 1992 г. новая власть установилась практически во всех краях, областях и автономных округах. Однако новой она была лишь отчасти. Половина глав администраций была назначена из числа бывших руководителей органов исполнительной или представительной власти того или иного региона, еще примерно 20% составляли работники советского аппарата более низкого уровня, и лишь около 30% приходилось на долю «разночинцев». Сюда входили директора местных предприятий, работники научных учреждений, журналисты, врачи и т.п. К этой последней группе относились, в частности, и такие известные в дальнейшем политики, как М.Прусак и Б.Немцов.

Многие назначенцы Ельцина были известны ему в качестве депутатов союзного или российского парламента, кто-то был рекомендован с мест. Политическая позиция человека при этом обязательно учитывалась, хотя в ряде случаев приходилось назначать людей не вполне лояльных к новой власти, но зарекомендовавших себя «крепкими руководителями». Так произошло, например, с бывшим первым секретарем Новосибирского обкома партии, председателем областного совета В.П.Мухой, не разделявшим позицию российского руководства в дни ГКЧП. Тем не менее он был назначен главой администрации Новосибирской области.

Хотя в указе Б.Ельцина от 22 августа 1991 г. и говорилось о необходимости согласования кандидатуры на пост главы администрации с соответствующими советами, на практике это делалось далеко не всегда. Вот, например, как выглядела технология назначения в Сахалинской области: 4 сентября 1991 г. в президиум областного совета поступила телефонограмма от начальника контрольного управления администрации президента РФ с просьбой назвать приемлемые кандидатуры для назначения на должность главы администрации области. В ответ 10 сентября президиум облсовета направляет в Москву телеграмму следующего содержания: «Обстановка в области позволяет провести выборы администратора законно определенным порядком, аналогично выборам президента РСФСР, что упрочит авторитет администратора и уважение к закону»²⁴. Однако это мнение было проигнорировано, и 8 октября 1991 г. указом президента главой местной исполнительной власти области назначен председатель местного облисполкома В.Федоров. Многие советы активно сопротивлялись попыткам навязать региону неприемлемого, по их мнению, руководителя, и иногда им это удавалось. Не приняв назначенного Ельциным главу администрации Ульяновской области В.Малафеева, областной совет продолжал активно отстаивать кандидатуру бывшего первого секретаря обкома КПСС и председателя областного совета Ю.Горячева, чье поведение в период августовского путча вызывало в Москве сомнения в его лояльности. Спор продолжался в течение трех месяцев и в конце концов Ельцину пришлось отступить²⁵.

По прошествии года с момента принятия постановления V съезда народных депутатов о запрете выборов глав администраций оно утратило свою силу, но президентская сторона предложила продлить мораторий, обосновывая это нецелесообразностью проведения повсеместных выборов глав администраций в период до выборов советов нового созыва. Депутаты согласились с пожеланиями главы государства, но на этот раз предоставили регионам достаточно широкие возможности для избавления от навязанных им президентских наместников. В постановлении VII съезда «О главах администрации», изданном 10 декабря 1992 г., говорилось²⁶:

«В случае принятия Советом народных депутатов решения о недоверии главе администрации, досрочного прекращения полномочий главы администрации, истечения срока полномочий исполняющего обязанности главы администрации, а также если на должность главы администрации назначено лицо с нарушениями процедуры... Совет народных депутатов вправе принимать решение о назначении выборов главы администрации... либо... реализовать право назначения на должность главы администрации».

Постановление VII съезда народных депутатов поставило президентскую сторону в сложное положение. С нарушениями процедуры, предусмотренной указами президента от 22.08.1991 и 25.11.1991, то есть без предварительного согласования с местными советами, были назначены многие главы администраций. Теперь все они оказались не вполне легитимными, и в любой момент соответствующий местный совет мог, при желании, отказать им в праве занимать руководящую должность.

В условиях обостряющейся борьбы с парламентом в Москве вступать в конфронтацию еще и с субъектами Федерации было недопустимо. Поэтому сразу же после издания постановления VII съезда администрация президента начинает поиск путей выхода из создавшейся ситуации. В проблемные регионы (где у действующего губернатора не сложились отношения с местным советом) были направлены предложения решить вопрос о доверии назначенному главе администрации или о проведении выборов и просьба сообщить наиболее приемлемые кандидатуры, которые могли бы пройти согласование при назначении или победить на выборах.

В некоторых случаях компромисса удалось достичь заменой действующего главы администрации на нового назначенца, кандидатура которого была одобрена советом. Однако восемь регионов (Красноярский край, Брянская, Липецкая, Орловская, Пензенская, Сахалинская, Смоленская и Челябинская области) объявили о своем решении идти на выборы. В Сахалинской области депутаты посчитали, что при назначении губернатором В.Федорова была нарушена процедура, так как с местным советом его кандидатура не согласовывалась²⁷; в Орловской области вос-

пользовались тем, что истек срок полномочий (один год) исполняющего обязанности главы администрации Н.Юдина²⁸; в Пензенской области занялись согласованием кандидатуры назначенного полтора года назад А.Кондратьева, но не набрали нужного количества голосов²⁹ и т.п.

В Сахалинской области президенту удалось, предложив новую, устраивающую депутатов кандидатуру губернатора, добиться отказа от уже назначенных выборов, а в остальных семи регионах они состоялись в апреле 1993 г., и только в одном из них — Красноярском крае — действующий глава администрации, назначенный лишь за три месяца до выборов, сумел одержать победу, тогда как руководители шести других регионов потерпели поражение, местами сокрушительное. Например, липецкий исполняющий обязанности главы администрации В.Зайцев набрал лишь 5,6% голосов избирателей³⁰, а его пензенский коллега А.Кондратьев — всего 2,6%³¹.

1 апреля 1993 г. Верховный Совет РФ принял закон о порядке назначения на должность и освобождения от нее глав краевой, областной, окружной администраций, который еще больше сузил возможность президента страны влиять на кадровую ситуацию в регионах. «Назначение на должность главы администрации, — говорилось в законе, — осуществляется при условии принятия соответствующим советом решения, предлагающего президенту Российской Федерации... произвести назначение главы администрации»³². Получалось, что по собственному желанию инициировать замену своего же назначенца президент больше не мог. Однако президентская сторона, судя по всему, решила проигнорировать эти требования.

Результаты прошедших в апреле 1993 г. губернаторских выборов никак не побуждали президента проводить в регионах демократические избирательные процедуры. С другой стороны, нормативные акты, принятые Съездом народных депутатов и Верховным Советом РФ, делали механизм снятия и назначения глав администраций чрезвычайно сложным и трудоемким. Поэтому, как только представилась возможность, президент возвращается к первоначальной схеме, узаконив ее своим указом «О функционировании органов исполнительной власти в период по-

этапной конституционной реформы»³³, изданным 27 сентября 1993 г., в самый разгар конституционного кризиса. Устанавливалось, что до начала работы нового парламента — Федерального Собрания РФ — глава региональной администрации не может быть освобожден от должности иначе как решением президента и что выборы глав администраций в этот период проводиться не могут.

Окончательно точку в этой борьбе поставил указ президента РФ «О порядке назначения и освобождения от должности глав администраций краев, областей, автономной области, автономных округов, городов федерального значения», изданный 7 октября 1993 г., на третий день после подавления парламентского мятежа. «Главы администраций, — гласил указ, — назначаются и освобождаются от должности президентом Российской Федерации по представлению правительства Российской Федерации»³⁴.

Кризис сентября — октября 1993 г. показал, что на местах президентская сторона создала себе надежный административный тыл. Если в августе 1991 г. за поддержку ГКЧП и попытки противодействовать политике российских властей пришлось сразу же уволить 12 председателей краевых и областных исполкомов, то в связи с октябрьскими событиями 1993 г. лишь трое губернаторов лишились своих постов: глава администрации Новосибирской области, бывший первый секретарь Новосибирского обкома КПСС В. Муха, глава администрации Белгородской области, бывший второй секретарь Белгородского ОК КПСС В. Берестовой, а также хорошо известный своей прокоммунистической позицией глава администрации Брянской области Ю. Лодкин (заметим, что последний за полгода до этого победил на губернаторских выборах и отстранять его от должности никаких законных оснований не имелось).

Конечно, то, что в случае конфликта ветвей власти назначенные президентом главы администраций окажутся на его стороне, не должно было вызывать особых сомнений, однако на всякий случай лояльность губернаторов решено было подкрепить юридически и материально. За месяц до кризиса своим указом от 23 августа 1993 г. «О дополнительных мерах по правовой и социальной защите глав исполнительной власти субъектов Российской Федерации» пре-

зидент распорядился впредь до принятия закона о государственной службе считать глав исполнительной власти субъектов РФ должностными лицами в единой системе исполнительной власти. Главы администраций регионов, проигравшие на выборах, должны были получать назначенную им зарплату еще в течение года. Минимальная продолжительность ежегодного отпуска устанавливалась в 36 дней; с 1 сентября 1993 г. вводилась ежемесячная надбавка к должностному окладу в размере 40%, а также надбавка к окладу за сложность и специальный режим работы в размере 50%³⁵.

После подавления парламентского мятежа выборы глав администраций в регионах становятся единичными. Хотя запрет на выборы распространялся только на период до начала работы Федерального Собрания РФ, но и после того, как оно приступило к работе 11 января 1994 г., желающим провести у себя в регионе выборы главы администрации сделать это было практически невозможно. Соответствующие просьбы либо оставались без ответа, либо указывалось на их несвоевременность, на отсутствие необходимых условий и т.п. За весь 1994 год выборы разрешили провести только в Иркутской области. Местный глава администрации Ю. Ножиков имел неплохую электоральную поддержку. На выборах в Совет Федерации РФ в декабре 1993 г. за него проголосовало свыше 70% избирателей³⁶, и вероятность благополучного исхода губернаторских выборов не вызвала сомнений. Так и произошло: Ножиков победил уже в первом туре, набрав 77,9% голосов³⁷.

Прошел еще год, и о решении проводить выборы губернатора объявила Свердловская область. В апреле 1994 г. там была избрана новая законодательная власть — областная Дума, затем принят устав области, в соответствии с которым глава исполнительной власти — губернатор — избирался населением. Кроме того, был принят закон о выборах губернатора³⁸. Председатель Думы Э. Россель, отправленный Ельциным в отставку с поста главы администрации области в ноябре 1993 г. за попытку создания так называемой Уральской республики, имел неплохие шансы вновь занять губернаторское кресло. Возглавляемая им Дума трижды обращалась к президенту с просьбой разрешить прове-

дение выборов, однако ответа не получила. 4 марта 1995 г. Дума, сославшись на статью 11 новой Конституции РФ, гласящую, что «государственную власть в субъектах Российской Федерации осуществляют образуемые ими органы государственной власти»³⁹, объявила о своем решении провести в Свердловской области губернаторские выборы. Попытки действующей администрации доказать юридическую несостоятельность этого решения успехом не увенчались. Вынужден был дать свое согласие «в виде исключения» и президент. Выборы в августе 1995 г. прошли в два тура. Второй тур закончился уверенной победой Росселя (60% против 32% у его соперника)⁴⁰.

К осени 1995 г. региональные уставы были приняты уже повсеместно, и везде в них предусматривалось избрание руководителя исполнительной власти всенародным голосованием. Давление региональной элиты на центр с просьбой разрешить проведение выборов все нарастало. Президент РФ нуждался в поддержке «своих» губернаторов; их помощь была необходима ему в ходе предстоящих президентских выборов 1996 г. И чем больше падал рейтинг главы государства, тем сильнее было стремление сохранить в регионах до президентских выборов своих назначенцев, ту администрацию, которая могла бы обеспечить желаемый результат.

В то же время свердловская история показала, что ситуация становится плохо управляемой. Необходимо было юридически обосновать затянувшийся негласный мораторий на губернаторские выборы. 17 сентября 1995 г. появляется указ президента «О выборах в органы государственной власти субъектов Российской Федерации и в органы местного самоуправления». Пункт третий указа гласил: «Выборы назначенных Президентом РФ глав администраций субъектов РФ провести в декабре 1996 года. Назначить в порядке исключения выборы глав администраций Новгородской, Московской и Омской областей на 17 декабря 1995 г.»⁴¹

В октябре 1995 г. к трем перечисленным в указе регионам добавилось (и тоже «в виде исключения») еще восемь. С учетом Нижегородской области, получившей разрешение на проведение выборов еще в июне, в декабре 1995 г. в

12 краях и областях состоялись выборы губернаторов. Результат на этот раз оказался неплохим. Если в выборах апреля 1993 г. — августа 1995 г. победа досталась лишь двум из восьми действующих губернаторов, то в ходе декабрьских выборов 1995 г. свое право руководить регионом смогли подтвердить девять глав администраций (75%).

Однако основная волна выборов, прошедших в 1996 г. — начале 1997 г., дала менее благоприятные для центральной власти результаты. Действующие губернаторы, принявшие участие в 47 избирательных кампаниях, смогли победить только в 21 из них (44,7%). В результате к лету 1997 г. из 66 ельцинских глав администраций первой волны свои позиции сохранили лишь 18 человек. Последнее назначение главы администрации состоялось в июле 1997 г. в Кемеровской области. На этом шестилетний период ожесточенной схватки между федеральным центром и регионами завершился, и установился общий для всех регионов принцип выборности глав исполнительной власти. Вместе с тем ушла в прошлое и возможность для центра беспрепятственно формировать удобную для себя власть на местах. Необходимо было учиться выигрывать на выборах.

Последствия перехода к выборности региональной элиты

Итак, под влиянием целого ряда факторов, с многочисленными трудностями и отступлениями Россия перешла на выборную систему формирования региональной власти. Это было одним из самых главных достижений демократии в стране и привело к серьезным и глубоким изменениям во всей политической системе. Государство, которое на протяжении всей своей истории оставалось унитарным, впервые сделало шаг к реальной федерации. Последствия такого перехода были как позитивные, так и негативные. С одной стороны, создавалась база для действительного, не декларируемого разделения властей, создания равноправных субъектов Федерации, становления гражданского общества. С другой, выборность глав субъектов Федерации дестабилизировала политическую систему, появилась опасность новой волны «парада суверенитетов».

и, в самом катастрофическом сценарии, — распада России на «удельные княжества».

Выборность региональных руководителей принципиально изменила профиль российской власти: выборы не только привели наверх новых людей, но и сделали губернаторов опасно независимыми от центра⁴². Теперь Кремль не мог ни поставить своего человека на управление территорией, ни снять неугодного или проштрафившегося. У центральной власти почти не оставалось рычагов влияния на региональную элиту. Политические, экономические и военные ресурсы власти были слабы и недостаточны. События в Чечне продемонстрировали обществу неэффективность военных методов давления и неспособность центра решать политические вопросы самыми жесткими мерами. Политические рычаги управления регионами были крайне ослаблены не только из-за введения выборного принципа формирования губернаторского корпуса, но и из-за отсутствия единой нормативной базы взаимодействия центра и территорий, из-за противоречий в законодательстве, которые сузили конституционное поле федеративных отношений.

Экономические ресурсы долгое время оставались чуть ли не единственным реальным рычагом влияния центра, что привело, в свою очередь, к искажению межбюджетных отношений. Только так называемые трансферты позволяли центральной власти управлять регионами, да и то это касалось лишь бедных, дотационных территорий. Российская система налогообложения предполагала, что сначала регионы отправляют все средства в федеральное Министерство финансов, а затем часть этих денег из Москвы посылается в регион в виде трансфертов. Центр часто задерживал отправку бюджетных средств, и регионы вынуждены были посылать лоббистов в Москву для выбивания положенных средств. Своевременность отправки трансфертов в регион была залогом политической стабильности территории, так как была напрямую связана с выплатой зарплат бюджетникам, с четкой работой коммунальных служб. Задержки выплат населению каждый политический актер использовал для того, чтобы обвинить оппонента: центр обвинял в нарушениях финансовой дисциплины руководителей регионов, а последние — центр. Возмущение населения становилось козырем в борьбе между политически-

ми игроками. Эта система была постоянным источником конфликтов между центром и регионами.

Немаловажным рычагом давления на губернаторов была и угроза уголовного преследования, которое могло начаться по распоряжению Кремля. Поводом могла стать неправильно проведенная приватизация, нецелевое расходование бюджетных средств, ошибки во время избирательных кампаний, коррупция. В условиях неправового государства, когда объектом преследования правоохранительных органов мог стать каждый гражданин или организация, выбор жертвы имел сугубо политический смысл. Массированные проверки безошибочно указывали на недовольство центра работой того или иного чиновника и были направлены далеко не всегда на него лично. Чаще всего под угрозой санкций оказывались вверенные ему организации или его группы поддержки (например, бизнес, осуществлявший спонсорскую поддержку на выборах). Таким образом, политический процесс персонифицировался, переходя из плоскости формально-институциональных отношений в плоскость угроз личной безопасности конкретных акторов. Дефицит легитимных властных ресурсов компенсировался практикой широкого использования латентных форм давления.

Сложности управления, возникшие вследствие перехода на выборную систему формирования губернаторского корпуса, усугубились и изменением принципа формирования Совета Федерации РФ в декабре 1995 г., согласно которому верхняя палата российского парламента теперь формировалась так: каждый регион делегировал в СФ двух своих руководителей — главу исполнительной и законодательной власти. Губернаторы получили кроме политической независимости, обусловленной выборами, еще и возможность координировать свои действия на совместных собраниях. В Совете Федерации РФ стали образовываться межрегиональные ассоциации по территориальному принципу. Особую озабоченность Кремля вызывало объединение губернаторов, представляющих богатые регионы — доноры. Это грозило центру утратой не только политического влияния, но и финансового контроля, то есть было действительно опасно.

Кто пришел к власти в регионах с помощью выборов?

Что же принесли выборы самой элите? Вызвали ли они кадровую революцию, приведя к власти людей нового типа, или лишь изменили механизмы инкорпорации, не затронув тела самого политического класса? Это важнейший вопрос, ответ на который позволяет говорить о характере трансформационного процесса в целом. Итак, перейдем к анализу того, кто именно пришел к власти в российских регионах благодаря выборам и как сильно избранный состав губернаторского корпуса отличался от назначенного.

Введем несколько рабочих понятий. *Инкамбентами* (от английского *incumbent*) будем называть тех кандидатов, которые на момент выборов находятся у власти, в отличие от *челенджеров* (*challenger*) — кандидатов, только желающих ее получить.

Для анализа мы выбрали четыре когорты региональных руководителей: 1) *последняя советская когорта*: первые секретари региональных комитетов КПСС на 1989 г.; 2) *постсоветские назначенцы*: главы российских регионов на начало 1992 г., большинство которых было назначены Б.Ельциным на свои посты сразу после путча; 3) *постсоветские избранники*: главы субъектов РФ на 1997 г., когда политическая система, созданная Ельциным, пришла в относительно стабильность; 4) *первый Путинский призыв*: главы субъектов Федерации на 03.2002 г.

Таблица 4. Рекрутация в элиту руководителей регионов в 1989—2002 гг.⁴³

	Главы субъектов Федерации			
	1989 г. n=159	1992 г. n=87	1997 г. n=88	2002 г. n=88
Средний год вхождения в элиту	1965	1978	1977	1980
Средний год начала работы руководителем региона	1986	1991	1993	1995

Продолжение таблицы 4

	Главы субъектов Федерации			
	1989 г. n=159	1992 г. n=87	1997 г. n=88	2002 г. n=88
Среднее число лет пребывания в элите до момента назначения/избрания главой региона	21	13	16	15
Среднее число лет пребывания на посту руководителя региона	3	1	4	6

В таблице 4 представлены данные о том, когда были инкорпорированы в элиту руководители регионов соответствующих годов. Подавляющее большинство губернаторов попали в элиту задолго до своего назначения главой региона. Они были опытными управленцами, проработав на руководящих постах более 10 лет. Только когорта Ельцинских назначенцев 1992 г. отличается от других групп относительно меньшим опытом работы. Ту же тенденцию демонстрирует и возрастная динамика региональной элиты: при Брежневем средний возраст регионального руководителя равнялся 59 годам, при Горбачеве — 52 годам, при Ельцине — 49 годам, при Путине — 54 годам. Рост среднего числа лет пребывания на посту руководителя региона после 1992 г. говорит о том, что обновление кадров произошло лишь в короткий период «революционных событий» 1991 г. и распада СССР.

Анализ политического бэкграунда четырех когорт региональной элиты 1989, 1992, 1997 и 2002 гг. показывает, что удельный вес советской номенклатуры остается до сих пор чрезвычайно высоким (см. таблицу 5).

Плавность убывания представителей советской номенклатуры от когорты к когорте свидетельствует о естественном ходе обновления, а вовсе не о приходе совершенно новой группы людей к власти в российских регионах. Отличие советской когорты от постсоветских лишь одно —

Таблица 5. Политический бэкграунд региональной элиты 1989—2002 гг.⁴⁵ (в %% к численности группы)

	Главы субъектов Федерации			
	1989 г. n=159	1992 г. n=87	1997 г. n=88	2002 г. n=88
Были в советской номенклатуре, в том числе работали:	100	78,2	72,7	65,9
В органах КПСС (чл.)	97,5	37,9	43	41
В органах ВЛКСМ	37,1	18,4	19	19
В советских органах	51,6	79,3	72	61

смена главной *корпорации-поставщика*: если в советское время ею была КПСС, то после 1991 г. региональная элита пополнялась главным образом «советскими работниками», то есть председателями территориальных исполкомов или председателями Советов народных депутатов соответствующих уровней. Это было обусловлено реформой 1988—1990 гг., когда по решению XIX партийной конференции первые секретари обкомов пересели в кресла председателей советов.

Рисунок 4. Места работы руководителей регионов на момент избрания

На рисунке 4 показано, как за период с 1989 по 2002 г. падала доля руководителей союзного уровня и росла доля руководителей местного уровня, что говорит о последовательном восхождении старой советской номенклатуры. Подъем на верхние позиции глав регионов происходил и за счет статусного перемещения в иерархии: значительную часть постсоветских губернаторов составляют те, кто ранее работал на постах заместителей руководителей того же уровня и в том же регионе. Однако основным направлением вверх идущей мобильности все же было повышение уровня власти и переход руководителя с городского или районного уровня на областной или краевой. На протяжении всех 12 лет и до сих пор костяк локальной элиты составляют руководители «регионального уровня», что является свидетельством устойчивости российского политического класса.

Итак, выборы не изменили принципиально состав региональной элиты. Конечно, среди вновь избранных губернаторов были такие новички, но все они были не избранными, а назначенными в период 1991—1992 гг., когда Б.Ельцин остро нуждался в преданных кадрах. Парадокс состоит в том, что *не выборы, а назначения* привели наверх новых людей.

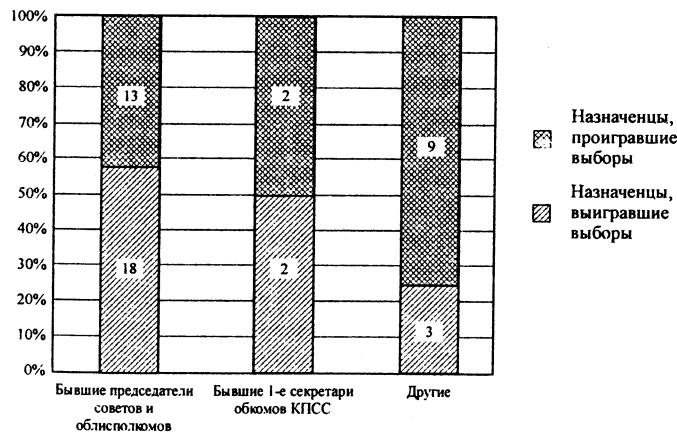

Рисунок 5. Назначенцы Б.Ельцина 1991—1992 гг. на выборах последующих лет⁴⁶

Всего за 1991—1992 гг. Б.Ельциным было назначено 70 глав регионов, 23 из них по разным причинам покинули свои посты (как правило, были отправлены в отставку самим президентом) и так и не баллотировались в губернаторы. Из тех 47 глав регионов, которые рискнули пойти на выборы, победили 23 чел., что составляет менее 50%. Причем среди победивших подавляющее большинство (87%) составляют бывшие номенклатурные работники, а среди проигравших — значительная доля (37,5%) тех, кто никогда не был в номенклатуре (см. рисунок 5).

Многие из ельцинских назначенцев первой волны не выдержали испытания выборами и проиграли их прежним первым секретарям и председателям исполкомов. К концу правления Ельцина у власти в регионах находилось 19 его назначенцев периода 1991—1992 гг., которые просидели в губернаторских креслах уже более 10 лет, а также 13 бывших секретарей обкомов партии.

Административный ресурс

Когда речь заходит о выборах, в России любят говорить об *административном ресурсе*. Исследования административного ресурса проводились Д.Орешкиным, который пришел к выводу, что в России сложились территории с «особой электоральной культурой», специфика которой заключается в существовании «управляемого электората», который ведет себя на выборах так, как хочется местной власти... Всем специалистам по избирательным проблемам России приходится признать тот факт, что некоторая (довольно значительная) доля российского электората принадлежит не «левым», «правым», «центристам» или «националистам», а прагматичным региональным начальникам. Последние распоряжаются своим «управляемым электоратом», как крупный акционер пакетом голосующих акций: могут поддержать эту команду, а могут и ту»⁴⁷. В.Гельман пишет, что правящим группировкам России после 1991 г. удалось подорвать основания политической конкуренции⁴⁸.

Наличие самого феномена административного ресурса признают не только ученые и журналисты, но и сами кремлевские чиновники. Так, в своем выступлении на расши-

ренном заседании Центризбиркома РФ 27 января 2000 г. тогдашний глава кремлевской администрации А.Волошин откровенничал: «Надо стремиться к тому, чтобы исключить *административный ресурс* из выборного процесса. Это будет способствовать возврату доверия избирателей к выборам»⁴⁹. Делая это заявление, руководитель кремлевской администрации тем самым признал не только наличие самого явления, но и то, что власть использует технику манипулирования общественным мнением.

Под *административным ресурсом* я буду понимать возможность манипулировать электоратом и результатами выборов, используя различные виды зависимостей политических игроков и населения от действующей власти. Подчас такое манипулирование связано с прямым нарушением закона (и тогда говорят о фальсификации результатов выборов). Обычно в таких случаях нарушается принцип избирательного равенства: один человек — один голос. Люди, облеченные властью, в условиях несформированной демократии, могут принести на алтарь победы кроме своего личного голоса еще и голоса своих подданных. На выборах происходит мобилизация всех ресурсов системы: финансовых, медийных, организационных. И понятно, что чем большими ресурсами обладает тот или иной человек, тем легче он может воздействовать на решения и действия других людей. Широкомасштабное давление на электорат с помощью СМИ, публикация «компроматов» и псевдорейтингов кандидатов, различные формы подкупа избирателей и шантаж руководителей предприятий с целью обеспечения нужного процента голосов, уголовное преследование неудобных, но популярных кандидатов — вот лишь немногие из методов, применяемых администрациями.

Выборы проходят в условиях сговора политических игроков, в числе которых — не только кандидаты и их партии, но и финансово-промышленные группы, правоохранительные органы, избирательные комиссии всех уровней. Но главными действующими лицами избирательной кампании становятся региональные руководители (в качестве главных *агитаторов* и *контролеров*) и председатели избиркомов (в качестве главных *механиков* процесса). Важную роль также играют *политтехнологи*, которые генерируют новые

виды воздействия на избирательный процесс. Гамма технологий постоянно расширяется, включая:

1) *юридические методы воздействия* (ограничения на этапе регистрации кандидата, возбуждение уголовных дел против *челенджеров*, имеющих опасные шансы на победу, придирки к собранным подписям в поддержку кандидата, обвинения в нарушениях правил предвыборной агитации и т.п.);

2) *медийные методы воздействия* (публичная агитация действующих руководителей в пользу нужных кандидатов, включение в агитационную работу руководителей всех рангов, а также преподавателей и школьных учителей; публикация заказных «рейтингов», внушающих, что у нужных кандидатов больше шансов на победу; очернение конкурентов в прессе; неравенство кандидатов в использовании эфирного времени; регистрация кандидатов с теми же фамилиями, что и у основных конкурентов («двойников») с целью запутать избирателей и проч.);

3) *экономические методы воздействия* (сознательное создание материальной, финансовой зависимости избирателей от их электорального поведения; шантаж руководителей трудовых коллективов с угрозой экономических санкций, если результаты голосования не будут удовлетворительными; оплата подписей, подарки избирателям, устройство лотерей по избирательным спискам и проч.).

Если бы *административный ресурс* был единственным фактором российских выборов в постсоветский период, тогда бы можно было без труда обнаружить следующие электоральные тенденции: *инкамбенты* всегда набирали бы больше голосов, чем *челенджеры*; у «кандидатов власти» была бы самая дешевая избирательная кампания; реальным соперникам «кандидатов власти» чинились бы всевозможные препятствия, вплоть до отстранения от выборов; для имитации альтернативности выборов *инкамбенты* постоянно использовали бы «дублеров» — кандидатов, находящихся в сговоре с инкамбентом и не имеющих шансов на победу.

Некоторые из этих утверждений можно проверить, анализируя электоральную статистику. В *таблице 6* собраны данные о том, каковы были шансы *инкамбентов* на губернаторских выборах за последние 10 лет.

Таблица 6. Выборы глав субъектов Федерации 1991—2002 гг.⁵⁰

Год выборов ⁵¹	Кол-во избранных глав регионов	В том числе:			Средний процент голосов, поданных:	
		Переизбранных глав исполнительной власти	Избранных глав законодательной власти	Доля победивших инкамбентов	За победивших кандидатов в целом	За инкамбентов
1991	9	1	5	11,1	65,1	63,8
1992	3	1	1	33,3	80,5	76,3
1993	12	1	2	8,3	60,3	61,8
1994	6	2	4	33,3	72,2	72,2
1995	15	11	2	73,3	60,2	61,5
1996	50	23	8	46,0	57,5	60,8
1997	17	9	2	52,9	62,7	70,0
1998	9	3	1	33,3	68,0	75,6
1999	13	10	0	76,9	60,6	61,0
2000	43	28	0	65,1	61,4	63,5
2001	14	7	2	50,0	60,6	65,0
2002	10	5	0	50,0	60,7	63,2
2003						

Как видно из приведенных данных, только в первые годы Ельцинского правления спикеры региональных парламентов составляли реальную конкуренцию действующим губернаторам. После 1994 г. губернаторы окончательно набрали силу, и период противостояния ветвей власти в большинстве регионов закончился. Далеко не всегда инкамбенты набирали голосов больше, нежели свободные кандидаты. Напротив, данные свидетельствуют, что до 1995 г. тенденция была обратной: население, недовольное Ельцинскими назначениями, голосовало против них. Период, когда

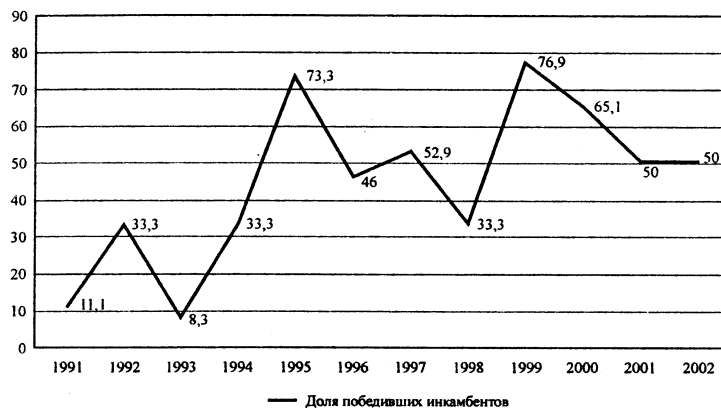

Рисунок 6. Доля инкамбентов, победивших на губернаторских выборах 1991—2002 гг.⁵²

действующая власть научилась побеждать на выборах, отнесится лишь к Путинскому периоду.

Д.Б.Орешкин отмечает, что в 2000—2002 гг. «устойчивость» инкамбентов сохранялась на уровне 67%, что «очень близко по уровню сменяемости губернаторов в США, где действующему губернатору удастся сохранить власть почти в 75 процентах случаев». Он делает вывод, что «одновременно с конкуренцией, очевидно, растет и способность региональных политиков консолидировать свои политические ресурсы»⁵³.

Часть губернаторов (43,7%) на своих вторых выборах получила голосов больше, чем на первых, а часть (47,9%) — меньше или примерно столько же (8,5%). 15 губернаторов проиграли свои вторые выборы, а 2 — третьи. В некоторые периоды (например, 1994—1995 гг.) процент переизбранных был довольно высок, в другие же годы (например, 1991—1993, 1996, 2000) наблюдался большой приток новых кадров. Губернаторы часто проигрывали выборы. Это происходило не столько из-за их недостаточной популярности, сколько под влиянием *федерального административного ресурса*, который был направлен против действующего губернатора. В случае противостояния центра и региона победа, как правило, оставалась за первым. Хотя известны

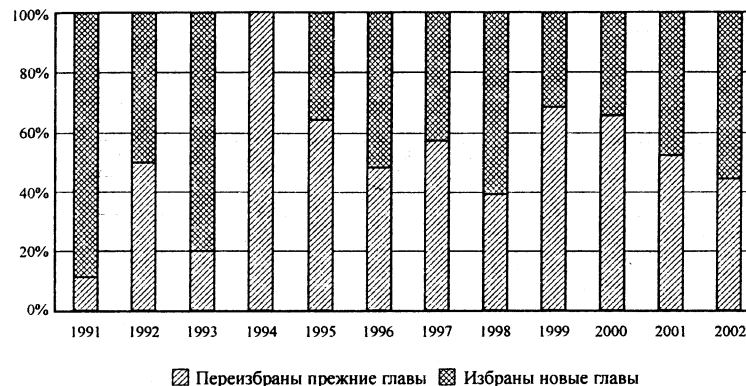

Рисунок 7. Динамика сменяемости глав исполнительной власти субъектов Российской Федерации в 1991—2002 гг.⁵⁴

случаи, когда, несмотря на весьма решительное противодействие центра на выборах, тем не менее побеждал неудобный Москве руководитель, пользующийся поддержкой населения (например, Николай Кондратенко в Краснодарском крае или Юрий Лодкин в Брянской области). Доля действующих губернаторов, проигрывающих выборы, постепенно снижалась. Так, если в цикле выборов 1995—1997 гг. губернаторы проиграли 43,9% выборов, то в цикле 1999—2001 — только 21,4%. Максимум успеха инкамбентов на выборах приходится на годы стабилизации региональных режимов, а годы их наименьших успехов соответствуют периодам смены одного поколения региональной элиты другим.

В новой России быстро сформировалась группа регионов с «сильными» лидерами, которые получали на выборах более 80% голосов (см. таблицу 7). Такие высокие показатели могут, конечно, быть следствием реальной популярности лидера в своем регионе, но чаще объясняются авторитарным характером власти.

В период правления Б.Ельцина важную роль на региональных выборах играл и такой фактор: губернатор не мог обеспечить убедительной победы кандидатов «партии власти» или самого президента РФ на вверенной ему террито-

Таблица 7. Рейтинг голосований за губернаторов, набравших более 90 процентов голосов⁵⁵

Год выборов	Фамилия главы региона	Регион	Процент голосов, полученных на выборах	Кол-во лет у власти
1996	Шаймиев М.	Республика Татарстан	97	7
1997	Коков В.	Кабардино-Балкарская Республика	99	7
1997	Строев Е.	Орловская область	94	12
1997	Тулесв А.	Кемеровская область	94	7
1998	Меркушкин Н.	Мордовия	91	3
1999	Прусак М.	Новгородская обл.	92	8
2000	Абрамович Р.	Чукотский АО	91	0
2000	Филипенко А.	ХМАО	91	11
2001	Строев Е.	Орловская область	92	16

рии. Территориальное управление президентской администрации того времени классифицировало регионы по их лояльности центру. Если губернатор обеспечивал нужный результат федеральных выборов, то центр поддерживал его на его собственных выборах, если же результат оказывался неудовлетворительным — тогда против действующего губернатора начиналась PR-кампания. Таким образом, губернаторы были поставлены в жесткие рамки зависимости их личной судьбы от того, какие результаты на выборах показывал его регион. Центральная власть в тот период не имела иного способа добиваться победы на выборах, как оказывать такого рода неправовое давление на глав территорий. Причем центр вовсе не скрывал, что проводит параллель между результатами голосований и дальнейшей поддержкой губернаторов. Эту классификацию регионов по степени их лояльности президенту открыто публикует Центризбирком РФ в своих изданиях⁵⁶.

Иногда организовать проигрыш действующего губернатора на выборах для федерального центра было почти невозможно. И тогда избирались обходные пути. Так, опасаясь очередной победы А.Руцкого в Курске, администрация президента начинает вести против него «юридическую войну»: 21 октября 2000 г. за 14 часов до выборов Курский областной суд объявляет о своем решении исключить А.Руцкого из числа кандидатов в губернаторы. Соперники Руцкого по избирательной кампании мэр Курска С.Мальцев и главный федеральный инспектор по Курской области В.Суржилов, обвинили губернатора в недостоверности декларированных доходов и имущества, а также в использовании в ходе предвыборной кампании служебного положения⁵⁷. Обвинения, которые были предъявлены А.Руцкому, гласили, что губернатор скрыл наличие у него автомобиля «Волга» и занизил площади своих квартир в Курске и Москве⁵⁸.

Подчас центр использовал более деликатные формы воздействия — договоренности, которые достигались между центром и руководителями регионов за закрытыми дверями. Так, приезд В.Путина в Казань накануне его выборов в 2000 г. и его личные встречи с М.Шаймиевым имели последствием то, что Татарстан дает один из самых высоких в стране показателей поддержки президента. Следствием визита Путина в Краснодар и встречи с губернатором Н.Кондратенко была утрата Г.Зюгановым лидерства в традиционно «красном» регионе⁵⁹.

Практически во всех регионах в начале 90-х годов сложился своеобразный треугольник власти, стороны которого представляли губернатор, спикер и мэр. Но это был не триумvirат, а ожесточенная борьба за власть, за ресурсы и контроль над территориями. Ельцинским назначенцам-демократам противостояли консервативно настроенные парламенты во главе с прокоммунистическими лидерами. Это противостояние походило на реальное разделение властей: столкновения между исполнительной и законодательной ветвями означали не только идеологические дебаты, но и взаимный контроль. Однако российская политическая элита воспринимала это не как систему сдержек и противовесов, а как беспорядок, мешающий «нор-

мальной работе». Региональные администрации делали все для того, чтобы восстановить утраченную монополию на власть. А для этого надо было научиться управлять выборами в местные законодательные собрания. Поэтому недостаточно было овладеть искусством побеждать на собственных выборах. Надо было реально влиять на формирование парламента. И эта задача была решена довольно быстро. К концу 90-х годов регионы, где спикеры были в оппозиции к губернаторам, стали исключением. Эту тенденцию отмечают ряд российских авторов, занимающихся проблемами регионального развития⁶⁰.

Выборы в местные законодательные собрания стали проходить по новому сценарию: губернатор и его администрация готовили список желательных кандидатов и затем, используя административный ресурс, способствовали их избранию депутатами. Так, на выборах в законодательное собрание Вологодской области, состоявшихся 22 марта 1998 г., из 15 победивших депутатов 12 были «людьми из губернаторского списка»; в Мурманской области на выборах в областную Думу 7 декабря 1997 г. прошли все 14 кандидатов из «губернаторского списка»; в Новгородской области из победивших 26 депутатов 24 были «людьми из списка губернатора Прусака»; в Самарской области все победившие 25 депутатов были губернаторскими креатурами; в Саратовской области люди губернатора составили 94% вновь избранного состава Думы⁶¹. Аналитики администрации президента РФ прямо писали о ситуации на выборах законодательного собрания Ульяновской области в ноябре 1995 г.: «Законодательное собрание представляет собой в значительной степени необходимый придаток к исполнительной власти, сформированный губернатором Ю.Горячевым в целях лучшей управляемости региона. Отсутствие самостоятельной позиции у подавляющего большинства депутатов объясняется их социально-профессиональным статусом и проталкиванием кандидатов в депутаты исполнительными структурами»⁶².

Такие меры, предпринятые губернаторами для восстановления своего полномочия, привели к тому, что спикеры перестали представлять угрозу на выборах в большинстве регионов. А региональные парламенты наполнились

представителями политического класса и руководителями предприятий, избирательные кампании которых проходили гораздо более эффективно, чем у «простых людей» (см. таблицу 8).

Таблица 8. Участие в выборах в законодательные органы власти субъектов Российской Федерации представителей законодательной и исполнительной власти, работников общественных организаций и основных сфер деятельности⁶⁴

	Число зарегистрированных кандидатов (чсл.)	Число действующих кандидатов (чсл.)	Эффективность участия кандидатов в выборах (%)
Главы администраций городов и районов	516	332	64,34
Депутаты законодательных органов государственной власти	788	344	43,65
Работники исполнительных органов власти субъектов РФ	487	130	26,69
Работники производственной сферы	4120	944	22,91
Работники непроизводственной сферы	5853	850	14,52
Работники общественных организаций, партий и движений	764	72	9,42

Таким образом, не только губернаторский корпус, но и законодательные собрания регионов формировались в Ельцинский период из двух основных групп: руководителей региональной исполнительной власти различного уровня и директоров промышленных и сельскохозяйственных предприятий. Эта тенденция постоянно укреплялась: избиратели отдавали предпочтение крупным хозяйственникам, бизнесменам или чиновникам. К числу факторов, повлиявших на это, надо отнести более профессиональное ведение из-

бирательной кампании кандидатами от бизнеса и власти, широким привлечением финансовых и административных ресурсов. По итогам выборов 1997—1998 гг., представители директорского корпуса, промышленной и финансовой элиты получили 80% депутатских мандатов в Пермской области, около 70% — в Смоленской области, около 60% — в Пензенской, Тамбовской и Томской областях⁶³.

Эта тенденция была бы не так опасна, если бы наряду с проникновением в депутатский корпус чиновничества и директората в нем присутствовали и представители других групп населения — молодежи, пенсионеров, работников социальной сферы, деятели науки, культуры, образования, здравоохранения, рабочих и крестьян. Однако эти группы представлены совсем незначительно.

Итак, проанализировав инкорпорацию в элиту с использованием механизма региональных выборов, можно сделать следующие выводы: выборы в новой России стали механизмом, который закрепил лидирующее положение политического класса. Конкуренция на региональных выборах если и происходила, то только между членами элиты, главным образом между действующими главами парламента, региональной и городской администраций. В спор чиновников могли вмешаться с хорошими шансами на победу только представители местных деловых кругов. Несмотря на обновление персонального состава губернаторского корпуса, его структурные характеристики почти не изменились. Региональная элита как была, так и осталась непроницаема для *разночинцев*, которые могли попасть на высокие посты исключительно благодаря назначениям из центра, но не путем выборов. Выборный механизм выносил на высшие этажи региональной власти представителей старого политического класса. Демократические альтернативные выборы, призванные расширить доступ к власти для всех слоев населения, в регионах сыграли иную роль — они практически прекратили доступ в элиту представителям незлитарных слоев: рабочие, крестьяне, специалисты стали почти полностью отрезанными от власти.

2.3. Реформация федеральной элиты

А что принесли выборы федеральной власти? Происходили здесь те же процессы, что и в регионах, или в центре тенденции инкорпорации были иными? Для рассмотрения социального бэкграунда выборной части федеральной элиты мы выбрали три состава парламента: Верховный Совет РСФСР 1991 г. — первый представительный орган новой России; Федеральное Собрание 1993 г., сформированное согласно новой Конституции России, и Федеральное Собрание 1999 г. — последний парламент, избранный при президенте Б.Ельцине (см. таблицу 9).

Таблица 9. Инкорпорация в элиту для депутатов 1991—2002 гг.⁶⁵

	ВС РСФСР 1991 (n=251)	Гос. Дума 1993 (n=450)	Совет Федерации 1993 (n=178)	Гос. Дума 1999 (n=448)	Совет Федерации 2002 (n=168)
Средний возраст входа в элиту (лет)	41,2	41,6	40,5	41,6	39,6
Средний год входа в элиту	1986	1990	1986	1993	1991
Вошли в элиту:	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
- в 1991 г. или ранее (%)	100,0	39,1	57,3	24,6	38,1
- в 1992-1999 (%)	—	60,9	42,7	75,4	21,4
- после 2000 г. (%)	—	—	—	—	40,5

Мы сознательно не взяли для рассмотрения Федеральное Собрание избрания 1995 г., так как его верхняя палата формировалась не путем выборов, а путем делегирования глав региональных органов исполнительной и законодательной власти. Поскольку нас интересовали выборные механизмы прихода во власть, то вместо Совета Федерации 1999 г., который формировался также по должностному признаку,

мы взяли за рассмотрение состав верхней палаты, сформированный на основе новых принципов, который сложился к февралю 2002 г.

Как видим, доля депутатов, инкорпорированных в элиту еще в советское время, год от года уменьшалась. Резкий скачок произошел на выборах 1993 г., где номенклатурщики были представлены уже слабо. Одной из основных причин этого было то, что представители старой власти и не пытались баллотироваться, так как для них главной полем сражения лежало вдали от парламентских баталий. Сохраняя советское видение, они боролись за доступ к исполнительной власти, в руках которой находились все реальные властные ресурсы.

Приток новых кадров «разночинцев» в элиту начался еще в СССР в 1989 году, когда проходили выборы народных депутатов. Этот процесс продолжился в 1990 г., когда формировался депутатский корпус РСФСР. Тогда в состав Верховного Совета республики прошли только 33,2% тех, кто работал в советских органах власти. Структурное обновление на две трети было чрезвычайно важным. Именно тогда российский парламент стал «кадровой лабораторией». Рост удельного веса в Государственной Думе людей, никогда не принадлежавших к советской номенклатуре, был вызван естественными причинами смены поколений. Никаких резких, а тем более революционных скачков в составе парламентской элиты не наблюдалось. Напротив, очевидна преемственность депутатского корпуса: так, в составе Думы 1993 г. 16% депутатов были избраны народными депутатами СССР в 1989 или РСФСР в 1990 г. Среди членов Совета Федерации 1993 г. таких было также 16%. Существенные сдвиги в составе депутатского корпуса произошли только между 1991 и 1993 гг. и коснулись 60% депутатского корпуса.

Зададимся теперь вопросом: откуда приходили в элиту люди, составившие впоследствии депутатский корпус? Проанализируем, как менялся их стартовый социальный статус, какие социальные группы явились основными поставщиками элиты в исследуемый период?

Из данных, приведенных в *таблице 10*, видно, что основными поставщиками элиты в 1991 г. были интеллиген-

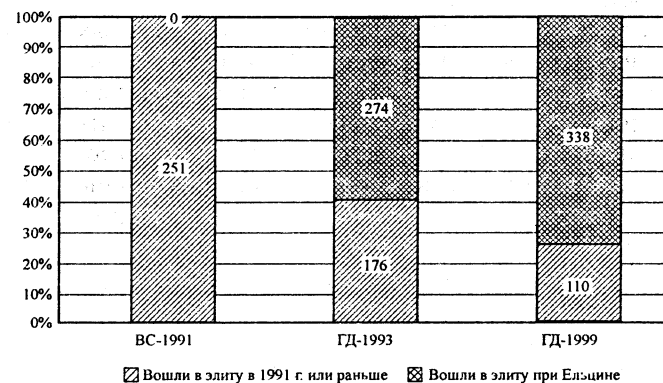

Рисунок 8. Преемственность в формировании депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ

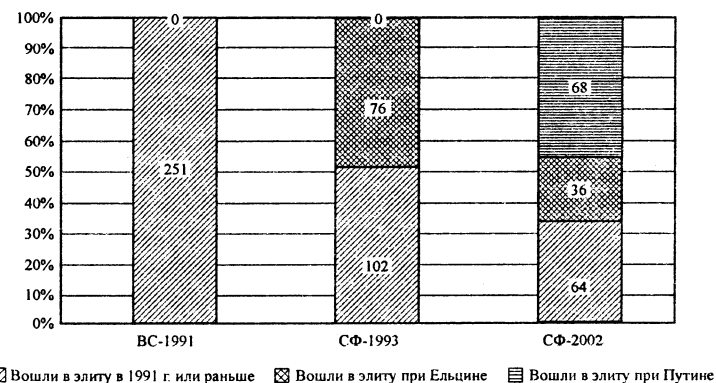

Рисунок 9. Преемственность в формировании депутатов Совета Федерации Федерального Собрания РФ

Таблица 10. Рекрутация в элиту депутатов представительных органов власти 1991—2002 гг. В %% к численности группы⁶⁶

	ВС РСФСР 1991 (n=251)	Гос. Дума 1993 (n=450)	Совет Федерации 1993 (n=178)	Гос. Дума 1999 (n=448)	Совет Федерации 2002 (n=168)
1. Рабочие, крестьяне	7,9	4,4	2,4	6,2	3,0
2. Представители интеллигенции	53,5	37,2	31,8	28,1	22,4
3. Учащиеся вузов, техникумов	4,6	2,3	5,3	1,4	3,6
4. Парторги, комсорги	4,6	1,9	2,9	4,3	4,2
5. Хозяйственные руководители	12,9	12,3	32,4	10,7	16,4
6. Руководители НИИ, КБ, вузов	1,2	4,4	3,5	4,5	3,0
7. Сотрудники министерств	6,2	4,9	0,6	1,9	6,7
8. Руководители СМИ	1,7	2,1	0,0	0,5	0,0
9. Руководители и сотрудники негосударственных организаций	0,4	2,3	0,6	4,1	0,6
10. Сотрудники региональных администраций	1,7	4,2	7,6	6,2	10,9
11. Руководители партий (не КПСС)	0,0	6,7	2,3	3,5	2,4
12. Военные и офицеры безопасности	4,1	5,3	1,8	8,8	10,3
13. Сотрудники правоохранительных органов	1,2	2,2	2,3	1,9	1,8
14. Бизнесмены	0,0	9,8	6,5	17,9	14,7

ция (53,5%) и хозяйственные руководители (около 13%). В переходный период ельцинского правления социальные группы — поставщики элитных кадров меняли свое значение: роль некоторых падала (рабочих, крестьян, интеллигенции, хозяйственных руководителей, сотрудников министерств и ведомств). Значение других, напротив, возросло: региональных администраций, сотрудников силовых и правоохранительных ведомств, а особенно бизнесменов (см. таблицу 10). Это объясняется рядом причин. Во-первых, тем, что в новой России элита стала более специализированной, и хозяйственные руководители, сотрудники министерств и ведомств теперь не рвались стать парламентариями, а делали правительственную карьеру. Постепенно *парламентская и правительственная карьеры стали двумя различными путями канализации наверх*, что было не так для советской элиты, где парламентский мандат был сопутствующим атрибутом номенклатурного статуса. В советское время действовал *кумулятивный принцип*, когда основная должность «обвешивалась» дополнительными почетными званиями, привилегиями, депутатством, так что внутри одной должностной группы возникла дифференциация статусов. Теперь же элита разделилась по типам карьер, и парламентарии приобретали багаж опыта избирательных кампаний разного уровня и разных созывов. Возникла новая профессиональная группа внутри элиты — «избираемые чиновники», статус которых был зафиксирован в 1995 г. в законе «Об основах государственной службы Российской Федерации» в виде государственных должностей группы «А»⁶⁷.

Во-вторых, при отсутствии принудительной мобильности, характерной для советского общества, слабые социальные группы, такие как рабочие и крестьяне, были почти полностью вытеснены из политического поля и заменены более сильными группами — например, бизнесменами, представительство которых в парламентской элите увеличилось в 17 раз (для нижней палаты) и в 15 раз (для верхней). К группам с растущими перспективами теперь относились региональное чиновничество (поставки элитных кадров в парламент здесь увеличились соответственно в 4 и в 6 раз), и силовики (увеличение в 2 раза).

Вход в элиту для будущих парламентариев осуществлялся по-разному в зависимости от того, происходил он в советское или в постсоветское время. В советское время (до 1991 г. включительно) в элиту пришло 48% парламентариев 1993 года избрания, и 31% парламентариев 1999 года избрания. Причем верхняя палата парламента всегда была более консервативной в том смысле, что аккумулировала в себе большее число представителей старой советской элиты (см. таблицу 11).

Таблица 11. Входные корпорации для тех, кто инкорпорирован в элиту до 1991 г. (в %) ⁶⁹

Входные корпорации для советской элиты	ВС РСФСР 1991 (n=244)	Гос. Дума 1993 (n=167)	Совет Федерации 1993 (n=107)	Гос. Дума 1999 (n=144)	Совет Федерации 2002 (n=71)
Всего вошедших в элиту до 1991 г. (в % к общей численности группы), в том числе из:	97,2	37,1	60,1	32,0	39,9
КПСС	17,6	19,2	29,9	36,1	40,8
ВЛКСМ	8,6	17,4	15,9	27,1	33,8
Правительства	1,2	8,9	2,8	8,3	7,1
Советов народных депутатов	3,2	12,0	25,2	9,0	14,1
Съездов народных депутатов СССР-1989 и РСФСР-1990	69,4	42,5	26,2	19,4	4,2
ИТОГО	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Действительно радикальное изменение характера инкорпорации элиты произошло в 1991 г., когда Б.Ельцин, придя к власти, остро нуждался в большом количестве верных людей. Возник кадровый вакуум, и Ельцин решил воспользоваться теми людьми, которые его поддерживали на Съезде народных депутатов СССР 1989 г. и в Верховном Совете

РСФСР 1990 г. Эти новые депутаты, часть которых вовсе не была связана с властными структурами советского времени, составили почти 70% Ельцинского призыва. Далее удельный вес этих людей в парламенте падал, но окончательно их влияние сошло на нет только с уходом Б.Ельцина со своего поста.

Заметим и еще одну особенность: если в начале 90-х годов доля партийных и комсомольских функционеров падала, то затем их удельный вес среди депутатов обеих палат вновь вырос почти до 40%. По прошествии 10 лет с момента коллапса советской власти причастность к номенклатуре перестала быть пятном на политической карьере, а напротив, стала украшением биографии кандидата на выборах.

Перейдем к анализу данных, показывающих основных поставщиков политической элиты после 1991 г. (см. таблицу 12).

Таблица 12. Входные корпорации для тех, кто инкорпорирован в элиту после 1991 г. (в %)

Входные корпорации для пост-советской элиты	Гос. Дума 1993 (n=259)	Совет Федерации 1993 (n=66)	Гос. Дума 1999 (n=286)	Совет Федерации 2002 (n=94)
Всего вошедших в элиту после 1991 г. (в % к общей численности группы), в том числе из:	62,9	39,9	68,0	60,1
Федерального парламента	87,6	48,6	76,2	51,1
Региональных парламентам	7,7	34,8	12,2	18,1
Правительственных структур	1,2	1,5	3,5	9,6
Администрации президента РФ	0,4	1,5	1,1	6,4
Региональных администраций	3,1	13,6	7,0	14,8
ИТОГО	100,0	100,0	100,0	100,0

Подавляющее большинство кадров рекрутировалось из парламентов всех уровней новой политической системы. Исключение составляют депутаты верхней палаты парламента, среди которых значительную часть (около 15%) составляли сотрудники региональных администраций. Это еще одно подтверждение тому, что карьера парламентария становится самостоятельной и значительная часть нового политического класса теперь формируется именно с помощью выборов. Эта группа элиты приобретает специфический электоральный опыт, отлаживает технологию достижения победы, обрастает группами профессиональных политтехнологов, которые обеспечивают успешный ход избирательной кампании. Однако говорить о независимости парламентариев от исполнительной власти пока преждевременно, так как успех их политической карьеры зачастую непосредственно связан с поддержкой бюрократии.

К 1993 г. уже отчетливо сформировались пути в новую российскую элиту. Для той части элиты, которая составила костяк депутатского корпуса при Б.Ельцине, основной была парламентская карьера: 33% от всей численности депутатского корпуса попали в элиту через Государственную Думу, а 6,2 % — через Совет Федерации; 18,4% были избраны народными депутатами РСФСР 1990 г., а 2,3% — народными депутатами СССР 1989 г.; еще 5% пришли в элиту через региональные парламенты. Для депутатов Госдумы и Совета Федерации путь наверх был различным: для первых наиболее типичной была чисто парламентская карьера, а для вторых рекрутация в элиту происходила через советско-партийную номенклатуру. Правительственный тип восхождения прошли лишь 2,4% парламентариев. Характерно, что вход в элиту осуществлялся главным образом через низовые должности федерального, а не регионального уровня: практически для всех парламентских групп именно эта входная позиция была преобладающей.

Изучая инкорпорацию, я обнаружила, что существовали *высокий* и *низкий* входы в элиту. *Высокий вход* подразумевал скачок сразу на руководящие посты людей, достигших больших высот в своей основной профессии. Такой путь совершали крупные хозяйственные руководители, академики или главные редакторы центральных СМИ, началь-

Таблица 13. Входные группы при инкорпорации парламентской элиты 1991—2002 гг.⁷⁰

Входные группы элиты	ВС РСФСР 1991 (n=185)	Гос. Дума 1993 (n=435)	Совет Федерации 1993 (n=168)	Гос. Дума 1999 (n=432)	Совет Федерации 2002 (n=156)
Первые лица федерального уровня	0	2,5	0	1,9	0,6
Непервые лица федерального уровня	91,9	70,1	36,9	61,3	42,3
Первые лица регионального уровня	4,3	6,0	39,9	9,9	19,9
Непервые лица регионального уровня	3,8	21,4	23,2	26,9	37,2
ИТОГО	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

ники главков министерств, дипломаты. Переходя во власть, они сразу становились первыми лицами или занимали ключевые посты в Кремле и на Старой площади.

Низкий вход в элиту был связан с рекрутацией молодых специалистов на низшие должности бюрократического аппарата и их дальнейшим ростом внутри элитной корпорации. В советское время существовал также особый тип входа, связанный с тем, что освобожденные комсомольские и партийные работники занимали сразу высокие позиции в элите. Такой тип входа можно назвать *буферным*. Кроме этого существует и *специальный* вход в элиту, связанный с мобилизацией во власть военных и офицеров спецслужб. Такой старт не может быть отнесен ни к высокому, ни к низкому, так как чаще всего он означал вход на «средние» позиции (как правило, заместителей руководителей самого разного профиля и уровня). Элита рекрутировала кадры на все этажи власти, одновременно на все уровни своей иерархии, хотя пропорции таких типов инкорпорации были, конечно же, различны.

2.4. Выборы и партии

Приход к власти с помощью выборов невозможен без создания специальных структур, которые работали бы на победу. Такими структурами во всех выборных демократиях являются политические партии.

После запрета КПСС в 1991 г. в России была разрушена однопартийная система. Страна лишилась партии, которая пронизывала собой все социальные группы, поколения и территории. Однопартийная система авторитарного советского режима постоянно создавала «кадровый резерв»: искала перспективных для системы молодых людей в самых нижних этажах общественной иерархии, воспитывала и образовывала по своим стандартам и канализировала их наверх. Крах КПСС означал не просто смерть одного из политических институтов. Это был коллапс всей системы власти, стержнем которой являлась тоталитарная партия. После 1991 г. страна осталась без партий и общественных организаций, способных заниматься формированием представительных органов власти. Необходимо было создание новых избирательных машин.

Партии нужны были верховной власти, так как мажоритарная система выборов таила в себе целый ряд опасностей. Ведь такой порядок голосования передал бы контроль над выборами в руки региональной элиты. Это привело бы также к образованию группы нелояльных политиков внутри парламента. Поскольку отказываться от выборов было невозможно по целому ряду причин (как внешнеполитического, так и внутреннего порядка), необходимо было думать о создании новой партийной системы. В связи со слабостью партий того времени избирательная система не могла быть ни полностью пропорциональной, ни полностью мажоритарной. Поэтому была избрана смешанная система, при которой сочетались элементы территориально-го и партийного представительства.

Изучению политических партий посвящена обширная литература⁷¹. Классификацию партий предлагали М.Вебер,

Р.Михельс, М.Дюверже, А. де Токвиль и многие другие. М.Дюверже выделял партии «кадровые» и «массовые», понимая под первыми «партии влиятельных лиц», а под вторыми — «партии, стремящиеся привлечь в свои ряды как можно больше членов»; партии прямого членства и партии косвенного членства; тоталитарные партии и специализированные партии⁷². М.Вебер выделял партии бюрократические и харизматические⁷³. Я вслед за М.Вебером буду называть *бюрократическими* такие партии, создание которых инициировано бюрократией. Если же создание партии инициировалось субъектами гражданского общества, то эти партии я назову *народными* (они могут быть массовыми или нет). *Бюрократические партии* создавались представителями власти с использованием административных, политических и финансовых и иных ресурсов государства. Для России этот тип партий надо разделить на две группы: 1) инициированные верховной властью и 2) инициированные другими субъектами политического процесса. Первые мы будем называть *партиями власти*, а другие — *партиями элиты*.

По тому, каким образом партии мобилизуют свой электорат, можно выделять партии *идеологические* и *лидерские* (или *харизматические*).

Идеологические партии привлекают сторонников четкой артикуляцией своих стратегических целей. Типичными представителями идеологических партий надо считать Компартию РФ (КПРФ), «Яблоко» и «Союз правых сил» (занимающие демократический фланг).

Как это ни парадоксально, в России получили широкое распространение партии, не имеющие идеологии или провозглашающие ценности, которых сами они не придерживаются. Наиболее характерным примером такого рода является Либерально-демократическая партия России, призывы которой находятся далеко от либерально-демократических идеалов. Ее главным козырем является не идеология, а харизматическая фигура ее лидера В.Жириновского. Другим примером партии без идеологии является партия «Единство», созданная к парламентским выборам 1999 г. (после 2002 г. — «Единая Россия»). Здесь ключевым брендом стал сам президент В.Путин, для поддержки которого партия и была создана.

Российские партии можно также разделить на *парламентские* (то есть преодолевшие 5-процентный барьер и сформировавшие фракции в Государственной Думе) и *непарламентские*. За всю историю российской многопартийной системы статус парламентских имели 12 партий (см. таблицу 14) из 49, зарегистрированных на 01.2003 г.

Таблица 14. Партии России на выборах 1993—2003 гг.⁷⁴
(процент голосов, полученных на выборах)

Парламентские партии	Выборы 1993 г.	Выборы 1995 г.	Выборы 1999 г.	Выборы 2003 г.
«Выбор России» / «Дем. выбор России» / СПС	15,51	3,86	8,52	3,97
ПРЕС	6,73	0,36	-	-
НДР	-	10,13	1,19	-
«Единство» / «Единая Россия»	-	-	23,32	37,57
КПРФ	12,40	22,30	24,29	12,61
ЛДПР	22,90	11,18	5,98	11,45
«Яблоко»	7,86	6,89	5,93	4,30
Аграрная партия	7,99	3,87	-	3,64
ДПР	5,52	-	-	-
«Женщины России»	8,13	4,61	2,04	-
ОВР	-	-	13,33	-
«Родина»	-	-	-	9,02

Российская политическая система построена таким образом, что реальный вес и влияние имеют только парламентские партии. Все прочие политические организации создаются с целью победить на конкретных выборах и в случае неудачи практически прекращают свою деятельность, числясь лишь на бумаге. Каждый выборный цикл в России начинался с создания новых партий, которые пытались включиться в избирательную гонку. Часть партий погибала, не сумев даже пройти регистрацию в Централь-

ной избирательной комиссии, часть — прекращала свою деятельность после неудачи на выборах. Незрелость партийной системы была причиной того, что партии в России, по сути дела, не являлись и не являются элементами гражданского общества, но функционируют исключительно как избирательные машины, приспособленные для того, чтобы приобретать элитный статус для своих лидеров.

По численности партии делятся на *массовые* и *локальные*. К парламентским выборам 1993 г. в стране существовала только одна массовая партия — КПРФ, ставшая наследницей КПСС. Ни одна другая партия не имела разветвленной инфраструктуры и сети партийных ячеек, персонального членства, строгой дисциплины и сложившихся традиций. Из-за крайней узости охвата рожденные в московских кабинетах партии прозвали «партиями Садового кольца». Партии, создаваемые снизу, также были локализованы ограниченной территорией и практически не имели общероссийского влияния.

Российские партии власти

Партиями власти в России стали называть избирательные блоки, созданные при поддержке Кремля для того, чтобы организовать в парламенте фракции, являющиеся базой верховной власти. В.Меркель и А.Круассан пишут о том, что развитие института партий власти стало «дефектом демократии», серьезным ограничением для участия в выборах представителей гражданского общества. По их мнению, *партии власти* противоречат принципам либеральной демократии⁷⁵. Я буду обозначать этим понятием *избирательные машины для обеспечения представительства исполнительной власти в структурах власти представительной*.

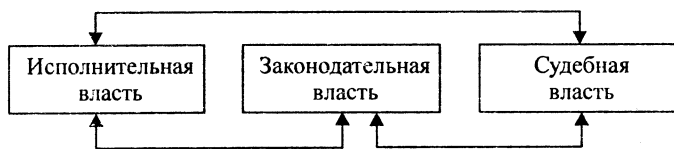
На первых российских парламентских выборах в 1993 г. сразу две российские политические организации — «Выбор России» под руководством Е.Гайдара и Партия российского единства и согласия (ПРЕС) под руководством С.Шахрая — претендовали на статус *партии власти*. Первая была создана в 1993 г., и ее лидеры считали, что именно они привели Б.Ельцина к власти в 1991 г. ПРЕС была

создана непосредственно в канун выборов и не требовала благодарности от президента.

Между двумя партиями возникла конкуренция, силы элиты оказались расплывены, и результат оказался неудовлетворительным: на выборах 1993 г. блок *партий власти* («Выбор России» и ПРЕС) получил в сумме 22,2% голосов и не имел большинства. Партии власти организовали две парламентские фракции, располагающие 104 голосами депутатов, а две левые фракции (коммунисты и аграрии) получили 99 мест⁷⁶. В 1995 г. ситуация усугубилась: *партия власти* (НДР) набрала 9,9% голосов, а левые партии (КПРФ, «Трудовая Россия», аграрная партия, «Власть — народу!») — 32,2%⁷⁷. Таким образом, Кремль имел поддержку лишь 55 депутатов, а блок левых — 186⁷⁸.

Проблема популярности коммунистов на выборах была постоянной головной болью Кремля вплоть до 1999 г., когда пропрезидентские структуры наконец-то смогли получить большинство в нижней палате. До этого все усилия верховной власти взять под контроль парламент успеха не приносили. Именно во время президентства Б.Ельцина сложилась политическая система, хотя бы отчасти воспроизводящая принцип разделения властей (см. *рисунок 11*).

А. Взаимодействие ветвей власти в демократическом обществе

Б. Взаимодействие ветвей власти в СССР

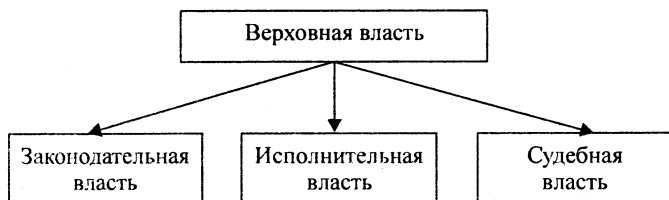
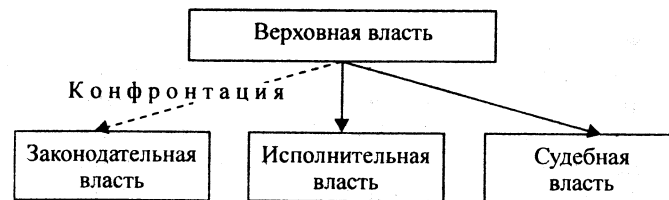
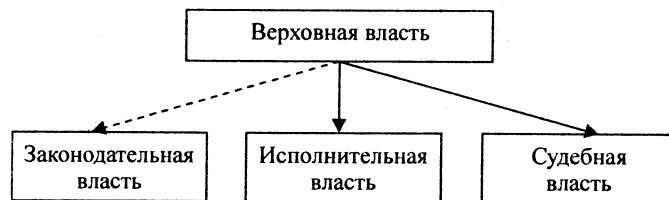

Рисунок 11. Модели взаимодействия ветвей власти

В. Взаимодействие ветвей власти в России при Б.Ельцине

Г. Взаимодействие ветвей власти в России при В.Путине

Продолжение рисунка 11

В 90-е годы власть в России только начала двигаться к формированию системы сдержек и противовесов, которая привела не к паритету исполнительной, законодательной и судебной ветвей, а к такому видоизменению всей модели, при котором верховная власть утратила свою монополию, выпустив из-под контроля парламент. Возник конфликт между ветвями власти, смысл которого сводился к столкновению двух политических корпораций за решающую роль в процессе передела власти и собственности.

Российские *партии власти* переживали несколько этапов своего становления: рождение, организационное оформление, политический закат. В период правления Ельцина, когда элита была расколота и верховная власть не имела достаточной политической воли и ресурсов для ее консолидации, каждые выборы сопровождались некоторой неразберихой в стане элиты. Уже существующая партия власти вдруг обнаруживала, что у нее появился конкурент — новая организация, созданная Кремлем для участия в выборах. Этот сценарий повторялся на выборах 1993, 1995, 1999 гг. На каждые выборы верховная власть приходила как

минимум с двумя партиями власти, одна из которых возникла раньше и считала, что именно она — главный игрок на выборах. Вторая партия создавалась позднее, причем лидеры первой не знали, что теперь им отводится второстепенная роль. Это порождало хаос в предвыборной борьбе, который только наивный наблюдатель мог принять за тонко продуманную тактику. Несогласованность действий власти регулярно приводила к потере голосов и к внутренним конфликтам.

На выборах 1993 г. роль старой партии власти играл «Выбор России», руководимый Е. Гайдаром, а новой — Партия российского единства и согласия во главе с советником президента С. Шахраем. В 1995 г. на базе «Выбора России» был создан избирательный блок «Демократический выбор России», который пытался оставить за собой право на звание партии власти, но уступил его вновь созданной НДР премьера В. Черномырдина. В свою очередь, НДР на выборах 1999 г. также силилась исполнить почетную роль, но была потеснена вновь созданным «Единством» — партией, лидером которой стал министр С. Шойгу. Как показано в таблице 14, только на выборах 1993 г. обе партии власти преодолели пятипроцентный рубеж, в последующие годы старая партия власти неизменно терпела поражение. Это, по мнению элиты, свидетельствовало об организационной слабости самой верховной власти. Только на выборах 1999 г. власть отчетливо артикулировала расстановку сил: статус партии власти был присвоен лишь одной политической партии — «Единству», которая и набрала беспрецедентное количество голосов избирателей и получила сильную фракцию в парламенте. Это сразу же изменило политический пейзаж и положение других партий, большинство из которых уже имело парламентский опыт и сформированный электорат.

Хотя именно на выборах 1999 г. борьба между партиями элиты была особенно ожесточенной. Наиболее остро шла конкуренция между блоками «Отечество», «Вся Россия» и «Единство». Не получая сигнала от кремлевских структур по поводу того, какая партия будет представлять центральную власть, влиятельные политики Ю. Лужков и Е. Прима-

ков решили образовать собственный блок «Отечество». Идея была поддержана рядом губернаторов, которые хотели встать под знамена президента, вступив в объединение «Вся Россия». За полгода перед выборами эти две структуры объединились в блок «Отечество — вся Россия» (ОВР), и популярность их лидеров стала расти так стремительно, что это вызвало ревность президента. Недопонимание породило подозрения, которые переросли в ожесточенную схватку между политиками федерального уровня. Это было обусловлено состоянием Б. Ельцина, который видел в каждом набирающем популярность политике своего потенциального врага, замышляющего лишить его власти. Кампания 1999 г. вошла в политическую историю России как беспрецедентно грязная, с использованием самых жестких форм прессинга, угроз и клеветы.

Если в первые годы своего президентства Б. Ельцин отпускал тормоза, не просчитывая всех последствий, то к концу 90-х он обнаружил, что потерял контроль над важнейшими сегментами государства. Выборы не только лишили верховную власть возможности полностью контролировать кадровую мобильность, но и сделали президента зависимым от средств массовой информации и политтехнологов. В 90-е годы СМИ вышли из зоны контроля Кремля, и огромное влияние получили медиамагнаты, ставшие ключевыми фигурами избирательного процесса. Власть мучительно училась побеждать на выборах, оступаясь, делая ошибки и подчас проигрывая.

Партийная карусель прекратила свое круговращение только с приходом к власти В. Путина, который упорядочил избирательный процесс. Элите были даны четкие сигналы, кто на этот раз будет исполнять роль первой скрипки на выборах.

Партии элиты

Кроме партий власти элитой образовывались многочисленные политические структуры. Инициация исходила чаще всего от бывших (а подчас и действующих) высокопоставленных чиновников. Так, партия «Яблоко» была создана

бывшим вице-премьером правительства РСФСР Г.Явлинским, «Союз правых сил» — бывшим вице-премьером российского правительства Б.Немцовым, бывшим первым заместителем председателя правительства Е.Гайдаром, бывшим членом правительства И.Хакамадой, бывшим руководителем администрации президента и вице-премьером А.Чубайсом. Создавали свои партии и другие известные политики — министры С.Глазьев, Н.Травкин, Ю.Скоков, спикер В.Шумейко, секретарь Совбеза А.Лебедь и многие другие. Практически весь политический спектр России 90-х гг. был представлен партиями элиты. Эти политические организации не были партиями в полном смысле этого слова, так как они не имели широкой базы поддержки среди населения. Это были партии элиты.

Региональная элита участвовала в становлении многопартийности проходил по одному по своему. Первый путь партийного строительства предполагал создание партий, инициированных местной администрацией, причем зачастую губернатор способствовал укреплению структур, которые на первый взгляд находились в оппозиции к местной власти. Так, ряд лояльных президенту губернаторов способствовали укреплению отделений КПРФ, поддерживая тесную связь с их руководителями и полностью контролируя деятельность оппозиции. В ходе исследований «Политические партии и центры влияния России» (1992—1993) и «Формирование региональной элиты России» (1995—2000) я не раз фиксировала тесные неформальные контакты между местными властями и лидерами оппозиции. Например, бывший глава администрации Тюменской области Л.Рокецкий с гордостью демонстрировал свою дружбу с бывшим первым секретарем Тюменского ОК КПСС, а ныне лидером регионального отделения КПРФ Г.Богомыковым. В регионе, который имел репутацию «демократического», губернатор согласовывал все действия коммунистов, конструируя политическую интригу в своих интересах. В конце 90-х годов большинство региональных руководителей утверждало, что на их территориях нет политических партий, имея в виду, что эти структуры или не имеют никакого веса, или полностью подконтрольны администрации.

Был и другой сценарий: партийное строительство шло за счет «инициативников», которые представляли собой в начале 90-х годов группу амбициозных маргиналов, готовых «продаться» московским лидерам вне зависимости от собственных политических предпочтений. Я нередко наблюдала такую картину: приезжая в регион в первый раз, можно было вступить в контакт с группой местных активистов, которые утверждали, что они представляют, скажем, региональное отделение партии «Яблоко». В мой второй визит через год эти же люди представлялись активистами ЛДПР. Такой переход объяснялся просто: «яблочниками» региональные активисты становились вскоре после визита в их город Г.Явлинского, а членами ЛДПР — после вербовочной поездки в регион В.Жириновского. Местные активисты жаждали бурной деятельности и денег и предлагали свои услуги всем столичным политикам без разбору. Цинизм, замешанный на политической наивности, был той почвой, на которой выросла российская многопартийность.

Но основной процесс партийного строительства происходил в Москве. *Партии элиты* создавались «под лидеров», мечтающих получить легитимный статус с помощью выборов. Идеология имела, как правило, второстепенное значение для большей части политических образований того времени. Будучи при создании абсолютно «голыми» и беспомощными, столичные партии со временем обрастали связями, политическим опытом и сторонниками, а их лидеры приобретали политический капитал, который в дальнейшем помогал им сохранять и наращивать влияние. По мере того как формировался их электорат, лидеры партий политически «окрашивались», их идеологическая платформа становилась все более прочной. Голоса избирателей были валютой, за которую можно было приобретать разнообразные блага на административном рынке — занимать посты в правительстве, лоббировать нужные решения, получать привилегии. Голоса избирателей стали формой политического капитала, и борьба теперь разворачивалась не только (а иногда не столько) за победу на выборах, а за проценты сторонников. Так, один из участников президентских выборов 1996 г. Александр Лебедь, получив 15% голосов в

первом туре, обеспечил себе пост секретаря Совета Безопасности РФ, «продав» своих сторонников Ельцину и обеспечив тем самым его победу во втором туре.

Особую роль играла КПрФ — организация, претендовавшая на роль единственной истинно народной, массовой партии. В период своего создания КПрФ была партией контрэлиты, то есть той части элиты, которая потеряла свои позиции и боролась за их возвращение. Но в то же время компартия действительно имела развитую (хотя и нуждающуюся в модернизации) идеологию и самую многочисленную армию сторонников — тот самый протестный электорат, который страдал от экономических реформ и не верил Б.Ельцину. Для рядовых коммунистов не имело значения, Г.Зюганов возглавляет партию или кто-то другой. Люди верили в идеи социализма и социальной справедливости. Рискну предположить, если бы КПрФ в 90-е годы возглавлял действительно харизматический лидер, то успех коммунистов на выборах был бы гораздо более значительным. Для большинства последователей КПрФ не имело значения и то, что руководителями партии были бывшие номенклатурные работники, которые жаждали возврата своего статуса. Устремления лидеров КПрФ и ее сторонников были различными: первые мечтали о реванше и о возврате в элиту, вторые протестовали против существующего режима.

За годы демократизации в России многопартийная система, безусловно, прошла становление, и теперь можно говорить о том, что реальную политическую силу приобрели только партии, созданные элитой и приобретшие парламентский опыт. В выборах в Госдуму 1993 г. участвовало 13 избирательных объединений, восемь из которых (61,5%) преодолели пятипроцентный рубеж; в выборах 1995 г. участвовало уже 43 объединения, а парламентский статус удалось получить лишь четырем (9,3%); в выборах 1999 г. участвовало 26 объединений, среди которых шесть (23,1%) прошли в парламент; в выборах 2003 г. из 23 претендентов парламентский статус получили лишь 4 (17,4%). Причем процент преемственности на каждых выборах после 1993 г. был выше 50%. Все «народные» партии ни разу за все вре-

мя российских реформ так и не получили парламентского статуса, что служит явным свидетельством ограниченности возможностей гражданского общества в России влиять на формирование политики. Партии создавались элитой, между группами которой возникала острая конкурентная борьба. Одни элитные партии использовали свой шанс и получали представительство в парламенте, другим это не удавалось. Но партии, создаваемые снизу, по инициативе простых граждан, неизменно терпели поражение. Выборы так и не стали каналом поступления на вершину политической пирамиды представителей различных социальных групп.

Весь период президентства Б.Ельцина в политической жизни российского общества боролись две противоположные тенденции: а) тенденция демократизации, повлекшая за собой введение все новых и новых демократических институтов и механизмов формирования власти и принятия решений; б) стремление удержать власть и контроль над всеми видами ресурсов. Эти тенденции выглядели как взаимоисключающие, так как внедрение демократических институтов неизменно приводило к ослаблению государства, к утрате правящей элитой контроля над происходящим в стране. Вопрос для Кремля стоял таким образом: как, сохраняя демократическое лицо перед мировой общественностью, контролировать политический процесс и циркуляцию элиты? В практической плоскости этот вопрос трансформировался в дилемму: *как, сохранив выборы, научиться управлять ими?* Двигаясь по этому пути, политическая элита пережила несколько этапов.

Первый этап начался сразу после распада КПСС в 1991 году, когда правящая элита практически потеряла контроль над выборами. Это привело к бурному процессу партийного строительства, возникновению множества мелких партий, создание которых было инициировано как снизу, так и сверху, самой элитой. Партии только искали свои идеологические ниши, а их лидеры учились быть публичными политиками. Утрата контроля над выборами привела к проникновению в представительные органы власти определенного числа *разночинцев*, часть которых находилась в реше-

тельной оппозиции к власти, а часть представляла собой новую когорту политиков, ориентированных на то, чтобы делать карьеру, став полезными верховной власти. Элита в этот период была растеряна, действовала методом проб и ошибок, зачастую проигрывала, но приобретала бесценный опыт публичной борьбы.

Второй этап продолжался с 1993 по 1999 г. В это время элита делала многочисленные попытки обуздать стихию выборов. Все еще продолжалось образование новых партий самого разного толка, жизнь которых была недолгой. В этот период стало ясно, что *народные* партии, создаваемые инициативными группами, не имеют никаких шансов на выживание. Наивных демократов-инициативников начинают называть обидным словечком «демшиза»*, подчеркивая их маргинальность. Главная борьба разворачивается между партиями элиты, которые ожесточенно конкурируют между собой. Особенно острое противоборство разворачивается между *партией власти*, за которой стоит Кремль, и *КПРФ*, которая оставалась единственной массовой партией в стране. Второе по силе накала противоборство проходило между партиями власти, которые конкурировали не столько с оппозицией, сколько друг с другом. Раздробленность и несогласованность действий элиты вела к поражениям, к утрате парламентского статуса. В этот же период вырисовываются контуры политического спектра: партии занимают свои места на шкале от правого фланга до левого. Чем отчетливее фиксировались основные политические игроки, тем меньше шансов оставалось у представителей гражданского общества занять свое место в политическом процессе и, тем более, победить на выборах. Каждые следующие выборы приводили в парламенты страны все меньше делегатов от рабочих, крестьян, интеллигенции, молодежи, женщин и пенсионеров. Элита научилась побеждать на выборах, поставив на победу все свои ресурсы — финансовые, административные, политические. Народные партии, неудачно выступив на выборах, исчезали с политического поля.

* Это сочетание слов «демократический» и «шизофренический».

В 1999 г. начался *третий период*, характерной чертой которого стали стабилизация и уменьшение конкуренции между партиями элиты. Электоральный рынок был поделен, и каждый актер боролся не столько против оппонентов, сколько за удержание собственного парламентского статуса. Произошел естественный отбор элитных партий, в то время как народные партии просто перестали создаваться. К выборам 2003 г. серьезные политические силы в целом определились: одна партия власти в центре («Единая Россия»), одна крупная партия слева (КПРФ), две партии на правом фланге («Яблоко» и СПС), которые пока так и не смогли договориться о коалиции. Вне идеологического континуума находилась ЛДПР — партия, популярность которой зиждилась исключительно на харизматических свойствах ее лидера.

Еще одной приметой третьего периода стало появление на выборах феномена *преемников*. Впервые эта практика была продемонстрирована в 1999 г., когда президент Б.Ельцин объявил о том, что его преемником будет В.Путин. Юридически никак не подтвержденный шаг был, однако, воспринят и элитой, и обществом позитивно. Опыт удался, и Путин победил на выборах в марте 2000 г. уже в первом туре. Институт преемников настолько органично вписался в российскую политическую систему, что практика стала распространяться по стране: в декабре 2000 г. губернатор Краснодарского края Н.Кондратенко назначил своим преемником молодого предпринимателя А.Ткачева, что обеспечило ему победу с 82% голосов; в июне 2001 г. то же происходит и в Приморском крае, где преемником губернатора Е.Наздратенко стал предприниматель С.Дарькин. Сейчас российская элита активно обсуждает проблему 2008 г., когда В.Путин, согласно Конституции РФ, не сможет баллотироваться на третий срок. Высказываются любые предположения, кроме одного — это будут свободные демократические выборы. Если до 2008 г. не будут изменены положения Конституции, рассматриваются варианты перехода Путина на должность премьер-министра при слабом, декоративном президенте или избрание президента нового объединенного государства России и Беларуси. Но самым

вероятным выглядит вариант *преемника* — человека, который по сговору элит пойдет на выборы, чтобы победить.

Такая форма передачи власти не свойственна демократическим обществам. Преемничество типично для монархий или аристократий, где переход власти осуществлялся не всегда строго по признакам родства, а часто подразумевал объявление действующим правителем своего наследника. В России, где отсутствуют дворянские титулы и родовая аристократия, передача привилегированного статуса путем объявления преемника обнажила суть *обычного права элиты*, не закрепленного никакими легитимными документами, но воспринятого всеми участниками политического процесса как нечто естественное.

Парламентские выборы 2003 г.

И тем не менее выборы, какими бы недостатками и специфическими чертами они ни отличались в России, принципиально изменили политическую систему общества.

Если в советское время смысл выборов сводился лишь к *легитимации* решений партийных органов, то теперь они стали новым механизмом власти и каналом рекрутации кадров. Но, несмотря на кажущееся разделение властей в связи с проведением выборов и получением парламентом относительной независимости от исполнительной власти, реальной диверсификации все же не произошло. Соглашусь с российским исследователем А. Медушевским, который считает, что на российской почве «рационализация приводит к парадоксальной ситуации: последовательное проведение принципа разделения властей и создание соответствующих политических институтов демократического общества (парламента, президентской власти, независимого суда) способствует не установлению западной либеральной демократии, а наоборот — ревитализации отживших политических структур и слоев. Элементы системы разделения властей становятся формой институционализации консервативных сил, выступающих против радикальных социальных преобразований, а борьба властей часто является не чем иным, как столкновением различных традици-

оналистских элитных групп — номенклатуры, феодальной аристократии, родовых кланов и т.д. В этих условиях можно говорить лишь о мнимом конституционализме, квазидемократии, профанации идеи разделения властей»⁷⁹.

Что же принесли выборы самой элите? Только на очень короткий срок были открыты каналы вверх идущей мобильности. С каждым годом избирательной практики все меньшее количество *разночинцев* имело шанс не только победить, но даже и участвовать в выборах федерального уровня. Выборы стали не механизмом отбора лучших среди равных, а зоной острой конкурентной борьбы между группировками самой элиты. Парадоксально, но не выборы, а назначения остались практически единственным механизмом рекрутации в элиту представителей гражданского общества.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 2

1. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических республик. М.: [Политиздат], 1977. стр. 35.
2. Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза, 28 июня — 1 июля 1988 г. М.: Политиздат, 1988. стр. 126.
3. Модсли Э. Портрет изменяющейся элиты: члены ЦК КПСС с 1939 по 1990 г. // Политические процессы в условиях перестройки. Вып. II. Под ред. О.В. Крыштановской. М.: ИСАН, 1991. стр. 18.
4. Дюверже М. Политические партии. М.: Академический проект, 2002. стр. 205—221.
5. Модсли Э. Указ. соч., стр. 16—32.
6. Крыштановская О.В., Радзиховский Л.А. Каркас власти: опыт политологического исследования // Вестник Российской Академии наук. 1993. Т. 63. № 2. стр. 94—101.
7. Правда, 4 декабря 1988 г.
8. Горбачев М.С. Реформы губит номенклатура // Независимая газета, 24 апреля 1994.
9. Пересчет по: Депутаты ВС СССР 11-го созыва. М., 1984. Используемая группировка описывает 98,2% от общей численности депутатского корпуса; Павлюков А.Е. Высшие законодательные органы власти страны за годы перестройки (апрель 1985 — август 1991 гг.) // Политические процессы в условиях перестройки. Вып. II. Ред. О.В. Крыштановская. М.: ИСАН, 1991. стр. 34—35.

Используемая группировка описывает 97,5% от общей численности депутатского корпуса.

10. Народные депутаты СССР. М.: Внешторгиздат, 1990.

11. Материалы пленума Центрального Комитета КПСС, 25 апреля 1989 г. М.: Политиздат, 1989.

12. Данные социологического исследования сектора изучения элиты Института социологии РАН «Элита брежневской формации».

13. Посчитано по: Народные депутаты РСФСР. М.: Внешторгиздат, 1991.

14. Лысенко В.Н. Избирательный процесс и формирование политического истеблишмента в России // Представительная власть: мониторинг, анализ, информация. М.: НИИСИП, 1996. № 1 (8). стр. 9.

15. Если выборы проходили в два тура, то мы при подсчетах брали дату второго тура.

16. Ведомости Советов народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. 1991. №17. стр. 713

17. Федеральное Собрание: Совет Федерации, Государственная Дума. М.: Фонд развития парламентаризма в России, 2000. стр. 42.

18. Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. №34. Ст. 1125.

19. Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. №40. Ст. 1283.

20. Там же. Ст. 1492.

21. Российская газета, 29 октября 1991 г.

22. Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 44. Ст.1455.

23. Там же. № 48. Ст. 1677.

24. Советский Сахалин, 15 января 1993 г.

25. Современная политическая история России (1985—1998). Том 2. М. РАУ-Корпорация, 1999. стр. 206.

26. Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1992. №52. Ст. 3010.

27. Советский Сахалин, 27 февраля 1993 г.

28. Орловская правда, 23 января 1993 г.

29. Пензенская правда, 6 февраля 1993 г.

30. Липецкая газета, 14 апреля 1993 г.

31. Пензенская правда, 13 апреля 1993 г.

32. Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1993. № 16. Ст. 561.

33. Собрание актов президента и правительства РФ. 1993. № 40. Ст. 3739.

34. Собрание актов президента и правительства РФ. 1993. № 41. Ст. 3918.

35. Собрание актов президента и правительства РФ. 1993. № 35. Ст. 3621.

36. Федеральное Собрание: Совет Федерации, Государственная Дума. М., 2000. стр. 156.

37. Восточно-Сибирская правда, 31 марта 1994 г.

38. Уральский рабочий, 11 апреля 1995 г.

39. Конституция Российской Федерации. Официальное издание. М.: Юридическая литература, 1997. стр. 7.

40. Уральский рабочий, 22 августа 1995 г.

41. Собрание законов Российской Федерации. 1995. № 39. Ст. 3753.

42. Здесь и далее понятие «губернаторы» мы употребляем в расширительном и условном значении, относя к этой категории всех глав субъектов Российской Федерации, как бы они ни назывались — президентами, главами администраций или губернаторами.

43. Данные социологических исследований, проведенных сектором изучения элиты Института социологии РАН изучения элиты Института социологии РАН «Формирование региональной элиты России» (1995—2000), «Новая региональная элита» (2000—2002).

44. Для советского периода — год вхождения в номенклатуру.

45. Данные социологических исследований, проведенных сектором изучения элиты Института социологии РАН изучения элиты Института социологии РАН «Формирование региональной элиты России» (1995—2000), «Новая региональная элита» (2000—2002).

46. Данные социологических исследований, проведенных сектором изучения элиты Института социологии РАН изучения элиты Института социологии РАН «Формирование региональной элиты России» (1995—2000), «Новая региональная элита» (2000—2002).

47. *Орешкин Д.Б.* География электоральной культуры и цельность России // Полис. 2001. № 1. стр. 80.

48. *Гельман В.Я.* Постсоветские политические трансформации (Наброски к теории) // Полис. 2001. № 1. стр. 24.

49. Цитируется по записи телевизионной программы «Время» (ОРТ) от 27.01.2000 г.

50. Политический альманах России 1997 / Под ред. М.Макфола и Н.Петрова. М.: Московский Центр Карнеги, 1998. Т. 1: Выборы и политическое развитие. стр. 596—599; Выборы в Российской Федерации. М.: ВЭЛТИ, 1998. стр. 115; Регионы России в 1998 г.: Ежегодное приложение к «Политическому альманаху России» / Под ред. Н.Петрова. М.: Гэндалф, 1999. стр. 160; Выборы глав исполнительной власти субъектов Российской Федерации. 1995—1997. Электоральная статистика. М.: Весь мир, 1997. С 660; Выборы в Российской Федерации. 2001. Электоральная статистика. М.: Весь мир, 2002.

51. Если выборы проводились в два тура, мы учитывали дату проведения лишь второго тура.

52. График построен на базе таблицы 6 данного раздела. Источники данных указаны в сноске к таблице.

53. *Орешкин Д.Б., Козлов В.Н.* Региональные выборы 2000—2002: итоги и тенденции // Журнал о выборах. № 1. 2003. стр. 16.

54. Источник: база данных сектора изучения элиты Института социологии РАН.

55. Выборы в Российской Федерации. М.: ВЭЛТИ, 1998. стр. 115.

56. Выборы президента Российской Федерации 1996. Электоральная статистика. Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. М.: Весь мир, 1996. стр. 196.

57. Профиль. №41. 2000. стр. 10.
58. Российская газета, 24 октября 2000 г.
59. Сегодня, 28 марта 2000 г.
60. Тюков Н., Запеклый А. Элиты российских регионов — формирование и развитие // Трансформация российских региональных элит в сравнительной перспективе. М.: МОНФ, 1999. стр. 86—94; Петров Н. Выборы 1995—1997 г. и региональные политические элиты // Там же. стр. 95—127; Титков А. Модели развития региональных политических элит // Там же. стр. 17—27.
61. Аналитический доклад «Регионы России». М.: Территориальное управление президента РФ, 1998. стр. 44, 116, 127, 277, 285.
62. Там же. стр. 297.
63. Выборы в законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов Российской Федерации. 1995—1997. Электоральная статистика. М.: Весь Мир, 1998.
64. Выборы в законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов Российской Федерации. 1995—1997. Электоральная статистика. М.: Весь Мир, 1998. стр. 636.
65. При составлении таблиц 1—4 использованы следующие источники: Народные депутаты РСФСР. Справочник серии «Кто есть кто». М.: Внешторгиздат, 1991; Политическая Россия сегодня. Представительная власть. М., 1993; Федеральное Собрание РФ. Совет Федерации и Госдума. М., 1995; Федеральная элита. Кто есть кто в политике и экономике / Ред. А.А. Мухин. М.: Аванта+, 1999; Федеральное Собрание: Совет Федерации. Государственная Дума. Справочник. М.: Фонд развития парламентаризма в России, 2000; Федеральная и региональная элита России. Кто есть кто в политике и экономике. Федеральная и региональная элита России. Кто есть кто в политике и экономике. М.: ЦПИ, 2001; Федеральная и региональная элита России. Кто есть кто в политике и экономике. М.: ЦПИ, 2002; Федеральная и региональная элита России. Кто есть кто в политике и экономике. М.: ЦПИ, 2003.
66. Источник: база данных сектора изучения элиты Института социологии РАН.
67. Государственная служба. Сборник нормативных документов. М.: Дело, 1999. стр. 29—32.
68. Источник: см. данные таблицы 10 данного раздела.
69. Источник: база данных сектора изучения элиты Института социологии РАН.
70. Источник: база данных сектора изучения элиты Института социологии РАН. Зап принята численность депутатов, которая описывается перечисленными входными позициями.
71. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990; Дюверже М. Политические партии // Пер. с франц. М.: Академический проект, 2002; Михелс Р. Социология политической партии в условиях демократии // Диалог. 1990, № 3, 5, 7; Токвиль А. де. Демокра-

- тия в Америке. М.: Прогресс, 1992; Гидденс Э. Социология. М.: Эдиториал УРСС, 1999. стр. 299—308, и другие.
72. Дюверже М. Политические партии. М.: Академический проект, 2002.
73. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
74. Выборы депутатов Государственной Думы 1995. Электоральная статистика. М.: Весь мир, 1996. стр. 94; Федеральное Собрание. М.: Фонд развития парламентаризма в России, 2000. стр. 181; Выборы в Российской Федерации. М.: Вэлти, 1998. стр. 84.
75. Меркель В., Круассан А. Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях // Полис. 2002. № 1. стр. 6—17; № 2. стр. 20—30.
76. Барсенков А.С., Корецкий В.А., Остапенко А.И. Федеральное Собрание России. Совет Федерации. Государственная Дума. М.: ФОРС, 1995. стр. 565—573.
77. Там же. стр. 175.
78. Там же. стр. 177.
79. Медушевский А.Н. Идея разделения властей: история и современность // Социологический журнал. № 1. 1994. стр. 68.

ГЛАВА 3 ВЫХОД ИЗ ЭЛИТЫ (ЭККОРПОРАЦИЯ)

3.1. Тенденции нисходящей мобильности элиты

Обычно работы по изучению социальной мобильности ограничиваются анализом вверх идущей мобильности и касаются возможностей каждой социальной группы совершить профессиональное восхождение. Движение вниз по социальной лестнице, как правило, не становится предметом изучения ни в России, ни на Западе. Почему возник такой перекося? Вероятно, из-за очевидности процесса: индивид социализуется, входит в профессиональную группу, в ней совершает восхождение и, наконец, уходит на пенсию. Уход из группы воспринимается естественно.

Но когда мы говорим об элите, вопрос об эксکورпорации имеет совершенно специфические аспекты. Во-первых, часть элиты — *электократия* — избирается на определенный срок и после 4—5 лет теряет работу, будучи в трудоспособном возрасте. Во-вторых, отставки членов элиты часто имеют политический смысл, а не являются признаком профессиональной непригодности или физической недееспособности. В-третьих, отставки в элитной среде таят в себе потенциальную опасность для власти. Ведь обиженные инсайдеры могут принести системе гораздо больше вреда, чем открытые враги системы. Резкое отстранение от власти больших групп инсайдеров рождает контрэлику, которая становится лидером оппозиции, действуя внутри самого политического класса.

Элита — это социальная группа, которая стоит на вершине общества. Поэтому выход из ее рядов — это всегда

снижение статуса. Иногда это происходит резко, в виде падения с вершины в политическое небытие, иногда — мягко и плавно, путем постепенного сползания с вершины, перемещения на малозначимые, но почетные места. Прерывание карьеры для людей, достигших высот в любом роде деятельности, всегда большая психологическая проблема. Но в отличие от звезд шоу-бизнеса, науки или искусства, когда речь идет об отставках политиков, проблема выходит за рамки психологии и становится социальной. Политики отправляются в отставку не только по негативным причинам личного характера, но и по «естественно-политическим» причинам: окончание сроков полномочий, уход в отставку главы элитной «обоймы», немилость вышестоящего лица и проч. Элита наполняется людьми немолодыми (по меркам других профессиональных групп), но и выход из элиты может произойти раньше официального пенсионного возраста. То есть вход в элиту осуществляется позже, чем в другие группы, а выход зачастую происходит раньше наступления пенсионного возраста.

Эксکورпорация для элиты означает не просто увольнение, как для всех прочих категорий наемных работников. Хотя формально члены элиты — обычные государственные служащие, занимающие конкретные должности, их наем и отстранение происходит не только в соответствии с буквой Трудового кодекса. Включение в элиту — это прием в узкий и достаточно замкнутый круг людей, имеющих многочисленные привилегии. Это приобщение к политической корпорации и ее капиталу, диверсифицированному во многих конкретных проявлениях. Именно поэтому эксکورпорация — это не просто формальное увольнение, но попытка *лишить члена элиты его капитала* и властных ресурсов, что подчас бывает не только сложно, но и невозможно. Члена элиты не всегда можно просто уволить, так как у него есть ресурсы власти, которые он применяет для противодействия тем силам, которые хотят от него избавиться. И чем дольше на высоком посту находился официал, тем, как правило, больше таких ресурсов в его распоряжении, тем больший политический капитал им накоплен. Эксکورпорация — это всегда торг, всегда борьба, в которой один деятель политического пространства

выигрывает, а другой — проигрывает. Проигравший уходит, теряя больше или меньше, в зависимости от того, насколько он сам намерен сохранить свой статус и каким объемом властных ресурсов он располагает к этому моменту.

Экскорпорация редко бывает добровольной еще и потому, что для членов топ-элиты она сопровождается *экскарцерацией*, то есть выходом из замкнутого политического пространства. Это требует его обратной социализации, что часто переходит в болезненный адаптационный кризис.

Экскорпорация может быть разных типов:

1. *Полная экскорпорация* — это вытеснение с элитных позиций, связанное не только с утратой официальной должности, но и с лишением ресурсов власти, приводящее к перемещению человека в неэлиту. Это, как правило, выход на пенсию, переход в материнскую профессию или даже репрессии по отношению к бывшему официалу.

2. *Частичная экскорпорация* означает утрату лишь части политического капитала. Она может быть связана с:

А. *Деформализацией* — лишением члена элиты формальной государственной должности при сохранении определенных объемов властных ресурсов и капиталов, приобретенных в ходе элитной деятельности. Такой человек перестает быть официальным, но остается влиятельной персоной.

В. *Декапитализацией* — лишением члена элиты политического капитала или возможности им оперировать. При этом его формальный статус может оставаться элитным. Такой официал становится «пустышкой», постепенно вокруг него образуется политический вакуум. Происходит девальвация его политического капитала.

С. *Резервацией* — сохранением за человеком формального элитного статуса или помещением его в «резервации» — экс-элитные зоны, из которых он вновь может быть востребован со временем. Резервация официала сопровождается снижением его реального статуса и объемов его власти.

Вниз идущая мобильность элиты может развиваться по одному из следующих сценариев: 1) инсайдер остается в элите; 2) инсайдер остается в политическом классе, но переходит из элиты в экс-элитную зону; 3) инсайдер выходит не только из элиты, но и из политического класса, переходя чаще всего в бизнес; 4) инсайдер покидает все значимые социальные зоны и уходит в политическое небытие.

Таблица 1. Типы экскорпорации элиты

	Деформализация	Дскапитализация
Частичная экскорпорация	—	+
	+	—
Полная экскорпорация	+	+

Поскольку перемещение в *экс-элитные зоны* видится элите как ее будущее, она кровно заинтересована в формировании каналов нисходящей мобильности, специализированных ниш, которые создаются самой элитой для обеспечения своей безопасности и занятости после экскорпорации. Специально для этой цели создавались рабочие места, являющиеся по своей сути *синекурами*, то есть хорошо оплачиваемыми должностями, не требующими особого труда. Допуск в структуры этого типа был ограничен, туда попадали «бывшие» и другие персоны, связанные кровными или брачными связями с советской номенклатурой.

3.2. Отставки советской элиты

Власть никогда не была уделом молодых. Одной из первых, еще догосударственных, форм власти, была власть совета старейшин над первобытным племенем. Подобная форма правления сохранилась и в античных государствах, примером чему может служить спартанская *герусия* — коллегия старцев, решавшая все государственные дела. В Римской республике главой рода, имевшим неограниченную власть над его членами, считался самый старший мужчина. Власть имущие во все времена представляли старшее поколение. Но иногда власть старела настолько, что становилась *геронтократией*. Именно это произошло и в Советском Союзе времен застоя.

Отсутствие демократических выборов и общественного контроля над властью, кадровый застой привели к тому,

что советская власть постепенно стала властью стариков. Высшие номенклатурные должности все чаще занимались пожизненно. При Брежневе стаж работы на номенклатурных должностях иногда доходил до 30 и более лет. Получив однажды высокий ранг, человек сохранял его до самой смерти. Все реже высокопоставленные чиновники и партийные функционеры уходили в отставку, не связанную с физической недееспособностью. Членство же в Политбюро ЦК КПСС гарантировало пожизненный наем и сохранение элитного статуса до самой смерти. Исключения были редки. Более 80% членов высшей номенклатуры отправлялись в отставку в возрасте, намного превышающем официальный пенсионный 60-летний рубеж. Высокопоставленные чиновники или уходили на пенсию по состоянию здоровья, или умирали на посту.

Формирование высшего руководства страны по принципу «обойм» было причиной того, что элита старела вместе со своим лидером. Смена поколений в этой группе происходила по одному и тому же сценарию: новый генеральный секретарь приводил «своих людей», которые относились, как правило, к тому же поколению, что и он сам. Представители старой *обоймы* постепенно вытеснялись. После нескольких лет «кадровой революции» наступал период полновластия нового поколения элиты — период стабильности, переходящей в застой. Особенно наглядно эта тенденция проявилась за 18 лет правления Л.И. Брежнева. В 1966 г. средний возраст членов Политбюро ЦК КПСС равнялся 58 годам (а Брежневу было 60 лет); в 1971 г. он увеличился до 61 года (Брежневу 65); в 1976 г. достиг 67 лет (Брежневу 70); а к 1981 г. перевалил за 70 лет (Брежневу 75)¹. Средняя продолжительность пребывания в министерском кресле в 1980 г. равнялась 13,2 года, причем каждый пятый министр занимал свою должность более 20 лет².

К началу 80-х годов тенденция кадрового застоя и катастрофического старения властвующей элиты стала очевидна уже не только жителям СССР, но и мировой общественности. Трансляция партийных съездов поражала: в огромном президиуме на сцене восседали седовласые старцы, которые с трудом читали «по бумажке» многочасовые доклады. В период позднего Брежнева изменился сам смысл

понятия «молодой» по отношению к политикам. Пятидесятидвухлетний М.С. Горбачев считался «молодым» в момент своего избрания на пост генерального секретаря ЦК, а средний возраст высшей элиты приближался к 70 годам. Возрастного ограничения для занятия ответственных постов не существовало.

На тот случай, если требовалось убрать с ключевой должности чиновника, еще сохранившего дееспособность, достаточно было иметь в запасе небольшой «почетный список»: работа в советском посольстве за границей, перевод на должность советника или консультанта при Совете Министров или Верховном Совете СССР, а для военных — перевод в группу генеральных инспекторов при Министерстве обороны. Недееспособных переводили в ранг «персональных пенсионеров», что означало сохранение многих привилегий.

Экскорпорация (так же как и инкорпорация) для элиты была решена системно и почти не вызвала проблем. Кадровые механизмы работали отлаженно, с высокой степенью предсказуемости, что внушало уверенность в завтрашнем дне и ощущение собственной безопасности. Члены элиты знали, как надо строить свою карьеру, чтобы подниматься вверх, и знали, что их ждет в старости.

Однако такие простые и ясные для самой элиты обычаи и нормы поведения для стороннего наблюдателя таковыми вовсе не казались. Советская система предпочитала камуфлировать циркуляционные процессы таким образом, чтобы обыватель не мог их интерпретировать однозначно. Секретность была вызвана несколькими обстоятельствами: нежеланием травмировать отставников, которые были носителями эзотерической информации о номенклатуре; нежеланием афишировать номенклатурные принципы работы с кадрами. Громкие смещения с высоких должностей были чрезвычайно редкими. Ведь обиженные отставники представляли потенциальную опасность для режима. Случаи, связанные с тем, что человек не справился с работой, допустил провал, часто сопровождалось не изгнанием из элиты, а лишь изменением элитного ранга, горизонтальным внутригрупповым перемещением.

Типология отставок

Отставки Брежневского времени для членов и кандидатов в члены ЦК КПСС можно разделить на два типа: 1) одни были связаны с *сохранением элитного статуса* (иначе говоря, с горизонтальной или вниз идущей мобильностью внутри элиты); 2) другие переводили номенклатурного работника в *экс-элитную зону*, что являлось движением вниз по вертикали власти, но не выбрасывало работника «в народ». К отставкам первого типа мы относим следующие:

Отставки со статусным перемещением. В советское время следствием недовольства работой советского чиновника было изменение должностного статуса, не сопровождавшееся его понижением. Формулировалось это как «переход на новое место работы». Весьма распространенным случаем было даже формальное повышение опального чиновника, что тем не менее означало утрату им части властных ресурсов. Такой вариант опалы сопровождался перемещением с должности второго эшелона значимого ведомства в первый эшелон ведомства незначимого, исполнявшего декоративные функции (например, в органы народного контроля, профсоюзы, избирательные комиссии и прочее). Смысл таких перемещений заключался в том, что член номенклатуры отодвигался от ключевых позиций и из центра принятия государственных решений перемещался на политическую периферию. Сторонний наблюдатель, однако, не всегда мог интерпретировать такое перемещение как отставку.

Отставки с территориальным перемещением. Широко распространенной в советское время была также практика отставки чиновника путем его перемещения в пространстве, что соответствовало *экстerrиториальности* — одному из важных принципов функционирования советской номенклатуры. Он применялся не только на восходящем этапе номенклатурной карьеры — для приобретения кандидатом на высокие посты дополнительного опыта, — но и как способ мягкого устранения неугодного работника. В этом случае его переводили на работу в той же должности, но в другом регионе (как правило, менее значимом). Официала

убирали из оперативного политического пространства, а его переезд был скрытой формой опалы. Поскольку похожие территориальные перемещения имели место и при реальном повышении, то только тот, кто понимал внутренние «правила игры» элиты, мог отличить опалу от подготовки к высокому назначению.

Широко известны случаи политической опалы, сопровождавшейся «дипломатической ссылкой» — назначением чиновника послом или консулом в одно из зарубежных представительств СССР. Такого рода территориальное перемещение трактовалось однозначно — это была экскорпорация, применяемая для топ-элиты. Два других вида отставок были связаны с переходом номенклатурного работника из элиты в *экс-элитные зоны*, которые специально создавались для плавной и безболезненной экскорпорации.

Отставки с переходом на пенсию. Советская элита поздне-Брежневского периода стала геронтократией. Поэтому наиболее распространенным типом отставки были переводы на пенсию. Все члены номенклатуры после отставки получали не простую, а «персональную» пенсию. Они имели повышенный размер пенсионного содержания, льготы при оплате коммунальных услуг, имели возможность один раз в год бесплатно отдыхать в одной из элитных здравниц, лечиться в лучших медицинских учреждениях, бесплатно приобретать лекарства и пользоваться транспортом, получать продовольственные «заказы» и проч. Для топ-элиты сохранялись и такие привилегии, как бесплатное пользование автомобилем с шофером, домработницей, госдачей. Персональная пенсия освобождала номенклатурного работника от необходимости работать, но не лишала его элитной среды. Это был мягкий путь ухода, не наносящий человеку психологической травмы. Это был не остракизм, а почетный переход к обеспеченной старости с гарантированным качеством жизни.

Отставки с перемещением в синекуры. Советские синекуры представляли собой привилегированные рабочие места, так как разрешали элите делать то, что запрещали другим членам общества. Виды деятельности для таких зон тщательно отбирались. Поскольку советское общество было закрытым и низкий уровень жизни прятался за «железным

занавесом», то самыми престижными и привилегированными занятиями считались те, что были связаны с *международной деятельностью*. Поэтому большинство *синекур* советского периода было так или иначе связано с поездками за рубежом СССР. Институты, занимающиеся международными отношениями, кишели «бывшими» или членами элитных семей. Другой тип *синекур* был связан с почетными должностями «советников» и «консультантов» при высших органах власти. На эти должности направлялись работники постпенсионного возраста, которые высказывали желание еще какое-то время оставаться «в строю».

Простота и лаконичность правил выхода из элиты в советское время была вызвана главным образом солидным возрастом, в котором номенклатурный работник отправлялся в отставку. Это же обстоятельство было и причиной *невозвратности отставок*. Высшая номенклатура никогда не возвращала на высокие позиции тех, кто был подвергнут экскорпорации. Вопрос о создании кадровых «запасников» в то время не стоял вообще. Все кадровые потребности удовлетворялись благодаря системе резерва, из которого планомерно черпались необходимые человеческие ресурсы.

3.3. Отставки при М.Горбачеве

Восемнадцатилетнее пребывание Л.Брежнева у власти привело элиту к кадровому кризису. Годы «смутного времени» (1982—1985) эту проблему никак не решили. И новый генсек М.Горбачев — самый молодой член Политбюро того времени — столкнулся с необходимостью массовых подвижек в верхних эшелонах власти. Причиной этого лишь отчасти было стремление приблизить «своих людей». Куда большие масштабы имела потребность отправить в отставку недееспособных членов элиты — ровесников Брежнева. Революционные изменения российского общества 80—90-х годов начались тогда, когда во властных отношениях вполне сформировался конфликт между поколениями «старых» (70—80 лет) и «молодых» (45—60 лет) политиков: первые не желали уходить с насиженных мест, а вторые

чувствовали себя «перестарками», от которых уплывает власть. После избрания генеральным секретарем ЦК КПСС М.Горбачева, «молодая» номенклатура получила шанс изменить ситуацию и всячески способствовала реформам.

Реформаторская деятельность Горбачева начинается с активного поиска сторонников. Политбюро, избравшее Горбачева своим лидером, более чем на 80% состояло из людей Брежнева. Только четверо из состава Политбюро 1985 г. были назначены Ю.Андроповым. Средний возраст команды, начавшей перестройку, равнялся 68,5 года. Каждый второй член высшего руководства того периода начал свою партийную карьеру еще при Сталине. Горбачев устраивает настоящую «кадровую мясорубку», избавляясь от брежневцев. Беспрецедентную чистку элиты он проводит в 1989 г., когда отправляет в отставку 74 члена и 24 кандидата в члены ЦК КПСС, из Политбюро к тому времени он вывел уже 23 человека, заменив их своими сторонниками. После этих многочисленных замен политбюро «молодеет» на семь лет, а ЦК КПСС — на пять (см. таблицу 2).

Таблица 2. Средний возраст (в годах) элитных групп^{4, 5}

	Высшее руководство	Парламентская элита	Правительство	Региональная элита	В целом по когорте
Брежневская когорта	61,8	41,9	61,0	59,0	55,9
Горбачевская когорта	54,0	44,0	56,2	52,0	51,6
Ельцинская когорта	53,1	46,5	52,0	49,0	50,2
Путинская когорта	52	48,9	48,9	53,6	50,9

Обнаруживается тенденция ускорения темпа карьеры для номенклатурных работников. Все структуры власти и управления приходят в движение: начинается быстрое продвижение наверх вторых и третьих эшелонов чиновников. Горбачев начал менять не только стариков, он был вы-

нужден расставаться и с теми относительно молодыми руководителями, которые были не согласны с его курсом реформ. В результате из 307 членов ЦК КПСС, избранных на XXVII съезде в 1986 г., к 1989 году покинули свои посты 123 человека, то есть 40 процентов. Средний возраст отставников равнялся 66 годам³. Подавляющее большинство отставников (60%) были просто отправлены на пенсию. Причем впервые в советской послевоенной истории около 20% ушли на пенсию, не достигнув официального пенсионного возраста (см. таблицу 3).

Таблица 3. Структура Горбачевских отставок членов ЦК КПСС 1986–1989 гг.⁶

	Число отправленных в отставку (чсл.)	Средний возраст отставки (лет)	Численность отставников, не достигших пенсионного возраста (чсл.)
Пенсия	74	66,23	12
Синектуры, в том числе:	49	64,15	12
Военные инспектуры	16	69,25	0
Дипломатическая работа	19	58,58	11
Советники и консультанты при Совмине и Президиуме Верховного Совета СССР	12	64,75	1
Работа в малозначимых структурах власти или «общественных» организациях (комитеты народного контроля, избирательные комиссии и др.)	2	64,0	0
ВСЕГО	123	65,19	24

И все же кадровые изменения при Горбачеве осуществлялись в рамках традиции смены поколений: если брежневские назначенцы в своем большинстве принадлежали к поколению рожденных в 10–20-е годы XX века, то при Горбачеве к власти пришли люди, рожденные в 30-е годы.

Этот объективно сложившийся кадровый кризис не мог быть разрешен прежними методами экскорпации. Горбачев должен был предложить тем, кого он увольнял, новые позиции в элите или в экс-элитных зонах, так как существующих прежде *синекур* было явно недостаточно для чистки такого масштаба. Вопрос был решен следующим образом: все отправляемые в отставку генералы переводились в группу генеральных инспекторов при Министерстве обороны СССР. Наиболее молодые отставники «переквалифицировались» и отправлялись в советские посольства и консульства за рубеж. Более половины направляемых в «дипломатическую ссылку» были секретарями региональных партийных комитетов, остальные — министрами, заведующими отделами ЦК КПСС, заместителями председателя правительства. Такого рода отставки воспринимались номенклатурой как удачный вариант конца карьеры. Это была давняя традиция, в которой читалось уважение к опальным представителям элиты.

Наиболее престарелым и влиятельным номенклатурщикам присваивался почетный статус консультантов при высших органах власти. Если в брежневские годы консультантов такого рода имели лишь Верховный Совет СССР или правительство, то теперь круг институтов, где были введены подобные должности, расширился: советники и консультанты появились в министерствах и ведомствах.

Однако количество вакансий, предлагаемых на тот момент отставникам государством, было значительно меньше, чем того требовалось. И молодой генсек позволил себе нарушить *обычное право* номенклатуры — он не стал церемониться и просто отправил на пенсию всех, кому не нашлось почетной должности. Это был один из первых шагов по разрушению номенклатурной системы. Другой шаг был сделан после осуществления политической реформы в 1989 г.: на выборах народных депутатов СССР многие высокопоставленные партийные руководители сделали попытку баллотироваться в многомандатных территориаль-

ных округах на свой страх и риск и потерпели фиаско (самым громким примером был первый секретарь Ленинградского обкома КПСС, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС Ю.Ф.Соловьев). Осмелившись сделать это, Горбачев навлек на себя гнев политического класса и получил прозвище «предателя».

Долгий период кадрового застоя и черепашого темпа вверх идущей вертикальной мобильности сменился другим: все пришло в движение, система вышла из состояния стабильности. Никто из членов элиты больше не испытывал уверенности в своем будущем. Номенклатурные традиции нарушались все чаще. Создавались новые институты, которые быстро погибали. Для этих масштабных реформ политической сферы Горбачеву катастрофически не хватало молодых кадров, но тем не менее он никогда не пытался вернуть на ответственную работу прежних чиновников. Зон, где представители элиты могли переждать политические катаклизмы и вновь вернуться к государственной деятельности (*резерваций*), тогда еще не было, но потребность в них назрела.

3.4. «Кадровая мясорубка» Бориса Ельцина

1991 год принес элите такие изменения, что Горбачевские массовые чистки теперь не казались уже столь радикальными. При Ельцине началась настоящая «кадровая мясорубка». Как в калейдоскопе менялся политический орнамент: создавались и рушились институты власти, появлялись новые рабочие места для элиты, уходила старая гвардия номенклатуры. Ротация кадров происходила в разных частях политической системы с различной скоростью: в центре ее темп был значительно выше, нежели на периферии. Первая волна отставок в регионах прошла сразу же после ухода Горбачева и была связана с августовским путчем 1991 г. Основной причиной отставок была идеологическая борьба между ортодоксами и реформаторами. Но не последнюю роль играла и личная вражда между Горбачевым и Ельциным.

Новый президент России стремился освободиться от людей, которых совсем недавно привел наверх президент СССР. Водораздел проходил по отношению того или иного чиновника к ГКЧП. Первыми были отправлены в отставку те, кто поспешил выразить поддержку путчистам. Отставки сильно затронули глав региональных администраций и продолжались с конца августа 1991 г. по январь 1992 г. Каждый второй глава региона покинул свой пост. Всего было снято 44% руководителей краев и областей⁷. Н.Петров так описывает происшедшее: «После событий августа 1991 г. вопрос «Чем вы занимались в дни путча?» оказался роковым для немалого числа руководителей советов и исполкомов. В случаях, когда поведение глав регионов выглядело особенно вопиющим, главы отстранялись от должности сверху — указами президента и решениями президиума Верховного Совета России. Так оказались полностью «обезглавленными» Краснодарский край, Калужская, Ростовская и Рязанская области, еще в ряде областей (Амурской, Владимирской, Нижегородской, Оренбургской, Самарской, Тамбовской, Тульской, Ульяновской) был отстранен только председатель облисполкома... В послеавгустовские дни под давлением демократов поменяли председателей полтора десятка краевых и областных советов. Где-то на смену приходил «второй эшелон» старой номенклатуры — председатели исполкомов, вторые и «просто» секретари обкомов... но чаще председательские кресла занимали новички — вчерашние вузовские преподаватели, научные работники, врачи, инженеры...»⁸. Таким образом, при изменении конфигурации власти около 65% региональной номенклатуры сумели конвертировать свой политический капитал в новое качество, не утратив элитных позиций.

В федеральных органах власти российский президент начал избавляться не только от «стариков», еще оставшихся в элите после горбачевских отставок, но и от относительно молодых чиновников, которые его не устраивали по личностным причинам. Первое российское правительство, которое возглавлял Егор Гайдар, продержалось всего год, и к 1992 г. из 34 его членов на своих постах остались только двое. Средний возраст «отставников» к 1993 г. понизился до 47 (!) лет. К 1995 г. процесс несколько замедлил свой темп,

но тем не менее средний возраст отставок элиты поднялся лишь до 53,6 года, что также не дотягивало до пенсионного возраста. Если при Горбачеве доля отставников, не достигших пенсионного возраста, составляла 19,5%, то в 1995 г. таких было уже 81,3%⁹.

При Ельцине уволить с поста могли чиновника, не достигшего даже 40 лет (например, Николай Федоров покинул правительство в 35 лет, Петр Авен — в 37, Егор Гайдар — в 38, Сергей Шахрай — в 39 лет). Ельцин приближал к себе людей, вскоре разочаровывался и менял их на других. Впервые в России нарушилась поколенческая преемственность элиты. Теперь нельзя было сказать, что у власти находится поколение ровесников президента, рожденное в 30-е годы. Представители старой номенклатуры и молодые реформаторы без какого бы то ни было управленческого опыта соседствовали в кабинетах новой власти. Конкурировали не поколения, а кланы. Был нарушен принцип постепенности, когда старшее поколение элиты уходило, ему на смену приходили более молодые — «замзавы», а потом и «замы замзавов». Теперь никто не ожидал, что после освобождения высокого поста его займет заместитель. Нарушилась возрастная субординация элиты.

Как видно из данных, приведенных в *таблице 4*, младшая возрастная группа далеко не всегда приходилась на 30-е годы. Подавляющее большинство членов правительства рождено в 40-е годы, то есть не относится к поколению своего лидера.

*Таблица 4. Возраст Ельцинской элиты на 04.1993 г.¹⁰
(в %% к численности группы)*

Рожденные в десятилетия	Аппарат и советники президента (n=21)	Члены Президентского Совета (n=24)	Члены правительства (n=35)	Лидеры партий (n=36)	Главы администраций регионов (n=89) ¹⁰
1910-е годы	0,0	8,3	0,0	0,0	0,0
1920-е годы	9,5	25,0	0,0	11,1	1,2

Продолжение таблицы 4

Рожденные в десятилетия	Аппарат и советники президента (n=21)	Члены Президентского Совета (n=24)	Члены правительства (n=35)	Лидеры партий (n=36)	Главы администраций регионов (n=89) ¹⁰
1930-е годы	38,1	29,2	25,7	33,3	38,3
1940-е годы	33,3	25,0	42,8	33,3	38,3
1950-е годы	19,0	8,3	18,6	19,4	18,6
1960-е годы	0,0	4,2	2,8	0,0	3,5
Средний год рождения	1942	1936	1945	1941	1943
Доля лиц моложе 40 лет	14,3 %	8,3 %	22,8 %	5,5 %	9,3 %

Советская система в свой поздний период тщательно избегала резких отставок, которые приводили бы к появлению *обиженных* из числа высокопоставленных чиновников. Экскорпорация проводилась максимально деликатно, с подчеркнутым уважением к заслугам руководителя. Даже очевидные опалы камуфлировались под «переход на другую работу». Теперь же отставки стали резкими, без привычных для элиты почетных ритуалов, без обеспечения рабочими местами в экс-элитных зонах. Многих вполне лояльных режиму официалов просто «выбрасывали на улицу», не гарантируя им ничего — ни почетных должностей, ни льгот, ни персональной пенсии.

Проникновение в элиту при Ельцине стало даже опасным, так как могло быстро закончиться арестом или возбуждением уголовного дела. *От репрессивной экскорпорации* не был застрахован никто, даже сам президент страны. Все это привело к появлению в обществе членов элиты, став-

ших врагами режима. Они разоблачали его, всячески дискредитировали реформы, вбрасывали в средства массовой информации компрометирующую инсайдерскую информацию. «Обиженные» концентрировались вокруг партии контролиты — КПРФ и Верховного Совета РСФСР, что стало одной из причин противостояния президента и парламента осенью 1993 г., которое закончилось обстрелом Белого дома в Москве.

Стремительность, с которой новое российское руководство производило кадровые замены, привела и к разрушению *обойм*. Теперь вполне реально было увольнение отдельных представителей команды и перевербовка других ее членов. Обоймы перестали полностью зависеть от своего лидера. Причем подчас такие команды меняли не только политического патрона, но и идеологию. Усиление одного из руководителей федерального уровня неизменно вызывало резкое увеличение его соратников.

При Ельцине появились *идеологические отставки*, которые далеко не всегда носили принудительный характер. Все чаще политики, не согласные с курсом правительства, публично объявляли о своем уходе по принципиальным соображениям. Еще несколько лет назад такое было немислимо, добровольный отказ от элитного статуса мог быть вызван только причинами состояния здоровья и сопровождался переходом на персональную пенсию. Это означало, что в новых условиях *экскорпорация переставала быть монополией правящей группы*. Государство утрачивало контроль не только за каналами входа в элиту, но и за каналами выхода из нее.

Как человек, много лет проработавший на номенклатурных постах, Ельцин использовал распространенный метод выдавливания элиты — создание новых структур власти с перенесением в них центра принятия решений. Это позволяло мягко устранять из активного политического поля тех членов элиты, от которых было невозможно избавиться при помощи простого увольнения. При Ельцине этот прием использовался так часто, что новые структуры создавались быстрее, чем укоренялись старые. Политическая система общества находилась в постоянном движении, претерпевая одну метаморфозу за другой. Если при Гор-

бачеве еще можно было говорить о противоборстве между старой элитой и новой, то теперь всё смешалось. Массовый набор новичков производился почти все годы Ельцинского правления, что вызывало необходимость быстро избавляться от «старых» сотрудников.

С целью облегчения вывода из рядов элиты ненужных кадров предпринимались попытки создания легитимных барьеров. Так, в ряде регионов устанавливается возрастной ценз к кандидатам на пост главы исполнительной власти регионов (как правило, 60—65 лет)¹².

Исследование, проведенное Т.Ремингтоном, дает нам дополнительные данные о том, каким образом определялась судьба бывших региональных руководителей после 1991 года. Так, большинство первых секретарей обкомов КПСС (70%) перешли в бизнес (государственный или частный), и лишь 16% остались в руководстве региона (см. таблицу 5). В то же время 40% председателей исполкомов разных уровней остались в элите, что говорит о том, что исполнительные комитеты советов народных депутатов сыграли роль буфера в период трансформации власти.

Таблица 5. Циркуляция региональной элиты после 1991 г.¹³
(в %)

Статус в ноябре 1992 г.	Позиция на август 1991 г.			
	1-с секретари ОК КПСС	1-с секретари ГК КПСС	Председатели исполкомов	Всего
Число человек в каждой группе	N=50	N=41	N=50	N=141
Остались в руководстве региона	16	12	40	23
Перешли руководителями гос. предприятий	32	44	22	32
Ушли в частный сектор	38	32	28	33
Покинули регион	14	12	10	12
Всего	100	100	100	100

Приведенные данные свидетельствуют, что мобильность в разных элитных группах имела качественно различную природу. В одном случае (в федеральных органах власти) это была *революционная замена* старого политического класса новыми разночинцами, в другом (в регионах) — процесс не выходил за рамки *эволюции*, позволявшей плавно замещать выбывающих членов элиты новыми представителями того же класса.

Новые типы отставок при Ельцине

При Ельцине появились принципиально новые типы отставок, которые в советские времена, да и в период перестройки, были нонсенсом. Это прежде всего *добровольные отставки* тех, кто в периоды резких поворотов курса реформ выражал свое несогласие с проводимой политикой, покидая высокую должность. Причем нередко такие отставки сопровождались открытой критикой курса президента. В предшествующие периоды такие эскапады чиновников были просто немыслимы и, безусловно, имели бы самые серьезные последствия для смельчаков. В Ельцинские времена никаких санкций после добровольной политической отставки не следовало. Более того, подчас такие критики режима через определенный промежуток времени опять могли оказаться в высоком кресле.

Другим новым типом эскорпорации при Ельцине стали *репрессивные отставки*, сопровождавшиеся уголовным преследованием официала. Выход из группы не только не сопровождался почетными ритуалами, но выражал явную враждебность по отношению к неугоднему чиновнику. Его могли подвергнуть унижительной процедуре ареста с последующей демонстрацией по телевидению, публикацией многочисленных разоблачительных статей и компрометирующих комментариев. Отныне пребывание в элите не могло служить гарантией от репрессий. Если раньше грехи номенклатуры тщательно затушевывались, а «выносить сор из избы» считалось нарушением корпоративной этики, то теперь срывались все и всяческие покровы. «Чемоданы компромата» готовились в недрах спецслужб на каждого политика и чиновника. Сам приход в элиту стал опасен, так как был чреват последующими преследованиями.

Третьим новым типом эскорпорации стали *резервативные отставки*, которые сопровождались выходом не в экс-элитные зоны, а в *резервации*, или запасники. Перемещение официала в экс-элитную зону означало сохранение для него почетного статуса при отсутствии реальных рычагов власти. Это был гарантированный практически для каждого члена элиты достойный уход, предшествующий пенсии. Возврат из экс-элитной зоны в элитную был исключен. Теперь же ситуация меняется: создаются (отчасти по инициативе государства, а отчасти — стихийно) такие рабочие места для отставников, которые подразумевают их последующее возвращение во власть. Запасники образуются как в политическом пространстве, так и вне его (главным образом — в сфере бизнеса).

Планомерное создание элитных резерваций

Ускорившийся темп элитного трафика в 90-е гг. требовал изменения подходов к работе с кадрами. Неотложной задачей тех лет стало управление процессами элитных перемещений. Такая потребность отчасти была обусловлена омоложением отставок, что требовало трудоустройства выпадавших из системы власти официалов. *Экс-элитные зоны* советского типа больше не вмещали отставников. Нужно было расширить объем зон настолько, чтобы вместить потоки все новых и новых уволенных чиновников. Поначалу казалось, что выборы могут стать тем механизмом, который позволит осуществлять эскорпорацию относительно безболезненно. Вспомним, как в 1989 году М.С.Горбачев посылал на выборы неугодных руководителей, никаким образом не подстраховывая их. Исполнительная власть полагалась на волю случая: если политик в состоянии самостоятельно победить на выборах — он достоин того, чтобы остаться в рядах элиты. Его судьба была в руках электората.

Но этого оказалось недостаточно. Во-первых, потому, что многие нежелательные лица после победы на выборах только наращивали свой властный потенциал, а задача эскорпорации так и оставалась нерешенной. Во-вторых, чиновники, обиженные отсутствием поддержки власти, начали использовать выборы как трибуну для резких нападок

на режим, становясь в оппозицию. Бывшие губернаторы и бывшие министры наводнили политическое пространство, оказывая все большее давление на власть.

Высокая скорость оборота элитных кадров привела к тому, что государственная машина теряла подготовленных политиков, но не могла быстро восполнить их недостаток. Кадровая проблема была одной из самых острых на протяжении всего постперестроечного периода. В 1993 г. была сделана первая попытка ввести отставки госслужащих в контролируемое русло. В подписанном президентом России 22.12.1993 г. «Положении о федеральной государственной службе» возвращается понятие «резерв». Параграф 29 указанного документа гласит: «За государственным служащим, пребывающим в отставке (в резерве), сохраняется классный чин с указанием «в отставке» («в резерве»)»¹⁴.

Но формальные шаги должны были подтверждаться реальными, что и обусловило появление экс-элитных ниш нового типа — *резерваций*. В отличие от советских «отстойников», куда безвозвратно отправлялись престарелые руководители, *резервации* были созданы исполнительной властью для временного «складирования» кадров с дальнейшей возможностью возврата. Эта новая система оказалась настолько удобной, что стала быстро развиваться. Государство целенаправленно стало создавать такие *резервации* или же приспособило для этой цели уже существующие институты власти.

Целенаправленное создание резерваций шло в нескольких направлениях:

1) *Создание «уполномоченного бизнеса»* — коммерческих структур, базировавшихся на ресурсах государства и имевших множественные привилегии по сравнению с частным бизнесом. Так происходила конвертация политического капитала в экономический.

2) *Создание фондов, общественных организаций, политических партий для трудоустройства отставников*. Так планировалось конвертировать старый политический капитал в новый.

Остановимся подробнее на характеристике каждого вида *резерваций*.

Синектуры нового типа: «государственный бизнес»

Для элиты 90-х гг. появляется возможность конвертировать власть в собственность с помощью перехода в экс-элитную зону, которую можно называть «государственным бизнесом». Это была, по сути, спецзона в бизнесе для парашютирования отставных членов элиты. Подробнее история возникновения бизнеса, находящегося под протекцией государства, изложена в главе 5 этой работы, посвященной генезису бизнес-элиты. Здесь мы остановимся лишь на том, какие именно ниши в «уполномоченном» секторе экономики были избраны в качестве *экс-элитных резерваций*.

Первые попытки конвертировать власть в собственность были сделаны еще в 1989 г. Идея принадлежала бывшему министру нефтяной и газовой промышленности СССР 1985—1989 гг. В.Черномырдину, который в августе 1989 г. преобразовал свое министерство в первый в стране государственный концерн «Газпром», председателем правления которого он и стал. Еще через год концерн преобразовался в акционерное общество, контрольный пакет акций которого остался в руках бывших руководителей министерства. Идея оказалась настолько плодотворной, что тем же путем последовали и другие: В.Величко — министр энергетического и транспортного машиностроения СССР (1987—1991) — в 1992 г. становится председателем правления государственного концерна «Тяжэнергомаш», созданного на базе министерства, которое он возглавлял. После приватизации концерна Величко становится генеральным директором акционерного общества, которое теперь стало называться «ТЭНМА», а также председателем совета директоров Холдингтэмбанка, обслуживающего этот концерн¹⁵.

Бывший министр транспортного строительства СССР (1985—1991) В.Брежнев в 1991 г. при ликвидации министерства активно участвовал в его преобразовании в государственную корпорацию «Трансстрой», которая также в 1993 г. была акционирована¹⁶. А.Михальченко — министр специального строительства и монтажных работ СССР (1989—1991) — в декабре 1991 г. преобразует свое ведомство в государственную корпорацию «Минмонтажстрой» и

становится ее президентом¹⁷. В.Мельников — министр лесной промышленности СССР (1989—1991) — приватизирует свое министерство и создает государственную корпорацию «Российские лесопромышленники», которую акционизирует в 1992 г.¹⁸ Н.Паничев — министр станкостроительной и инструментальной промышленности СССР (1986—1991) — после приватизации министерства в 1991 г. становится президентом государственного акционерного объединения «Станкоинструмент», с 1991 г. — президентом частной Российской станкоинструментальной компании¹⁹. Э.Первышин — министр средств связи СССР (1989—1991) — после приватизации министерства в 1991 г. становится председателем правления Концерна производителей систем и средств телекоммуникаций²⁰. В.Шимко — министр радиопромышленности СССР (1987—1988, 1989—1991) — после приватизации министерства в 1991 г. создает государственную корпорацию «Радиокомплекс», президентом которой становится в январе 1992 г.²¹ О.Шишкин — министр общего машиностроения СССР (1989—1991) — в декабре 1991 г. создает корпорацию «Рособщесмаш», президентом которой становится²². О.Сосковец в январе 1992 г. создал государственную корпорацию «Росчермет» на базе Министерства металлургии СССР, министром которого он был с апреля по август 1991 г., и стал президентом этой корпорации²³. Некоторые бывшие члены правительства в этот период становятся президентами коммерческих банков²⁴. Так бывшие правительственные чиновники становятся крупными собственниками.

Другим вариантом ухода из политической элиты стало создание новых бизнес-структур для высокопоставленных чиновников. Вот наиболее яркие примеры этого рода: для ухода бывшего главы президентской администрации Юрия Петрова в 1993 г. создается Государственная инвестиционная корпорация, целью которой было привлечение иностранных инвестиций в Россию²⁵; в том же году министр экономики РФ Андрей Нечаев, покидая свой пост в правительстве, становится президентом государственного предприятия «Российская финансовая корпорация»²⁶.

После становления крупных частных компаний появилась и еще один вариант для ухода чиновников в бизнес: их

приглашают стать вице-президентами, отвечающими за связи с государственными органами. Ради связей в высоких политических кругах на работу в «Газпром» приглашается бывший советник президента и вице-премьер Виктор Илюшин, в Альфа-банк — бывший вице-премьер Олег Сысуев, в международную фармацевтическую корпорацию «ICN» — бывший министр иностранных дел Андрей Козырев, в Монтажспецбанк — бывший председатель Госнабза СССР Леонид Воронин²⁷. Позднее получает развитие система ГУПов — государственных унитарных предприятий, пользующихся многочисленными привилегиями, руководящие посты в которых занимают чиновники рангом ниже.

В начале 90-х гг. переход с номенклатурных должностей в бизнес приобрел массовый характер. В *таблице 6* показано, каким именно образом осуществлялся этот переход. Распространенным способом создания номенклатурной коммерческой структуры было так называемое «пересаживание»: бывший советский руководитель становился собственником коммерческой структуры, представлявшей со-

Таблица 6. Основные пути перехода с номенклатурной должности в бизнес²⁹
(В %% к численности группы)

	Всего	Стал бизнесменом, не меняя места работы («пересаживание»)	Был делегирован в бизнес гос. органами	Использовал служебное положение для создания бизнес-структур	Перешел в бизнес, используя старые связи
Банкиры	100	9,7	19,3	54,8	16,2
Финансисты	100	2,8	14,3	62,9	20
Торговцы	100	14,3	0	71,4	14,3
Производители	100	30,4	21,7	34,8	13,1
Непроизводители	100	7,1	8,4	50,0	34,5

бой не что иное, как приватизированное предприятие. Фабрику, завод или иное ведомство, по сути, просто переименовывали, меняли вывеску, при этом здание, оборудование, мебель и сотрудники оставались теми же. Бывший управляющий становился собственником²⁸.

Другим распространенным способом обмена власти на собственность стало делегирование каким-либо государственным органом полномочий по ведению коммерческих дел своим уполномоченным лицам. В качестве *уполномоченных* избирались, как правило, молодые люди, которые сразу становились первыми лицами мощных финансовых структур. Эти нувориши вырастали как грибы после дождя, и не было ясно — каким образом в советское время они смогли накопить такие средства. Эта «золотая молодежь» только для непосвященного наблюдателя выглядела как *self-made-men*. На самом деле за ними всегда стояли могущественные структуры старой власти.

И, наконец, самым популярным типом перехода было создание новых коммерческих структур с использованием номенклатурным работником своего служебного положения. Структуры, созданные таким способом, быстро наполнялись высокопоставленными отставниками, «персональными пенсионерами». Как неоднократно рассказывали мне в своих интервью бывшие партийные и государственные руководители, в таких коммерческих структурах принимались на работу только старые коллеги, «наши» люди. Такие коммерческие «отстойники» образовывались главным образом на базе старых министерств и ведомств.

Анализ биографий крупных российских предпринимателей показывает, что 19,1% из них пришли в бизнес из государственных органов; 14,8% — из государственных банков; 30,4% — из старых промышленных предприятий³⁰.

Синектуры нового типа: фонды и ассоциации

Общественные организации и фонды формально существовали и в советское время и подчас исполняли ту же роль кадрового буфера при выдавливании членов элиты из корпорации. Но только в 90-е гг. процесс их создания приобрел такой масштаб. Это стало самым распространенным

способом экскорпации элиты. Так, каждый четвертый член правительства Н.Рыжкова 1989 г. после прихода к власти Ельцина возглавил какую-нибудь общественную организацию: В.Бакатин — фонд «Реформа», Н.Губенко — Ассоциацию содействия культуре, В.Дурасов — Международный фонд приватизации и инвестиций, С.Колпаков — Международный металлургический союз, Н.Лаверов — фонд М.В.Ломоносова, И.Силаев — Межреспубликанский экономический комитет, В.Чирсков — Российскую внешнеэкономическую ассоциацию, В. Щербаков — Международный фонд «Интерприватизация»³¹. Причем все «бывшие» становились непременно *президентами* структур, создание которых они же инициировали.

Однако вскоре процесс бурного возникновения фондов и ассоциаций стал замедляться. Оказалось, что, несмотря на легкость юридического оформления структур с пышными «международными» названиями, далеко не всегда они могли быть жизнеспособными. Бесчисленные «президенты» и «генеральные директора» на деле оказывались пустышками, если за ними не стояли крупные капиталы и интересы корпораций. Государство, оказывая протекцию при создании, далеко не всегда брало на себя функции поддержки подобных фондов на протяжении длительного времени. Действующие чиновники были заинтересованы не в финансовых вливаниях в дружественные структуры, а в том, чтобы обеспечить себе дополнительные источники доходов. Начался «естественный отбор» фондов, в ходе которого выжили только те, которые имели солидных спонсоров и поддержку крупных промышленных предприятий и банков.

Нарождающийся частный сектор экономики нуждался в защите своих интересов. Осознание этого привело к созданию первых лоббистских структур. Теперь уже не всегда министр, уходя в отставку, создавал «для себя» общественную организацию. Чаще уже существующие лоббистские структуры искали влиятельных «бывших» и приглашали стать их представителями. С появлением опыта лоббистские организации осознали необходимость направлять работающих на них «бывших» в законодательные органы власти, финансируя их избирательные кампании, а подчас опла-